

Симона
Виллар

Обрученная
с розой

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Анна Невиль

Симона Вилар
Обрученная с Розой

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1994

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Вилар С.

Обрученная с Розой / С. Вилар — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1994 — (Анна Невиль)

Когда-то великий Коронатор граф Уорвик возвел на престол Йорков и стал полновластным правителем при молодом ветреном Эдуарде. А теперь преданный своим воспитанником изгнанник готов отомстить королю, приняв сторону его злейших врагов – Ланкастеров. Но в Англии осталась дочь Коронатора Анна. И Эдуард не упустил этот шанс, прибегнув к позорному шантажу. Но строптивая девица спутала все его планы – в мужском обмундировании стрелка сбежала вместе с отрядом королевского гонца Филипа Майсгрейва. А когда тайна юного и смелого стрелка будет раскрыта, Майсгрейв, полюбивший Анну, окажется на распутье – предать Белую Розу Йорков или спасти свою любовь...

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

© Вилар С., 1994
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1994

Содержание

Пролог	6
1. Рыцарский турнир	11
2. Королева вспоминает	23
3. Братя	37
4. Сватовство	48
5. Досточтимый Ингильрам	60
6. Епископ принимает решение	66
7. Рыцарь у камина	70
8. Поздним вечером	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Симона Вилар Обрученная с Розой

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Гавриленко Н., 2005, 2011, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2006, 2011, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

* * *

Пролог

Высокий мужчина в длинном плаще был уже немолод. Но тем не менее, когда лодка, пробившись сквозь густой туман, подошла к кораблю и сверху спустили трап, он, словно юноша, молниеносно вскарабкался по нему.

Не обращая внимания на услужливо протянутую капитаном руку, он легко переступил через борт.

– Моя дочь уже здесь? А сэр Джордж?

– Да, ваша светлость, они ожидают вас, – указал капитан в сторону двух силуэтов, еле различимых сквозь мрак ночи и густой туман.

Прибывший удовлетворенно кивнул и оперся рукой о борт. Он смертельно устал, но хотел не столько отдохнуть, сколько просто побыть в одиночестве.

Боже правый, он, еще недавно полновластный владыка Англии, гордый Ричард Невиль, граф Уорвик, вынужден тайком, под покровом ночи, спешно покидать свою страну, которая почтительно назвала его Делателем Королей.

Когда-то это прозвище обронила его злейший враг – королева Алой Розы Маргарита Анжуйская. Это было в разгар войны Алой и Белой Розы, кровавой междоусобицы, когда схлестнулись за корону два самых великих рода Англии – Ланкастеры, в гербе которых была алая роза, и Йорки с белой розой в гербе. Уорвик в то время стоял за Йорков; тогда он впервые познал славу побед, ощутил свою мощь, так что ядовито-ироничным прозвищем, данным ему королевой Алой Розы, можно было только гордиться. Ибо он поклялся и впрямь стать делателем королей и возвести на трон основного претендента от йоркистов – молодого Эдуарда.

Он преуспел в своих планах. Королева Маргарита и ее супруг, слабовольный король Генрих VI Ланкастер, были побеждены, а гордый Уорвик возвел на трон Эдуарда IV из рода Йорков и по сути стал правителем при молодом монархе. Но именно тогда началось его нынешнее поражение.

Король Эдуард поначалу был послушен воле графа Уорвика. Красивый, легкомысленный, добродушный, он воспринял власть как дар судьбы, получал от своего положения все удовольствия, развлекался пирами, охотой, любовью красавиц, пока его могущественный покровитель Уорвик разумно и жестко правил Англией и все-таки остановил междоусобицы в истерзанной стране. Тогда Делатель Королей был на вершине могущества, но еще не понимал, как трудно удержаться на высоте и что за восхождением неизменно следует спуск.

Именно это с ним и случилось. Оставалось только пожинать плоды. И что теперь? Унизительный побег! Постыдное поражение! Он – владыка и правитель – стал изгоем, вынужденным бежать... И у кого просить защиты и покровительства?! У своего заклятого врага, у Маргариты Анжуйской, которую он лишил трона, у которой отнял мужа, заключив в Тауэр!

Уорвик даже застонал... Нет, просто глухо выругался...

– О чем задумались, батюшка? – прервал его горькие мысли нежный женский голос.

Рядом стояла его старшая дочь Изабелла. Даже складки широкого плаща не могли скрыть ее выступающий живот. Изабелла Невиль, супруга второго из венценосных Йорков, Джорджа Кларенса, была на сносях, родить предстояло вот-вот.

«Бедная девочка! – подумал Уорвик. – Каково ей в таком состоянии переносить качку и тяготы изгнания...» Но думать о старшей дочери кроме как вскользь у Делателя Королей не было времени. Да и привычки.

– Ступай к мужу, дитя мое! Твой супруг будет для тебя лучшим утешением, нежели я, – сказал и отвернулся.

Мысли его были заняты делами государственными, вернее, собственными ошибками. Ведь брак Изабеллы со средним Йорком тоже был ошибкой. Не потакай он тогда дочери, влюбленной в обаятельного Джорджа, все можно было бы повернуть по-иному. Ведь даже Эдуард заглядывался на золотоволосую Изабеллу. Но тогда он еще не был королем, а Изабелла, как на грех, полюбила второго из Йорков. Джордж, конечно, славный малый, но он никогда не имел таких прав на трон, как его брат Эдуард.

Позже, когда Уорвик возвел на трон Эдуарда, он попытался исправить эту ошибку и обручил короля со своей младшей дочерью – Анной. Правда, Анне едва исполнилось шесть лет, но разве подобные династические союзы не были делом обычным? Поэтому никто не удивился, когда рослый широкоплечий юноша обручился с малюткой Анной Невиль. Они должны были оставаться женихом и невестой до тех пор, пока Анна не сможет выполнять супружеские обязанности.

Уорвик пристально глядывался сквозь туман в даль, как будто пытаюсь разглядеть будущее...

«Бедняжка Анна! Цветочек мой!»

Младшая дочь Уорвика была его любимицей. Ее мать, леди Бьючем, умерла, когда девочке не было и двух лет, и так вышло, что малютка не воспитывалась где-нибудь в монастыре или у знатной родни, а сопровождала отца в походах. Позднее, когда династия Белой Розы взошла на престол и маленькая Анна стала невестой короля, она по-прежнему оставалась при графе.

Уорвику всегда были по душе ее дикие выходки и необузданный характер. Конечно, он видел, что Анна просто маленькая дурнушка со скверным нравом, что при дворе ей не место, и понимал, что вряд ли Анна будет счастлива, став супругой столь пригожего и любвеобильного мужчины, как Эдуард. Но она получит корону. А все эти слухи, что Уорвик готов разорвать помолвку Анны ради брачного союза с Францией, – только лишь политика. Надо же было как-то налаживать связи с хитрым французом Людовиком Валуа. Однако в действительности Делатель Королей, сам не имея прав на трон, желал получить их через дочь.

Что будет с Анной потом... Увы, отцу оставалось только воспитывать ее стойкой и решительной в житейских неурядицах. И подобное воспитание странно сочеталось с теми привычками, какие он прививал Анне. Ибо девочка, росшая вдали от двора, колесившая повсюду с войском отца, стала самым настоящим сорванцом с ухватками мальчишки. Она прекрасно ездила верхом, великолепно стреляла из лука и арбалета, не говоря уже о том, что порой юной невесте короля приходилось и драться, отвоевывая свое место у походного котла. Уорвик же только старался, чтобы слухи о подобных выходках Анны не доходили до Эдуарда – любителя изящных, утонченных леди.

Когда девочке исполнилось одиннадцать, ее дядя – епископ Йоркский Джордж Невиль – потребовал, чтобы Уорвик отдал Анну на воспитание в какой-нибудь известный монастырь, где ей наконец привьют хорошие манеры и дадут образование, подобающее будущей королеве. Как ни был привязан Уорвик к своей маленькой сорвиголове, он должен был уступить этим доводам, и царапающуюся и ревущую в голос девочку увезли в монастырь при аббатстве Киркхейм в Йоркшире. Вскоре граф стал получать сведения, что в монастыре Анна присмирела и легко постигает науки. Он все время собирался навестить дочь, да только время, да только государственные дела, да только начавший проявлять строптивость молодой король...

И вот теперь, когда Уорвику приходилось под покровом ночи тайно покидать Англию и оставлять свою девочку, он молил Бога, чтобы стены аббатства послужили надежной защитой его крошке. Особенно сейчас, когда сам он стал изгнанником, а Эдуард, вопреки данному слову, женился на другой.

Этот возвеличенный Уорвиком король из династии Йорков с ранней юности приобрел славу сердцеда. Чему удивляться? Красивый, пылкий, обходительный – ни одна женщина не могла устоять перед этими качествами, тем более если принадлежали они королю. Уорвик не придавал значения любовным утехам будущего зятя, более того, пока Анна была мала, его даже устраивало подобное поведение венценосного жениха. По крайней мере, это отвлекало Эдуарда от вмешательства в дела государства. Это бремя Ричард Невиль с готовностью возложил на себя, и страной фактически правил он – граф Уорвик.

Но Эдуард оказался не так покладист, как представлялось на первый взгляд. Пользуясь частыми отлучками Уорвика, он начал выходить из-под опеки. Орленок подрос и норовил занять место старого орла.

Тогда стали возникать первые размолвки. Уорвик был вне себя, когда узнал, что Эдуард провалил так тщательно подготовленный им брачный союз между сестрой Йорков Маргаритой и французским монархом Людовиком XI, выдав Маргариту за герцога Карла Бургундского, непримиримого врага Валуа. Это выставило Уорвика неспособным вершить внешнеполитические дела, однако тогда он смирился. Ведь открытый разрыв с Эдуардом не входил в его планы, ибо повлек бы расторжение помолвки с подраставшей Анной. Но в отместку Уорвик позволил разгореться нескольким мятежам на Севере Англии, и, когда сторонники Ланкастеров начали открытые военные действия, обеспокоенному Эдуарду не оставалось ничего другого, как молить о помощи того же Уорвика.

Для беспокойства причин было более чем достаточно. Король Генрих Ланкастер томился в Тауэре, но мятежной Маргарите Анжуйской удалось скрыться. Вместе с сыном Эдуардом Уэльским она нашла убежище при дворе своего родственника Людовика Французского. И под ее крыло стали стекаться приверженцы Алой Розы. Тень войны вновь стала сгущаться над Англией.

Король Эдуард понимал, что единственным человеком, способным подавить мятеж и предотвратить кровопролитие, остается граф Уорвик. И, когда опасность превратилась в реальность, вновь обратился к помощи Делателя Королей. А тот, словно опытный всадник, натягивал поводья, укрощая вражескую смуту и ставя на место короля. Но это продолжалось до тех пор, пока очередная своевольная выходка Эдуарда вновь не нарушала равновесия.

Сейчас Уорвик понимал, что это была еще одна ошибка: так жестко давить на короля было неразумно. Делатель Королей видел, что их отношения с Эдуардом ухудшались, Эдуард искал новых сторонников. И становился все популярнее. Рано или поздно между ними должен был произойти окончательный разрыв.

Но тут произошло непредвиденное.

При дворе появилась скромная просительница, молодая вдова из Уэльса, некая Элизабет Грэй, в девичестве Вудвиль. Все ее многочисленные родственники были приверженцами Ланкастеров, поэтому казалось, что леди Грэй не на что рассчитывать... не будь она так дивно хороша собой.

Уорвик поначалу с легким любопытством наблюдал за тем, как увивается вокруг Элизабет Грэй венценосный жених его дочери. Эдуард был вновь окрылен любовью, а значит, ему было не до государственных дел. К тому же ухаживания потребовали от короля немало заметных усилий: леди Грэй оказалась на редкость неуступчивой.

Эдуард умолял, задаривал, угрожал – все было тщетно. Дама не сдавалась. Сам Уорвик был свидетелем случая, когда Эдуард, желая добиться своего, приставил к горлу прекрасной Элизабет кинжал. Видимо, обходительный Нэд¹ Йорк совсем отчаялся, если решился на подобный шаг.

¹ Нэд – сокращенно от Эдуард.

Упорные ухаживания короля стали предметом насмешек двора – по всем углам шептались о том, что на самом деле Элизабет Грэй по уши влюблена в другого – некоего рыцаря сэра Филипа² Майсгрейва – и собирается, когда окончится ее траур по мужу, сочетаться с ним узами брака.

Одни считали ее просто беспросветной дурой, раз она упирается и не хочет понять, какие выгоды сулит ей любовь короля, другие же, наоборот, утверждали, что красавица Лиз поразительно хитра и многого добьется, играя с королем в целомудрие. Это лучший способ распалить чувства короля до настоящего пожара. В галереях дворца заключались пари, как долго будет ломаться прекрасная вдова, обремененная двумя детьми, к тому же бывшая несколько старше короля.

Уорвик, конечно, знал все придворные сплетни, но, занятый хитросплетениями переговоров с Людовиком Французским о передаче беглой королевы Маргариты Англии, пропустил момент, когда страсть короля перешла все разумные пределы. Каково же ему было узнать, что Эдуард все-таки добился своего, но лишь когда тайно обвенчался с Элизабет Грэй. Красавица из Уэльса сдала свои бастионы только после того, как перед ней открылась перспектива стать полноправной королевой.

Вот это был настоящий удар! Чего-чего, а такого безрассудства, по сути предательства, Уорвик от короля не ожидал. Это стало пощечиной Делателю Королей: ради какой-то бабенки Эдуард пренебрег тем, кто добыл ему трон. Помолвка короля с Анной была расторгнута, а Уорвик – опозорен.

Тогда грозный Уорвик решил выступить против того, кого сам же возвеличил. Он поднял восстание и, как всегда, одержал победу. Он, Ричард Невиль, талантливый полководец и политик, можно сказать, держал в руках Эдуарда, требуя одного и главного: объявить брак с леди Грэй недействительным.

Его поддержала мать Эдуарда, Сесилия Невиль, возненавидевшая низкородную Элизабет Грэй с момента появления вдовы при дворе. Даже то, что Элизабет сразу понесла от ее сына, не остановило оскорбленную герцогиню Йоркскую. Она сама позволила Уорвику заманить короля в ловушку, по сути, сделать его пленником Делателя Королей. И графу опять показалось, что он контролирует положение, что вновь он выиграл.

Но в результате – проиграл.

Эдуард Йорк был его учеником и сумел, добившись поддержки у младшего брата, горбуна Ричарда Глостера, дать самому Делателю Королей достойный отпор.

Уорвик до сих пор не мог понять, как это произошло. На его стороне были значительные силы, верные сторонники, надежные друзья. И все же он, отрезанный армией короля в графстве Девоншир, был вынужден отступить.

– Медведь³ в ловушке! – ликовали сторонники короля Эдуарда.

Уорвика выручил зять – Джордж Кларенс. Он успел зафрахтовать в Дармуте корабль...

Теперь Уорвик вынужден позорно бежать. От этой мысли глаза Делателя Королей застилал кровавый туман. И куда бежать – к Маргарите Анжуйской! Это был единственный шанс отомстить Эдуарду за оскорбленную честь и вернуть трон тому, кого сам же и сверг, – Генриху Ланкастеру.

– Бог свидетель, я отомщу, – пробормотал Уорвик. – Пусть для этого мне даже придется носить шлейф этой анжуйской сучки Маргариты!

– Вы что-то сказали, граф?

Уорвик вздрогнул от неожиданности. А, Джордж... У него, как и у младшего из Йорков – горбатого Ричарда, была скверная привычка подкрадываться незаметно.

² В отличие от французского Филипп, английское имя – Филип, с ударением на первом слоге.

³ На гербе графа Уорвика был изображен вставший на задние лапы медведь.

– Вы что-то сказали о Ланкастерах? – вкрадчиво повторил Джордж.

– Сказал. Увы, придется перейти в стан Алой Розы и вернуть трон Ланкастерам. Не будь я собой, если не отомщу Эдуарду!

Во мраке он не заметил, как резко отшатнулся Джордж. Не придавал значения тому, как изменился голос зятя:

– Ланкастеры – ваши враги! Они ненавидят вас лютой ненавистью! Но я-то предан вам, Уорвик. Почему вы лишаете меня права стать королем, ведь я – ваш зять? И ваша дочь могла бы стать королевой!

– Моя дочь и так станет королевой. Но не Изабелла, а Анна. Теперь, когда ее помолвка с Нэдом – дело прошлое, мне ничто не мешает отдать ее руку сыну Маргариты Эдуарду Уэльскому. Да, ты прав: меня многое разделяет с Алой Розой, но этот брачный союз свяжет нас навсегда...

– Но мы – я и Изабелла?..

– Я очень люблю вас обоих. Однако больше этого уважаю право прямого престолонаследия. И если я иду на то, чтобы лишить старшего из Йорков короны, то тогда только Ланкастеры могут претендовать на трон. Ты не должен сердиться, мальчик мой. Для вас с Изабеллой и вашего наследника я сделаю все возможное. Слово Уорвика!

Джордж не ответил, только коротко поклонился и, резко повернувшись, пошел туда, где ждала его жена. При дворе их называли «самой влюбленной парой», хотя некоторые злословили, что Джордж Кларенс прельстился не столько красотой дочери, сколько могуществом ее отца. Но сейчас, когда Джордж и Изабелла, стоя на корме, наедине, в тени полуночи, нежно шептались, они выглядели действительно умирительно.

Однако шептались они вовсе не о любви. Джордж был ослеплен гневом – ему было не до дамских прелестей, голос его даже окрасился шипящими интонациями:

– Я всем пожертвовал ради него, пошел даже против родных братьев, а он готов все это перечеркнуть во имя своих дурацких старомодных принципов. Какого дьявола тогда мне отправляться к Ланкастерам?! Нет, при первой же возможности я вернусь в Ирландию. Там я – полновластный Йорк.

– Дело вовсе не в принципах, мой дорогой Джордж... Дело в Анне. Эта дурнушка всегда была любимицей отца... – В голосе Изабеллы отчетливо зазвучали нотки ревности.

Старшая дочь была права. Делатель Королей действительно боготворил младшую дочь, а старшую – просто любил. И в эту минуту Ричард Невиль думал именно о своей гордой малышке, и сердце его замирало в груди: как она там?

Конечно, он оставил свою любимицу под надежной защитой, вернее, под самой надежной из всех ненадежных – под кровом аббатства, под защитой Церкви. К тому же Уорвик знал, что Эдуард, какими бы ни были их отношения, по духу – рыцарь; он не посмеет мстить невинной девушке.

Так ли уж не посмеет?! «Господь Всемогущий, защити мою малышку от зла... Спаси ее... О девочка моя, что же тебя ждет?»

1. Рыцарский турнир

Король Эдуард действительно был страстно влюблен в свою королеву. Он превозносил ее, не расставался с ней и был безмерно счастлив, потому что большинство англичан были довольны, что корона оказалась на голове их соотечественницы, а не досталась иноземке. Ибо многие еще помнили ту ненависть, какую вызвала к себе француженка Маргарита Анжуйская.

Красивая бедная вдова быстро освоилась с новой, царственной ролью. Прирожденный ум и рассудительность удерживали ее от того, чтобы кичиться своим положением, вызывая негодование знати. Вместе с тем Элизабет обладала тонким искусством польстить, а самых ярких противников сумела либо задобрить богатыми дарами, либо умиротворить, а иных – и припугнуть. К тому же, чтобы создать себе опору, она старалась приблизить ко двору своих родственников и, ластясь к Эдуарду, добивалась для них титулов, должностей и земель. В этом был резон: новая знать будет куда более верна, нежели старые аристократические роды, и таким образом многочисленные Вудвилы и Грэй прочно обосновались при дворе, оберегая интересы королевы и ее венценосного супруга.

Даже когда вместо ожидаемого наследника королева родила дочь, это не уменьшило любви и восхищения ее супруга. Маленькая принцесса была названа в честь матери – Элизабет, и в городе Йорке по случаю ее крестин устроили грандиозное празднество. Пиршеств, балы, охота сменяли друг друга. По вечерам жгли праздничные огни, а из королевских погребов выкатывали бочки эля для бесплатного угощения всех желающих. Венцом празднеств должен был стать великолепный турнир, на котором английские и иноземные рыцари собирались продемонстрировать свое воинское искусство и доблесть.

Турнир назначили на последние числа февраля, когда установилась мягкая, сухая погода. На поле перед воротами Сент-Мэри-Джуниор было устроено ристалище. По обеим сторонам поля установили помосты и амфитеатры с ложами, которые могли вместить множество зрителей. Между ними простиралось обширное пространство, огороженное частоколом, – арена, где должны состояться поединки.

За день до турнира по городу и его окрестностям ездили разряженные, как райские птицы, герольды, дующие в посеребренные трубы и призывая всех желающих поспешить на рыцарские игрища. И, едва только первые лучи солнца позолотили небосвод, толпы зрителей двинулись в сторону ристалища.

Хорошо вооруженный отряд городской стражи всю ночь охранял арену, и при утреннем освещении глазам горожан предстало ослепительное зрелище. Трибуны были выкрашены в самые яркие цвета, а скамьи для знати выстланы коврами и пестрыми подушками. Посередине одной из трибун возвышался резной помост с балдахином. Сюда еще на рассвете привезли и установили кресла, в которых предстояло восседать королю и королеве.

Для простолюдинов отводилось пространство вокруг арены, а те, кто был в состоянии заплатить, могли получить места в нижних ярусах амфитеатра. Беднота толпилась и на склонах близлежащих холмов, а многие залезли на деревья вокруг арены, откуда все было видно как на ладони.

Ближе к полудню из городских ворот показалась блистательная кавалькада и под приветственные крики собравшейся толпы направилась к ристалищу. Впереди бок о бок ехали царственные супруги – оба на белых конях, в алых бархатных мантиях с пышными горностаевыми оплечьями. За ними на таком же белом скакуне следовал младший брат короля принц Ричард Глостер, а далее – благородные лорды и леди, фрейлины, пажи, конюшие.

Легкой рысью подъехав к отведенной ему ложе, король сдержал коня, едва не подняв его на дыбы, и, послав публике воздушный поцелуй, пружинисто соскочил с седла. Моло-

дой король, одетый на бургундский манер в переливающийся бархатный камзол-упланд со сверкающей золотом узорчатой цепью на груди, радовал глаза англичан, и в особенности англичанок.

Эдуард повернулся к королеве и протянул ей руку, помогая сойти с лошади.

– Взгляните, сколько народу, любовь моя! И все славят нас с вами.

Эдуард знал, что его красивая самоуверенная улыбка неотразима. Держался он несколько надменно и вызывающе, но в целом облик его располагал к себе. «Шесть футов мужской красоты», – говорили о нем современники.

В самом деле, трудно было найти человека, кто не согласился бы с тем, что Эдуард выглядит притягательно. Рослый, широкоплечий, узкий в талии, он приковывал к себе взгляды. У него было красивое румяное лицо, ясные голубые глаза, а из-под украшенной драгоценностями шляпы на плечи спадали густые каштановые волосы.

Прекрасно смотрелась рядом с красавцем королем и его королева. В розовом бархате и белом лебяжьем пуху она казалась цветущей яблоней. Ее движения были уверенны и грациозны. С высокого головного убора ниспадала легкая вуаль. Лицо королевы было нежным, с чуть смуглой бархатистой кожей, точеным носом, бледными, изящно очерченными губами.

Элизабет была блондинкой с чудесными золотыми кудрями и удивительной красоты глазами – мечтательными, нежными, с красивым лиловатым оттенком лесной фиалки. Она не была слишком высокой, но, дав жизнь уже третьему ребенку, оставалась тонкой и гибкой в талии, в то время как грудь и бедра королевы были приятно округлыми.

Держа Элизабет за кончики пальцев и высоко подняв ее руку, Эдуард торжественно повел ее к помосту. Рядом с ними, в кресле пониже, устроился брат короля Ричард Глостер. Это был единственный калека в семье привлекательных Йорков – горбатый, отчего одно плечо казалось немного ниже другого, и герцог всячески маскировал этот недостаток стегаными ватными подплечниками камзола. К тому же одна нога его была короче другой и Ричард заметно прихрамывал. И тем не менее его лицо было не лишено приятности – у него были крупные, но правильные черты лица, тонкая смуглая кожа и иссиня-черные прямые волосы. Пожалуй, несколько портил Ричарда тонкогубый рот, то и дело кривящийся в саркастической усмешке, однако темные глаза светились умом и волей.

Несмотря на свое телесное уродство, Ричард любил яркие цвета, и сейчас на нем было богатое одеяние из малиновой парчи и плащ на бобровом меху. На груди покоилась тяжелая золотая цепь, украшенная рубинами в виде звезд, пальцы были усыпаны перстнями, а модные башмаки с длинными узкими носами были сплошь расшиты жемчугом. Вся эта вызывающая роскошь словно была призвана подчеркнуть: Ричард – брат государя, а вовсе не придворный шут-калека.

Наконец все заняли места: нарядные дамы в своих замысловатых головных уборах, кавалеры с золотыми цепями на груди, кудрявые пажи в пестрых беретах. Повсюду шелестели дорогие ткани, позвякивали массивные украшения, колыхались на легком ветру перья и вуали.

Ричард Глостер энергично потер руки и осведомился у брата, долго ли можно тянуть с открытием турнира. Эдуард улыбнулся его нетерпению и небрежно взмахнул рукой.

Тотчас, трубя как можно громче, на арене появились десять герольдов в алых одеждах. Достигнув середины поля, они остановились, и наступила тишина. Один из герольдов не спеша развернул свиток и провозгласил, что сегодня, 27 февраля 1470 года от Рождества Христова, на лугу перед славным городом Йорком английские рыцари сойдутся в поединке с бургундскими рыцарями во славу английского оружия, во имя королевы и прекрасных дам.

После этого герольд стал громко объявлять имена участников турнира. Сначала он перечислил бургундцев. Это были прославленные воины. Первым на арену выехал канцлер Карла Смелого, благородный граф де Кревкер де Корде – высокий, могучий рыцарь в чер-

ных с золотыми насечками латах. Он сидел на крупном сизо-вороном коне, голова и грудь которого были закованы в сталь, а бархатная попона опушкой касалась земли.

За ним следовал состоявший при дворе Карла Смелого принц Жак Савойский. Его доспехи были украшены золотом еще богаче, чем вооружение Кревкера, а конь так же черен, как и пышный плюмаж на шлеме его хозяина.

Затем герольд выкликнул барона Пенсилья де Ривьера и еще двоих, не столь известных в Англии, но уже прославившихся по ту сторону Ла-Манша рыцарей – Антуана де Курси и Людовика де Бова.

Когда рыцари со своими оруженосцами выстроились в ряд, обнаружилось, что все они в своих черных убранствах различались лишь яркими гербами на щитах, причем в верхнем углу щитов стоял символ Бургундии – крест святого Андре.

Затем герольд-глашатай назвал тех, кто станет соперничать с иноземными рыцарями. Едва прозвучали имена первых трех, как трибуны одобрительно загудели:

– О, эти скоро справятся с бургундцами! Нечего было и выставлять пятнадцать воинов. Многие останутся не у дел.

– Ну что ж, тогда они выйдут на поединок друг против друга.

Рыцари-англичане выезжали с противоположного конца ристалища и выстраивались напротив бургундцев. Здесь собрался цвет английского рыцарства, но в отличие от бургундцев, заранее готовившихся к турниру, английские бойцы были на разномастных конях. Сойдясь вместе, они представляли собой живописное зрелище. Едва кто-то из них появлялся в воротах, зрители взрывались восторженными криками и аплодисментами.

Наконец все участники выстроились в центре арены, и герольды призвали зрителей к тишине. Глашатай прокричал, что бургундцы готовы сражаться с любым из пятнадцати воинов, выступивших против них, и зачитал правила турнира, где говорилось, что оружие должно быть затуплено, нельзя поражать противника ударом ниже щита, а также ранить или убивать его коня.

– А по завершении поединков, – читал далее глашатай, – победитель получит из рук самой королевы нагрудный ковчежец из чистого золота, где хранится бесценная частица животворящего Креста, на котором был распят сам Спаситель.

После этого герольды вереницей покинули арену. Разъехались и рыцари, причем бургундцы направились к северным воротам ристалища, а англичане – к южным. Зрители оживленно шумели, многие заключали пари.

И вот раздался глас трубы, призвавший к тишине. С северной стороны на арену легкой рысью выехал бургундец и остановился, призывно трубя в рог и бросая вызов любому из англичан сразиться с ним. Глашатаи прокричали имя первого бойца:

– Барон Пенсиль де Ривьер!

Зрители, затаив дыхание, следили, кто же откликнется на вызов.

Герцог Глостер, вокруг которого толпилась знать, любезно пояснил:

– Этот сэръ Пенсиль неплохой боец. Он ярый враг французского короля и вынужден был бежать из Франции и просить защиты и покровительства у герцога Карла. Однако взгляните, вот и его противник!

В противоположном конце арены появился рыцарь на мускулистом рыжем коне, покрытом ярко вышитой попоной. Блестели богатые доспехи, развевался пышный плюмаж. Горделиво прогарцевав, он занял позицию напротив бургундца.

– Сэр Уильям, благородный барон Стемплтон, воитель под знаком Пеликана. Девиз его...

Но последних слов уже нельзя было разобрать из-за рева толпы. Ведь это был северянин, их земляк, родовитый и грозный феодал.

– Да пошлет небо удачу тебе, наш добрый северный лорд!

– Куда бургундцу до нашего барона!

– Ура! Да здравствует благородный Стемплтон!

Рыцари опустили забрала и по второму звуку трубы взяли копьа наперевес. С третьим они дали шпоры коням и бешеным аллюром понеслись навстречу друг другу.

Несколько мгновений над ристалищем висела напряженная тишина. Гулкий удар – и возглас возмущения потряс трибуны. От удара бургундца барон Стемплтон вылетел из седла и, громыхая доспехами, покатился по земле. Его конь с неистовым ржанием продолжал скакать по арене. Отныне по правилам турниров он принадлежал Пенсилю де Ривьеру. Победитель, выдержавший могучий удар, с высоко поднятым копьем пронесся вдоль трибун. Ему аплодировали, но большинство зрителей досадовали из-за поражения своего земляка, которого уносили с поля оруженосцы.

Однако их ждало еще большее разочарование, когда за первым поединком последовали еще три и все они завершились поражением англичан. Турнир едва успел начаться – и такой разгром! Все взгляды с надеждой устремлялись на каждого нового бойца, появлявшегося на ристалище: уж сейчас-то удача улыбнется англичанину. Но эти черные бургундцы вновь и вновь словно шутя выбивали из седла тех, кого Англия считала достойнейшими ратными мужами.

Пятым из бургундцев выступил на поле гордый граф Кревкер.

– О, этот одолеет любого! – сказал герцог Глостер. – Я даже не знаю, найдется ли в Англии воин, способный на равных схватиться с ним.

На этот раз рыцари-англичане долго совещались, пока наконец не выставили бойца. Им оказался Энтони Вудвиль, граф Риверс, – родной брат королевы Элизабет. Получив титул благодаря браку старшей сестры, он вскоре освоился при дворе, держался надменно, однако был предан дому Йорков и слепо повиновался королю.

Сейчас граф восседал на белоснежном коне и, горяча его, приветствовал зрителей. Доспехи миланской работы с золоченым, сверкавшим на солнце шлемом, увенчанным плюмажем из белоснежных перьев, слепили глаза.

Ричард-горбун только выругался, завидев его:

– Нашли кого выставить против Креккера! Хотя, пожалуй, этот дурень напросился сам. Клянусь Распятием, родичи королевы слишком высокого мнения о себе! Впрочем, скоро мы увидим, как славный Энтони Вудвиль вылетит из седла, и полюбуемся, как его поволокут с поля оруженосцы.

Ричард говорил все это с улыбкой, обращаясь к дамам и вельможам, но слова его были предназначены исключительно для ушей Элизабет. При дворе знали о скрытой вражде между супругой короля и его братом. Ричард не мог простить ей влияния на Эдуарда, ее внезапного возвышения, ее неустанного стремления заполнить двор своими родственниками. И хотя он оставался предупредительным и любезным, Элизабет ни на миг не сомневалась, что Ричард ее ненавидит. Так и сейчас: казалось, она не расслышала слов Ричарда, но вспыхнувший румянец невольно выдал ее гнев. Заметив это, Эдуард решил вступиться за молодого Риверса:

– Ты не прав, Дик. Благородный Риверс, будучи почти ребенком, уже сражался за нашу победу и, несмотря на возраст, говорят, являл чудеса отваги. Поэтому, я надеюсь, сейчас он покажет себя достойным противником.

– Дай-то Бог, братец. Однако о боевых заслугах славного Энтони заговорили, лишь когда он стал графом Риверсом. А раньше до меня доходили только слухи о его посредственности в ратных делах. Безусловно, это ложные слухи, и я не верю гнусной клевете... Хотя и постараюсь не принять близко к сердцу новое поражение соотечественников. – И Ричард глубоко вздохнул, разведя руками.

Он оказался прав. Кревкер с удивительной легкостью вышиб из седла брата королевы. К тому же несчастный Риверс зацепился новомодной гнутой шпорой за стремя, и конь проволоч его через всю арену, пока оруженосцы не поймали его в самом конце ристалища.

– Бедный, бедный Энтони, – грустно заметил Глостер, но глаза его блестели. – Может быть, он и не так глуп, как мне казалось. Пасть от удара рыцарственного канцлера де Кревкера почетно даже для брата королевы.

Элизабет резко обернулась.

– Милорд Глостер, отчего же вы, такой прославленный боец, не решились выступить в состязании, в котором рискнул постоять за честь английского оружия даже столь скромный воин, как Энтони Вудвиль?

Ричард мягко улыбнулся в ответ:

– Мне слишком дорога честь английского оружия, чтобы пятнать ее ради забавы, как поступает некий хвастливый граф в этом турнире.

Ричард имел право так говорить. Слава о нем как о непревзойденном мастере конного боя шла далеко.

Королева пожала плечами и повернулась к супругу:

– Боюсь, ваш брат, государь, злится на Риверса по другой причине. И воинская слава тут ни при чем. Добрый Дик просто не может простить Энтони того, что именно ему отдала предпочтение красавица Элеонора Ховард.

Это было прямое оскорбление. О неудачном ухаживании Глостера за юной Элеонорой осмеливались говорить только шепотом. Придворные испуганно примолкли. Но никто никогда не видел Ричарда в гневе.

– Что поделайте, ваше величество, – грустно улыбнулся он. – Не все женщины под небесами веселой Англии настолько благоразумны, чтобы отказываться от любви ради человека королевской крови.

После этих слов водворилась гробовая тишина. При дворе опасно было даже намекать на то, что некогда Элизабет отказывала королю, отдавая предпочтение неизвестному рыцарю из Пограничья. Эдуард при этом впадал в бешенство и был способен на любую жестокость. И хотя его прежний соперник Филип Майсгрейв находился при дворе и королева даже сама сосватала ему богатую наследницу из рода Перси, Эдуард все равно ревновал, ревновал бешено, как истеричный ребенок, а любое напоминание о старом звучало для него оскорблением, равносильным пощечине.

И сейчас эту пощечину он получил от младшего брата. Лицо Эдуарда стало блее горностаевого меха на его плечах. Он медленно повернулся к Глостеру. Никто не ведал, что сейчас произойдет, и никто уже не следил за ристалищем, где ожидал своего соперника бургундец Людовик де Бов.

И тут глашатай выкрикнул имя, от которого вздрогнули все, кто находился под королевским навесом.

– Благородный сэра Филип Майсгрейв, воитель под знаком Бурого Орла. Девиз рыцаря – «Сильный в полете».

Зрители приветствовали сэра Филипа. Он был шестым из англичан, выезжавших сегодня на траву ристалища. Пять предыдущих потерпели поражение.

Едва сэра Майсгрейв появился на поле, внимание короля, королевы, Глостера и окружавшей их знати оказалось прикованным к нему. Рыцарь не спеша поехал вдоль трибун. Под ним медленно, почти лениво, выступал высокий гнедой жеребец, укрытый длинной попоной, отделанной серебристыми кистями. Латы рыцаря были простыми, но прекрасной работы. Опущенное забрало скрывало его лицо, а шлем венчали темно-коричневые длинные перья.

– Ваш протеже, королева, – процедил король.

Это было действительно так. Когда выбирали достойнейших бойцов, королева отдала свой голос за Бурого Орла. Глядя прямо в глаза Эдуарду, она твердо заявила, что всем жителям Чевинотских гор по обе стороны англо-шотландской границы известно, какой великолепный воин сэра Майсгрейва. Весь Нортумберленд наслышан о его доблести, и она смело может за него поручиться.

По первому зову труб рыцари заняли боевую позицию. Второй сигнал заставил их напрячься. Но едва раздался третий, как оба противника, сжав бока коней и отпустив поводья, сорвались с места. Набирая скорость, они понеслись навстречу друг другу, чтобы сойтись в самом центре ристалища.

В следующий миг трибуны потряс слитный вопль. Людовик де Бов был опытным бойцом. Его удар, нанесенный по всем правилам, пришелся прямо в щит Майсгрейва и был так силен, что тот треснул. Но в то же мгновение он получил от английского рыцаря столь мощный удар копьем в голову, что мир вокруг него вспыхнул алым пламенем и бургундец, взмахнув руками, вылетел из седла. Филип Майсгрейв проскакал дальше.

Волна восторга захлестнула зрителей. На трибунах неистово кричали, свистели, в воздух взлетали шапки и колпаки. Простолюдины плакали и обнимались. Это была первая победа, особенно желанная после стольких разочарований.

Рыцарь кружил по арене, осыпаясь цветами. Он опустил копье, приветствуя дам, но не поднял забрало.

Тот же порыв охватил и знать. Лорды, духовенство, придворные шумели, топали ногами и аплодировали так же, как и простолюдины. Сам король в первый миг не удержался и, вскочив с кресла, зааплодировал.

Ричард Глостер кричал:

– Bravo, Бурый Орел! Bravo, сэра Филип!

Элизабет счастливо улыбалась: все разрешилось так просто. Повернувшись к мужу, она сказала:

– Нэд, я так люблю, когда ты смеешься!

Король поцеловал ее ладонь. А Ричард-горбун вновь кричал:

– Да здравствует Филип Майсгрейв! Да сопутствует тебе удача в бою и в любви, герой!

Ричард был весел. Но бог весть почему улыбка покинула уста короля. Откинувшись в кресле, он подал знак распорядителю турнира, чтобы состязания продолжались.

Вновь зазвучала медь, заглушая людской гомон. И хотя зрители еще горячились, обсуждая на редкость красивый поединок, однако многие уже с нетерпением поворачивались к арене, ожидая новых игрищ.

Рыцари-бургундцы толпились у северных ворот. Теперь их было четверо, и они были явно обескуражены победой неизвестного им рыцаря. Посоветовавшись, бургундцы выслали на арену непобедимого графа Кревкера. Сейчас им нужна была только победа, чтобы хоть как-то умерить пыл англичан.

Зрители, затаив дыхание, следили за тем, кто же выйдет сражаться с бургундцем. Наконец английский рыцарь появился на арене. Это был оксфордширец Саймон Селден. Он считался превосходным бойцом, и недаром его пригласили издалека постоять за честь старой доброй Англии, невзирая на то, что еще совсем недавно он был на стороне Ланкастеров. Но увы! Его также ожидало поражение. И хотя Кревкер пошатнулся в седле от его удара, сам Селден опрокинулся на круп коня, потеряв стремя, а это считалось поражением.

Потом Жак Савойский, Пенсиль де Ривьер, Антуан де Курси и тот же Кревкер красиво, словно играючи, вывели из строя четверку англичан. Зрители приуныли. Правда, они аплодировали воинскому искусству заморских гостей, но настроение их вновь упало. Долгожданный день вместо обещанной радости принес лишь чувство горечи и досады. Погова-

ривали, что, видимо, упал воинский дух в старой Англии, раз не находится того, кто мог бы достойно проучить бургундцев.

Впрочем, щадили только Майсгрейва, ибо он один сегодня не ударил в грязь лицом. Сэр Филип стоял возле ворот, из которых выезжали его соотечественники. С ног до головы закованный в латы, он напоминал скорее статую из литой стали, нежели существо из плоти и крови. Насколько можно судить о человеке в доспехах, он был неплохо сложен: могучий в плечах, длинноногий, стройный в талии и бедрах.

По правилам турнира Майсгрейв мог продолжать участвовать в состязаниях, и многие возлагали надежды на его выход. И когда рыцарь направился к своему коню и легко, словно не ощущая тяжести доспехов, не касаясь стремени, вскочил в седло, зрители довольно загудели.

Он выехал на ристалище, когда у противоположной трибуны гарцевал, трубя в рог, Жак Савойский. На груди у сэра Филипа, чтобы не стеснять движений, был подвешен щит с его гербом – парящий орел на лазурном поле. Ветер вздымал его плащ из коричневого бархата.

Герольды, протрубив, провозгласили имена бойцов, и они заняли положенные места. На трибунах подбадривали Филипа Майсгрейва:

- Покажи ему, Фил, чтоб не слишком зазнавался!
- Хоть ты проучи бургундцев!
- Благослови тебя Господь, голубчик!..

По сигналу рыцари понеслись навстречу друг другу, сшиблись на огромной скорости посередине арены, и вмиг выбитый из седла Жак Савойский кубарем покатился по земле.

Трибуны взорвались восторженными криками. Вторая победа! Бурый Орел – великий боец!

Король покосился на супругу. Леди Элизабет улыбалась и хлопала в ладоши. Это выглядело естественным. Но Эдуард знал, какие чувства вызывают в женских сердцах победители, и в душе у него саднило.

Королева мгновенно перехватила взгляд супруга. Она давно научилась улавливать любые оттенки его настроения и теперь по вскользь брошенному взгляду, по изгибу капризных губ определила, что зрелище побед Майсгрейва отнюдь не радует короля. С невозмутимым видом Элизабет обратилась к супругу:

– Возлюбленный повелитель, вы только взгляните, как радуется победе Майсгрейва его жена, леди Меган.

Рукой в длинной перчатке она указала в сторону одной из трибун. Там, среди нарядных дам и девиц, стояла на скамье, чтобы лучше видеть, и бурно рукоплескала кареглазая молодая женщина в остроконечном головном уборе. Кружева обрамляли ее пухлые щеки, а рыжий мех шубки топорщился на животе: леди Меган ждала первенца.

– Не правда ли, я подыскала Филипу очаровательную супругу? – заметила Элизабет.

Эдуард криво усмехнулся:

– Если не ошибаюсь, Майсгрейвы всегда были бедны, а теперь Бурый Орел породнился с могущественными Перси и получил в приданое и земли, и деньги.

Королева засмеялась.

– Поистине так. Но разве Майсгрейв не заслужил награды? Он храбро сражался за Белую Розу.

Элизабет произнесла все это весело, ровным голосом, и это успокоило Эдуарда, который вновь принялся следить за ристалищем. Но то, что там происходило, не смогло его порадовать.

После каждой победы Майсгрейва бургундцы с новой силой сокрушали англичан. Король испытывал острое раздражение. Их было пятнадцать, лучших из лучших, тщательно отобранных для турнира. Однако недаром накануне Кревкер, посмеиваясь, сказал, что он

со своими соотечественниками готов помериться силами хоть со всей Англией. И хотя бургундцы действительно считались лучшими воинами в Европе, подобного разгрома никто не ожидал. Когда из пятнадцати англичан осталось только двое, Эдуард вдруг рассвирепел:

– Клянусь Всевышним, Дик, не кажется ли тебе, что нам самим необходимо облачиться в доспехи и сразиться с бургундцами?

Холодный взгляд Глостера отрезвил его.

– Конечно, воля ваша, мой повелитель. Но не забывайте, что Кревкер не только искусный рыцарь, но и тонкий дипломат. Он никогда не решится повергнуть наземь родича и союзника своего герцога. Но, клянусь кровью Христовой, с кем бы я действительно хотел помериться силами, так это с Майсгрейвом. Кто бы мог подумать?.. Взгляните-ка, этот Бурый Орел снова садится в седло!

В самом деле, на южной стороне ристалища показалась фигура конного рыцаря. Поняв, что Майсгрейв вновь собирается сражаться, зрители приветствовали его шквалом рукоплесканий.

На этот раз противником сэра Филипа оказался Пенсиль де Ривьер. Граф Кревкер сам рвался сразиться с рыцарем Бурого Орла, однако был черед сэра Пенсиля, и тот ни за что не желал его уступить. Держась за стремя де Ривьера, Кревкер что-то настойчиво советовал ему. Тот кивал, но разнесся звук труб, и граф удалился. Опустив забрала, рыцари во весь опор понеслись навстречу друг другу и сшиблись, скрестив древки длинных копий.

Сэр Филип, упершись ногами в стремя и слегка откинувшись в седле, даже не пошатнулся под натиском Пенсиля. Его же удар был столь силен, что бургундец выпустил копье. Конь де Ривьера, не устояв, рухнул на землю вместе с седоком, и оба скрылись в облаке пыли.

Когда сэр Филип, ставший любимцем публики, покидал арену, он был весь усыпан лепестками цветов, а на острие его копья развевались шарфы, вуали и платки, которые восхищенные зрительницы, сорвав с себя, бросали победителю.

Следующим на ристалище выехал юный Антуан де Курси. Он был менее опытным бойцом, чем остальные бургундцы, и очень гордился тем, что сражался сегодня на равных с ними. Теперь же, подняв забрало, он со спокойным любопытством разглядывал остановившегося напротив него последнего из бойцов-англичан, еще не принимавшего сегодня участия в схватках.

Это был Мармадюк Шенли, угрюмый барон из Нортгемптоншира. Он выехал на арену на могучем пегом коне, в испанских доспехах с золотыми насечками, с его шлема свисало дорогое павлинье перо. В прошлом барон попеременно сражался на стороне то Белой, то Алой Розы и, говорят, благодаря такой тактике сколотил немалое состояние. Но как бы то ни было, он считался отличным воином, и сейчас ему предстояло показать свое искусство.

Зрители притихли, ожидая начала поединка. Отчетливо слышались только глухой топот и сдавленный храп коней. Наконец противники встретились. Молодой бургундец метил прямо в шлем барона, но тот чуть отклонился в седле и с такой силой поразил противника, что щит того разлетелся на куски. Удар пришелся в открывшийся корпус бургундца, острие копья пробило латы, подкольчужницу и вонзилось в грудь рыцаря. Взмахнув руками, Антуан де Курси с отчаянным воплем рухнул на траву.

Публика вскочила с мест. Поверженный рыцарь неподвижно лежал на арене. Из груди его торчал обломок копья. С трибун доносились разрозненные крики, рыдания женщин. Одна из фрейлин королевы даже лишилась чувств. Мужчины спорили: одни говорили, что это простая случайность, какие порой происходят на турнирах; другие требовали проверить оружие барона Шенли; третьи считали, что хвастливым бургундцам досталось поделом. Несмотря на всеобщее смятение, большинство зрителей были довольны. Кровь, пролившаяся на турнире, придавала зрелищу остроту.

Между тем маршалы турнира проверили копьё сэра Мармадюка. Убедившись, что оно затуплено как полагается, они объявили происшедшее несчастной случайностью и, когда оруженосцы унесли бездыханное тело Антуана де Курси, дали знак продолжать состязания.

Как только волнение улеглось, герольды возвестили, что доблестный граф де Кревкер готов отстаивать честь Бургундии против двух английских рыцарей. Ему было предоставлено право самому выбрать, с кем сразиться. И какое-то время Кревкер медлил. Он уже давно желал помериться силами с Филипом Майсгрейвом, ну а с Шенли ему просто хотелось поквитаться за гибель молодого де Курси. Наконец граф сделал выбор. И когда отзвучали трубы, зрителям стало ясно, что сейчас произойдет поединок между Кревкером и их любимцем – Бурым Орлом.

Трибуны оживились, а оба рыцаря сменили коней и вооружились новыми копьями. Неожиданно воцарилась такая тишина, что стало слышно, как в дальнем конце поля расплакался ребенок.

Некоторое время рыцари стояли совершенно неподвижно, затем тронули поводья, постепенно набирая скорость, и вот уже лошади понеслись бешеным галопом. Удар!..

Те, кому посчастливилось присутствовать на Йоркском турнире, потом будут долго рассказывать о том, как рыцари с грохотом сшиблись в центре арены, как их копыта разлетелись в щепки до самых рукоятей, а кони взвились на дыбы, едва не рухнув и не подмяв под себя всадников. Однако оба бойца удержались в седлах и, справившись с лошадьми, разъехались в разные концы ристалища.

На трибунах бушевали страсти. Зрители ревели – кто от восторга, кто от досады. Их любимец Майсгрейв не победил, но что за поединок разворачивался перед ними!

Рыцари с противоположных сторон ристалища пристально вглядывались друг в друга. Гордый граф был обескуражен, встретив такой мощный отпор противника; Майсгрейв, в свою очередь, убедился, что недаром слава о непобедимости Кревкера достигла самых отдаленных уголков Европы.

Маршалы-распорядители не могли определить, кто же из сражавшихся показал себя лучшим бойцом. Не в силах решить, на чьей стороне победа, они послали пажа к королю с вопросом: не повторить ли поединок?

– Разумеется! – воскликнул Эдуард. Он пылал азартом, и ему не терпелось узнать, кто же в конце концов уступит.

Ричард Глостер наклонился к брату:

– Ваше величество, не приелись ли вам эти однообразные конные схватки? Вот бой на мечях, палицах или же... – Он выдержал паузу. – Пусть они сразятся на секирах...

Эдуард ухмыльнулся. Кому не ведомо, что боевая секира – излюбленное оружие графа и владеет он им безупречно. Не было случая, чтобы в бою на секирах он не показал себя подлинным виртуозом. Однако отдать такое распоряжение значило просто подыграть Кревкеру. Поэтому король промолчал, раздумывая.

В душе он желал победы англичанину, но, с другой стороны, этот Майсгрейв раздражал его, и было бы досадно, если бы главный трофей достался именно ему. К тому же, как политик, король сознавал, что для дружбы с Бургундией лучше, чтобы канцлер Кревкер одержал верх.

– Пусть поединок продолжится на секирах!

Слова короля передали лордам-распорядителям, и они объявили их во всеуслышание. Это было неожиданностью. Произошло некоторое смятение, но граф Кревкер, о чем-то напряженно размышлявший, внезапно поднял руку и попросил слова. К нему поспешили герольды, а когда они вернулись, лица их выражали недоумение.

– Граф Филипп де Кревкер де Корде отказывается продолжать борьбу и признает себя побежденным, – передали они.

Король, Глостер и придворные ошеломленно переглянулись.

– Клянусь мессой... Что это значит? – воскликнул Эдуард.

– Граф Кревкер полагает, что не сможет устоять в следующем поединке против Бурого Орла.

– Да, но секиры...

Не договорив, король растерянно поглядел на брата:

– Ведь он непобедим на секирах?..

Глостер пожал плечами:

– Возможно, Кревкер и в самом деле не рискует бороться против Майсгрейва... Но, скорее всего, этот бургундский петух сообразил, что мы идем ему навстречу и просто подсовываем победу.

Несколько мгновений Эдуард смотрел на брата, а затем лицо его вспыхнуло и он опустил взгляд. Король снова пошел на поводу у Ричарда, пытался подыграть Кревкеру! Граф – истинный рыцарь и, разумеется, отказался от нечестной победы, от этой подачи, брошенной из королевской ложи. Глядя в землю, Эдуард глухо произнес:

– Что ж, объявите волю бургундца. Майсгрейв победил.

Когда смысл сказанного дошел до трибун, там загудели, как пчелиный рой. Кто-то изумленно хлопал себя по бокам, кто-то сокрушался, что лишен такого зрелища, как поединок на боевых секирах между столь блистательными противниками; были и такие, кто понял Кревкера, – они рукоплескали графу. Но уже в следующий миг трибуны громогласно чувствовали победителя турнира – Филипа Майсгрейва.

Эдуард также беззвучно похлопал. Он был недоволен. Порой он украдкой поглядывал на Элизабет, желая узнать, как она относится к триумфу северного рыцаря. Однако королева оставалась невозмутимой.

– Майсгрейв победил, – спокойно констатировала она. – Видите, государь, я была права, рекомендовав его.

В это время к королю с поклоном приблизился один из герольдов и доложил, что барон Шенли не удовлетворен исходом турнира и просит высочайшего разрешения вызвать на бой победителя.

Эдуард воспрянул духом:

– Да-да, разумеется! Мы обязаны дать возможность помериться силами всем участникам рыцарских состязаний.

И вновь прозвучал сигнал. Сэр Мармадьук высился как статуя с нацеленным на противника копьем. На груди рыцаря закрепили щит с гербом – на алом поле черная голова тура и девиз, состоящий всего из двух слов: «Я иду». Филип Майсгрейв, едва успевший прийти в себя после боя с графом Кревкером, сменил коня и принял из рук оруженосца новые копье и щит. Конь под ним плясал и горячился, так что рыцарю с трудом удавалось сдерживать его. Но вот смолкли трубы, соперники стали сближаться. И тут произошла неожиданность.

Новый конь Майсгрейва, чего-то испугавшись, буквально за секунду до столкновения заржал и, не слушаясь узды, круто отпрянул в сторону. Барон Шенли без промедления воспользовался этим и с силой ударил противника копьем. Каким-то чудом Майсгрейв сумел парировать жестокий удар, но зашатался в седле.

Со всех сторон поднялся такой шум, что рыцари, расходившиеся по краям поля, не слышали даже топота конских копыт. Доносились вопли:

– Святой Георгий, слыханное ли дело, чтобы рыцарь так поступал!

– Повторить поединок!

– Это бесчестье!

– Шенли действует как паршивая свинья!

– Повторить поединок!

Маршалы не знали, на что решиться. По правилам верх одержал барон из Нортгемптоншира, но толпа была на стороне Филипа Майсгрейва. Да и сами судьи полагали, что хотя и позволительно использовать промахи соперника, однако сэра Мармадюка повел себя в высшей степени неблагоприятно.

Крики на трибунах перешли в сплошной рев. Зрители топали ногами, богохульствовали, вскакивали с мест, свистели. Наконец король нехотя подал знак повторить поединок.

Запели трубы, и зрители, поняв, что поединок будет повторен, приветствовали решение Эдуарда радостными криками. Но со вторым сигналом воцарилась мертвая тишина.

Барон Шенли сидел неподвижно, и лишь те, кто находился неподалеку, слышали, как он сквернословит под забралом. Майсгрейв же пребывал в молчании, и трудно было понять, как он оценивает случившееся.

Последний сигнал трубы – и рыцари рванулись навстречу друг другу. Топот коней, комя земли из-под копыт... Удар! Филип Майсгрейв снова пошатнулся в седле под напором Шенли, но в ответ нанес такой удар по забралу противника, что застежки лопнули, шлем раскололся, а сам барон, потеряв равновесие, мешком скатился с коня.

В ту же минуту герольды объявили Майсгрейва победителем и восславили его имя.

Ричард Глостер развел руками:

– Ну что ж, рыцарь славно бился и по праву заслужил почести. К тому же доспехи и кони побежденных также достанутся ему. Впрочем, довольно об этом. Поговорим, государь, о предстоящем пире *et sic de caeteris*⁴.

Однако Эдуард лишь досадливо отмахнулся. Он обводил взглядом ликующие трибуны, прекрасных дам, посылавших Майсгрейву воздушные поцелуи, и не решался даже взглянуть на Элизабет. В глубине сердца Эдуард проклинал победу Майсгрейва.

Победитель, приветствуя зрителей, по обычаю объезжал ристалище. Описав последний круг, он придержал коня у королевской ложи. Спешившись и передав повод подбежавшему пажу, Майсгрейв сделал несколько шагов вперед. Теперь он стоял у подножия лестницы, ведущей на королевский помост.

Эдуард поднял руку, и публика постепенно смолкла. Король начал приветственную речь, слова лились легко и непринужденно, нисколько не выдавая его чувств.

Затем пришел черед Элизабет. Величественно выпрямившись, она приняла из рук архиепископа Йоркского тонкой работы ковчежец на золотой цепи и сошла по ступеням. Стоявший внизу рыцарь преклонил колена. Грянула музыка, и королева остановилась. Ветер развеивал длинное покрывало на ее высоком головном уборе, волновал мех на плечах.

Коленопреклоненного рыцаря окружили дамы из свиты королевы и сняли с него шлем, обнажив голову с прилипшими мокрыми прядями. С утомленного лица рыцаря на Элизабет смотрели печальные синие глаза.

Королева замерла. Что-то случилось с ней в этот миг. В глазах Филипа не было укора – лишь тоска и нежность. С того часа, когда она сделала свой первый шаг к короне, они никогда не стояли так близко друг к другу. Элизабет либо избегала его, либо беседовала с ним в присутствии многочисленных свидетелей, держась на приличествующем ее положению расстоянии.

«Пресвятая Дева Мария, что со мной?» Усилием воли она заставила себя сделать шаг и надеть на кольчугу Филипа сверкающий ковчежец.

– Ты достоин награды, сэра рыцарь! – громко произнесла она и, помедлив немного, добавила: – Поистине ты заслужил ее. Так пусть же сия святыня хранит тебя от всех напастей.

⁴ И тому подобном (*лат.*).

Рыцарь молча склонился и поцеловал руку королевы. Она же, не промолвив ни слова, повернулась и стала торопливо подниматься в свою ложу.

Опустившись в кресло, она весело и беззаботно улыбнулась королю. Элизабет вновь владела собой. В конце концов, ее чело венчает корона Англии, а Филип всего лишь один из ее подданных.

Эдуард не сводил с прекрасной королевы испытующего взгляда. Однако его супруга держалась беспечно, может, даже чересчур беспечно.

«Если король заметил мое замешательство, он найдет способ погубить Филипа», – напряженно улыбаясь, думала она. Весь остаток дня, пока продолжались торжества, и позднее, на пиру, когда Филип как победитель восседал за одним столом с коронованными особами, Элизабет ощущала напряжение и все время внушала себе, что ее и Майсгрейва ничто более не связывает.

Однако поздно ночью, когда король уснул, обняв ее властным и нежным жестом, она вдруг беззвучно расплакалась. Слезы лились и лились из ее фиалковых глаз, но облегчение не наступало. Ибо она бесконечно устала от постоянной лжи и притворства, от того, что жизнь ее одинока и нет в ней места прежней радости.

2. Королева вспоминает

Весна началась скверно. Дождь, туман, потом опять дождь. Дороги совсем раскисли, и король, решивший было отправиться в Лондон, вынужден был отложить отъезд.

А дождь все не переставал. Утихая к вечеру, он начинал шуметь ночью, а затем весь день моросило до новых сумерек. Река Уз в городе поднялась, почти скрыв быки моста, улочки Йорка были затоплены, и по ним можно было пробираться лишь на ходулях. Утки и гуси, шумно гомоня, плавали по этим новым каналам, а бездомным и нищим надолго пришлось забыть, что такое сухая постель и одежда. Над потемневшим от влаги городом, под низким свинцовым небом глухо звучали колокола церквей и соборов.

В старом замке Йорков было промозгло и неудобно. Не спасали и беспрерывно топившиеся каминь. Праздники закончились, и под сумрачными сводами дворца воцарилась тоскливая тишина. Придворные скучали, собираясь небольшими группами у огня, – зевая, они пересказывали сны и всем надоевшие истории. Король был озабочен дурными вестями, которые то и дело доставляли забрызганные грязью гонцы, и почти каждый вечер задерживался в Совете. Элизабет большей частью была предоставлена самой себе и проводила время в молитвах.

В этот вечер она, как обычно, удалилась в свою молельню и, преклонив колени перед резным аналоем, долго молилась, опершись на него и опустив лицо на скрещенные пальцы рук. Ее высоко зачесанные волосы покрывала легкая белая вуаль, и лишь у висков виднелись уложенные вдоль щек пышные золотые пряди. Платье из темного бархата закрывало шею королевы до самого подбородка, а на указательном пальце левой руки мягко светился крупный алмаз голубой воды. Прекрасные фиолетовые глаза королевы были опущены, а губы беззвучно шевелились.

Наконец она легко вздохнула и обвела взглядом молельню. На выбеленных известью, пропахших сыростью стенах не было ничего, кроме большого темного распятия. Королева долго глядявалась в скорбное тонкое лицо Спасителя, обрамленное терновым венцом.

– Господи Иисусе! – внезапно произнесла она. – Дай мне силы устоять перед искушением!

Голос отдался эхом под высоким сводом. Элизабет вздрогнула и торопливо оглянулась. Но все было тихо, и она, дважды осенив себя крестным знаменем – широко, всей ладонью, – вышла.

В коридоре двое пажей, дожидаясь ее, играли в кости, но, едва зашуршало платье королевы, сразу подскочили. Один набросил ей на плечи полудлинную накидку из черно-бурой лисы – по коридорам замка гулял пронизывающий ветер, – другой, выхватив из подставки в стене факел, пошел впереди, освещая путь ее величеству. Колеблемое сквозняком пламя отбрасывало на темные стены перехода причудливые тени.

Королева пожелала видеть дочь.

Маленькой принцессе были отведены самые уютные комнаты в замке. Ни смрада, ни копоты, полы устланы коврами, жарко натоплены каминь, в воздухе витают ароматы восточных благовоний. Как только Элизабет вошла, несколько придворных дам поднялись ей навстречу. Сделав знак, чтобы они оставались на местах, королева подошла к ложу дочери. Это было монументальное сооружение на подиуме, куда вели пять ступеней. С потолка тяжелыми складками свисал парчовый балдахин, поддерживаемый вырезанными из черного дерева фигурами геральдических животных. Между ними, в золоченой колыбели, среди атласа и кружев виднелось крошечное личико принцессы.

Королева отвела ажурную кисею полого и склонилась над дочерью:

– Как она сосала? Не капризничала ли?

Полногрудая кормилица всплеснула руками:

– О нет, ваше величество, как можно! У принцессы отменный аппетит.

Поправляя оборки в колыбели, королева разглядывала дочь.

«До чего похожа на Эдуарда!»

Элизабет редко бывала здесь. Соблюдение этикета, торжественные приемы, аудиенции, празднества и уверенность в том, что за девочкой прекрасный уход, удерживали ее в отдалении. Когда же она заходила к дочери, то буквально не знала, куда себя деть. Эти няньки и прислужницы, хлопочущие вокруг, снующие туда-сюда со стопками белья пажы – все они стояли ближе к принцессе, нежели ее царственная мать. Элизабет брала малютку на руки, и ей казалось, что она видит в глазах окружающих некоторый испуг и ревность. Этот ребенок принадлежал им, они отвечали за него, и приход нарядной холодной женщины тревожил их.

Иное дело – двое ее сыновей от первого брака. Элизабет сама нянчилась с ними, пеленала, кормила и купала их и, может, поэтому испытывала к ним куда больше материнских чувств. И сейчас тоска по мальчикам не давала ей покоя. Хотя они и жили в Йорке, но отведенный им особняк находился на другом конце города, и, если она начинала чересчур часто туда наведываться, Эдуард ясно давал понять, что недоволен этим.

Королева коснулась губами лба спящей принцессы. «Дитя, рожденное у трона, его будущее обеспечено. А вот о мальчиках следует позаботиться уже сейчас».

Кутаясь в меховую накидку, Элизабет вышла и без особой цели двинулась вдоль сводчатого коридора. Встречавшиеся ей по пути придворные и слуги склонялись в поклонах, дамы низко приседали.

Королева не обращала на них внимания. Она думала о том, что ее младший, Ричард, с возрастом все больше становится похож на Филипа Майсгрейва и вскоре это ни для кого не будет тайной. Когда мальчик родился, она и сама точно не могла сказать, кто его отец, но теперь... Она видела, что у маленького Ричарда, так же как и у Филипа, начали виться волосы, все яснее проступало сходство в разрезе глаз, линии бровей и переносицы. Она трепетала всякий раз, замечая это, и молила небо, чтобы ничего не открылось. Не приведи Пречистая, если Эдуард догадается! А проклятый горбун Глостер, словно чуя что-то, уделяет ее младшему столько внимания!

Недавно он сказал, что когда мальчик вырастет, то станет столь же славным воином, как и сэр Филип Майсгрейв. При этом он с улыбкой взглянул на Элизабет, и у нее оборвалось сердце. Правда, имя Майсгрейва сейчас у всех на устах. Это бесит короля и заставляет трепетать королеву. О Филип!..

Элизабет оказалась перед бесшумно отворившейся высокой двустворчатой дверью с коваными украшениями и ступила в обширный зал. Это было высокое помещение, разделенное на центральную и боковые части двумя рядами массивных колонн, словно в храме. Потолки и арки имели форму полукруглых сводов. Несмотря на то что в дальнем конце зала в гигантском камине пылала целая груда дров, в углах и в вышине зала стоял почти сплошной мрак.

Неподалеку от огня были расставлены резные кресла и скамьи, где королеву ожидало около десятка дам. В такие хмурые пустые вечера им вменялось в обязанность развлекать свою повелительницу, однако сейчас Элизабет была не склонна выслушивать их болтовню и жестом отослала всех.

В мутные ромбы оконных переплетов барабанил дождь, гудел огонь в камине. Откинув голову на спинку кресла, королева глядялась в узор резьбы на каминной доске. Но мысли ее были далеко. Несколько минут спустя с ее уст сорвались слова:

– Пресвятая Дева, но почему он не возвратится в свой Нейуортский замок? Его присутствие здесь словно нестерпимый укор. К тому же король не выносит его, а я вся трепещу.

Между бровями королевы пролегла скорбная складка. Она думала о том, что после турнира король вынужден был против своей воли осыпать бывшего соперника милостями, оказывать ему всяческое внимание, однако не мог побороть неприязни и держался с Майсгрейвом холодно и сухо. И хотя сэр Филип вел себя безукоризненно, во всем выражая покорность монарху, Эдуард ломал голову над тем, как под благовидным предлогом отделаться от первого рыцаря королевства.

Однажды после мессы, прямо в соборных вратах, он подозвал его и завел беседу о положении на границе с Шотландией, особенно интересуясь тем, хорошо ли укреплен Нейурт-холл. Филип, помедлив, поднял на Эдуарда спокойный взгляд и невозмутимо произнес:

– Мой замок неприступен. Но, если король приказывает, я оставлю двор и удалюсь в свои владения.

Эдуард опешил. Отдать подобный приказ Майсгрейву означало выказать ему опалу, а теперь, когда он первый рыцарь Англии и к тому же ничем себя не запятнал, это невозможно, ибо повредит славе самого Эдуарда и вызовет неудовольствие всего английского рыцарства. Оставалось, сжав зубы, терпеть подле себя бывшего соперника. Масла в огонь подливал и Глостер, который непрерывно превозносил заслуги Филипа и оказывал ему непомерные почести.

Элизабет видела, как ловко горбун держит короля в постоянном напряжении. Она чувствовала, что Эдуард готов попрекать ее Майсгрейвом. Теперь ей все время приходилось быть настороже, чтобы не попасть впросак, не вызвать малейшего недовольства короля и не навредить Филипу. А тут еще эта бог весть откуда нахлынувшая тоска, эта возвратившаяся былая нежность...

Элизабет перевела дыхание и поудобнее устроилась в кресле. В камине шипели сосновые корневища. Королева глядела на роящиеся язычки огня, и в памяти ее вставали отблески совсем иного пламени.

Она вспомнила, как после большой охоты, из тех, что устраивал отец в их старом Вудвиль-холле, ночью вдруг занялся пожар и они с няней Бриджит оказались отрезанными от выхода из своей спальни. Маленькая Элизабет и ее нянька забились в угол, задыхаясь от гари, и молились, решив, что настал их последний час.

Кругом уже все было объято пламенем, но вдруг из дыма возник подросток с вьющимися волосами и, перекинув Элизабет через плечо, понес по готовой рухнуть лестнице вниз. Визжащая нянька бежала следом, высоко подобрав длинные юбки. Вокруг рушились потолочные балки, тлели ступени, и от жара, казалось, лопается кожа.

Элизабет потеряла сознание, а когда пришла в себя, почувствовала, что ее овеивает ночная прохлада. Открыв глаза, она обнаружила, что лежит на траве, а их сосед, рыцарь Джон Майсгрейв, подсунув ладонь под ее голову, смачивает ей губы холодным сидром. Вокруг толпились освещенные отблесками пожара люди. Кое-кто причитал. Ее отец, сэр Ричард Вудвиль, сидя рядом, плакал навзрыд, не стесняясь слез.

Приподняв голову, Элизабет взглянула на усевшегося поодаль на куче домашней утвари своего спасителя. Казалось, среди всеобщей сутолоки и паники этот мальчик один оставался спокоен. Он сидел, обхватив колени руками, и беспечно жевал соломинку. Ему было в ту пору тринадцать лет, ей – десять. Он был не по годам рослым и крепким подростком и не раз уже брал в руки оружие при набегах шотландцев, она же была всего лишь хрупкой маленькой девочкой, уже тогда столь обворожительной, что местные крестьяне почитали ее феей.

Элизабет давно знала Филипа, часто встречала его в церкви и на окрестных холмах, где он порой охотился с отцом. А теперь этот подросток спас ее от мучительной смерти.

События той ночи отчетливо врезались в память Элизабет. Она узнала, что ее мать и новорожденная сестренка сгорели в старой башне, так как крыша там сразу же рухнула и

никого не удалось спасти. Погибли и другие люди, а сгоревших жилых и хозяйственных построек, амбаров и хлевов было не счесть.

Лето тогда выдалось на редкость сухое, и пламя распространялось с ураганной скоростью. В панике мало что успели спасти, и гордый Ричард Вудвиль, богатый нортумберлендский тан⁵, с тоской взирал на груды обгоревших развалин – все, что осталось от его обширного поместья.

Потрясенный горем рыцарь плохо понимал, что происходит вокруг. Он будто оцепенел в отчаянии, а гости сэра Ричарда спешили покинуть дымящееся пепелище, проклиная столь печально окончившееся празднество. День начинался хмурый и ветреный, воздух был пропитан гарью. На развалинах копошилась челядь рыцаря, подбиравшая кое-что из уцелевшего, тут же толклись крестьяне из соседних деревень и какие-то подозрительные бродяги.

Единственным человеком, не потерявшим головы, оставался отец Филипа – сэр Джон Майсгрейв. Элизабет все время видела мелькавшую повсюду его крепкую рослую фигуру. Он отдавал распоряжения грузить на телеги спасенное имущество и отправлять его в другой дом Вудвилей – старый, почти нежилой Уорнклиф, – следил за тем, чтобы люди сэра Вудвиля отгоняли прочь охочих поживиться на пепелище, велел перегнать в ближайшее аббатство уцелевший скот рыцаря.

Решив, что старый Уорнклиф, расположенный в болотистой низине, станет не самым лучшим прибежищем для детей сэра Вудвиля, он отправил Элизабет, ее младших братьев и сестер в свой замок Нейурт, а самому рыцарю дал совет какое-то время провести в стенах соседнего аббатства, успокоиться, а уж затем приступить к восстановлению разрушенного.

Так Элизабет оказалась в Нейурте, или, как прозвали замок Майсгрейвов местные жители, в Гнезде Бурого Орла.

Нейурт – громоздкое сооружение из серого камня, расположенное на высокой скале, – действительно походил на орлиное гнездо. Хозяйкой в нем была прелестная француженка, леди Бланш Майсгрейв, которую сэр Джон привез из-за моря, где сражался еще под знаменами герцога Бедфорда. Эта живая и остроумная женщина окружила маленьких сирот теплом и заботой. Элизабет, которой и собственная мать не уделяла столько внимания, привязалась к леди Бланш. Сдружилась она и с ее сыном Филипом.

Поначалу мальчик с опаской и осторожностью относился к этой светловолосой большеглазой девчонке. Он считал себя уже взрослым, проводил время с ратниками отца или на конюшне. Однако Элизабет повсюду следовала за ним, и в конце концов нелюдимый подросток привык к ней. Они вместе бегали по массивным зубчатым стенам замка, ходили в лес по грибы, ловили в ручье форель. Элизабет была спокойным, вдумчивым ребенком, и им было хорошо вдвоем.

Однажды во время трапезы, когда Филип отрезал от жирного каплуна лучшие куски, подкладывая их в тарелку своей подружки, леди Бланш сказала, обращаясь к супругу:

– Мне нравится Элизабет Вудвиль. Было бы славно обручить их, чтобы они никогда не разлучались.

При этих словах Филип покраснел, а Элизабет, сразу оживившись, радостно захлопала в ладоши и засмеялась:

– Вот и славно! Вот и славно! Я бы тогда всегда жила в Гнезде Орла.

Ей нравилось это старинное сооружение с квадратными башнями и зубчатыми стенами, откуда открывался изумительный вид на цветущие долины и зеленые Чевиотские горы. Нравилась ласковая, всегда веселая Бланш Майсгрейв и ее добрый сильный супруг, которого так боялись шотландцы. Но особенно по душе ей был рослый, ловкий Филип, кото-

⁵ Тан – старое название землевладельца в Англии.

рый умел так метко стрелять из арбалета, добывать из гнезд охотничьих соколов птенцов и мастерить из ветвей орешника лодочки и свистки.

Она была еще совсем ребенком, наивным и невежественным. Пожалуй, для своего возраста слишком невежественным. Леди Бланш Майсгрейв, утонченная и изысканная француженка, поражалась дикости этой дочери рыцаря из Нортумберленда, супругой которого была известная Жакетта де Сен-Пол, имевшая родство с Люксембургским домом. Однако мать Элизабет, жившая с мужем в страстной любви и каждый год рожавшая ему по ребенку, совсем не уделяла внимания воспитанию старшей дочери. И благонаравием сиротки решила заняться леди Бланш. Славная женщина старалась привить Элизабет достойные манеры, учила ее рукоделию, ведению хозяйства и всему остальному, что требовалось знать девушке из хорошей семьи. Однако, чтобы полностью завершить воспитание девочки, полагалось на время поместить ее в какой-нибудь пользующийся доброй славой монастырь, где по обычаю того времени юные леди получали образование.

Сэр Вудвиль порой навещался в Нейуорт. Он уже оправился от потрясения и теперь понемногу обживался в Уорнклифе. Он был благодарен Майсгрейвам за то, что они приютили его детей, и считал себя бесконечно обязанным им. Элизабет с другими его детьми прожила в Гнезде Орла уже почти год, когда в один из визитов сэра Вудвиля леди Бланш завела разговор о том, что было бы неплохо отправить девочку для обучения в монастырь. Однако гордый рыцарь мгновенно решил, будто ему дают понять, что его дети загостились в Гнезде Орла. Разгневавшись, он велел им немедленно собираться. И хотя Майсгрейвы пытались переубедить его, он не изменил своего решения. Элизабет и сейчас помнит, как она плакала, умоляя не увозить ее. Ничто не помогло. Вместе с братьями ее усадили в телегу и отправили в угрюмый, сырой Уорнклиф.

Правда, она пробыла там недолго, ибо вскоре Ричард Вудвиль и сам пришел к решению, что, пока Уорнклиф недостаточно благоустроен, старшую дочь следует отправить в ближайший монастырь – в Кимпсайдскую обитель.

Монастырь располагался в Чевииотских горах, на вершине утеса, вокруг которого, пенясь, бежала шумливая горная речка, обрывающаяся водопадом. Там Элизабет провела около трех лет. Каждое утро она выходила в большой сад монастыря и подолгу глядела на сбегаящую по скалам бурлящую воду. Кимпсайдская обитель подавляла девочку своей пустынностью и тишиной, однако она вскоре прижилась там, и эта размеренная, спокойная жизнь с чередованием постов и служб, тихого труда и смиренного созерцания даже пришлась ей по душе. Она была примерной воспитанницей, и сестра-аббатиса не раз намекала приезжавшему навестить дочь сэру Ричарду, что девушка вполне готова принять постриг. Но у рыцаря были иные планы в отношении дочери. Он не мог не видеть, что с каждым годом она становится все прелестнее, и наконец пришел к выводу, что сможет с ее помощью породниться с кем-нибудь из влиятельных вельмож, а это для пришедшего в упадок рода Вудвилей было бы весьма кстати.

Когда Элизабет исполнилось пятнадцать, он забрал ее из монастыря и увез в Уорнклиф. За то время, что Элизабет не была здесь, ветхий замок сильно изменился. Ричард Вудвиль возвел новый донжон⁶, укрепил стены, расчистил и углубил рвы. Уорнклиф стал пригодным для жилья и обороны, однако все это истощило средства Вудвиля. Ему пришлось заложить соседнему монастырю большую часть земель, продать некоторые фамильные драгоценности и даже пойти на неравный брак с дочерью ростовщика, которая к моменту прибытия Элизабет была уже беременна.

Теперь настало время определить судьбу старших детей, и в первую очередь Элизабет. Вудвиль не скрывал, что он надеется поправить дела благодаря ее браку. Поэтому, когда Эли-

⁶ Донжон – главная обитаемая башня в замке, стоящая обычно в стороне от остальных построек, возвышаясь над ними.

забет переступила порог отчего дома, только и разговоров было, что о подготовке к замужеству. Сначала это ее смущало, но затем она свыклась с мыслью о браке и, оставаясь послушной отцовской воле, готова была пойти к алтарю с любым, кого тот выберет.

Ричард Вудвиль тщательно скрывал свое плачевное положение и продолжал жить как подобает влиятельному феодалу. Поэтому Элизабет считалась завидной невестой и в их замке часто гостили претенденты на ее руку. Окруженная постоянным вниманием, она невольно стала кокетничать и франтить. Но это было веселое время, и сейчас, находясь во всем блеске величия и славы, она с невольной грустью вспоминала свои девичьи мечты, невинные шалости и уловки.

Тогда же Элизабет узнала все о Майсгрейвах. Через год после того, как ее увезли из Нейуорта, Джон Майсгрейв погиб в стычке с шотландцами, а еще через полгода от горя и тоски скончалась леди Бланш. На плечи юного Филипа, испытавшего тяжесть утраты родителей, легло теперь бремя защиты замка. Времена были смутные, набеги шотландцев и постоянные усобицы враждующих приграничных кланов сменялись резней ланкастерцев и йоркистов, так что мужчины редко выпускали из рук оружие. Юному рыцарю пришлось пережить не одну осаду, но возвышавшийся над долиной замок Бурого Орла так и остался неприступным, а Филип подтвердил, что он достойный потомок Майсгрейвов.

С тех пор за ним прочно закрепилась слава превосходного воина, и, как бы ни шли дела в приграничной полосе, он всегда зорко следил за тем, чтобы беспокойные соседи из-за Твида не жгли его села, не угоняли скот и не творили бесчинств по эту сторону границы. Юношу редко можно было встретить вне пределов своих земель. Поговаривали, что он сколотил в своем замке отряд каких-то сорвиголов, которых шотландцы боятся как огня, и что, мстя за родителей, он совершает отчаянные набеги, а его клич внушает ужас по ту сторону границы.

И все же Элизабет встретила своего спасителя. Она тогда была уже помолвлена с богатым рыцарем из Уэльса Джоном Грэм Гроуби, отдаленным родственником мэра города Йорка. Шли приготовления к свадьбе, когда со стороны шотландской границы хлынули целые полчища всякого отребья в надежде поживиться у южных соседей. Нападение было столь неожиданным, что англичане не успели организовать достойный отпор и предпочли отсиживаться в своих замках.

Элизабет до сих пор помнила, какое смятение воцарилось тогда, как опустели деревни, как крестьяне, собрав нехитрый скарб и гоня перед собой скотину, спешили укрыться в лесах или за стенами замков своих сеньоров, как по опустевшим, размытым дождями дорогам с воинственным кличем проносились отряды шотландцев, предававших огню и мечу все, что попадалось на пути.

В Уорнклифе весь двор замка был заполнен беженцами-крестьянами, явившимися просить защиты у своего господина. Мосты были подняты, тяжелые решетки опущены, на стенах удвоены караулы, а в котлах день и ночь кипела смола, дабы было чем встретить непрошенных гостей.

Шотландцы действительно подбирались к самым воротам Уорнклифа, но на приступ не решились, хотя, казалось, поначалу к этому и шло. Уже были готовы таран и лестницы, когда что-то отвлекло врагов и в их рядах началось замешательство. Дозорные с башен сообщили, что из соседнего леса появились какие-то вооруженные всадники и с тыла напали на шотландцев. Сначала никто не мог разобрать, что же там происходит, но затем стало ясно, что эти смельчаки – бесстрашный отряд Бурого Орла, Филипа Майсгрейва.

Все то время, что замку угрожала опасность, Элизабет вместе со своей молоденькой беременной мачехой и капелланом проводила в часовне, моля небеса о защите. Однако, услышав о друге детства, она невольно встрепенулась и даже рискнула подойти к окну.

Элизабет мало что поняла из происходившего внизу, и лишь позже ей сообщили, что шотландцы, пораженные дерзкой вылазкой Майсгрейва, пришли в ярость и бросились преследовать его.

– Отец, а с ним ничего не случится? – заволновалась девушка.

– О, что может произойти с таким храбрецом! – воскликнул сэр Ричард, поднимая бокал за здоровье Филипа Майсгрейва.

У Элизабет сияли глаза.

– Он всегда был таким, – сказала она.

И вдруг, обернувшись к отцу, спросила:

– Отец, а отчего сэр Филип, а не мой жених пришел к нам на помощь в столь трудную минуту?

Сэр Ричард поперхнулся.

– Ты поразительно глупа, Лиз! Владения Грэй слишком далеко, а Филип Майсгрейв – наш сосед.

– Но, насколько я помню, сэс Джон Грэй сейчас как раз гостит у своего родственника в Йорке?

Сэр Вудвиль не знал, что ей ответить, и от этого еще пуще разгневался. Он заявил, что Элизабет – суцая гусыня и что лучше бы она занималась своим вышиванием или пряла, а не совалась в дела мужчин.

На другой день к воротам Уорнклифа прискакал на взмыленной лошади гонец. Сэр Вудвиль вышел на стену замка и осведомился, откуда он прибыл. Оказалось – из Нейурта, и при нем послание хозяину Уорнклифа. Даже не распорядившись открыть ворота, сэс Ричард велел гонцу прикрепить послание к наконечнику стрелы и выпустить ее на стену.

Элизабет сошла в зал, где у камина капеллан читал своему господину письмо Майсгрейва:

«... Их силы все прибывают, и я молю небеса, чтобы Нейурт устоял. Но сегодня шотландцы готовятся идти на штурм, поэтому я прошу вас как соседа и друга моих родителей отправить гонцов в близлежащие замки, чтобы мы могли выступить вместе и тем самым спасти Нейурт. Надеюсь на Вас и молю о помощи.

Филип Майсгрейв, владетель Нейурт-холла.

Писано отцом Кэвином, священником, в День Всех Святых – 1 ноября».

Сэр Ричард, взяв из рук капеллана послание, какое-то время повертел его в руках, а затем швырнул в камин.

– Пусть гонец едет восвояси. Уорнклиф не такая мощная крепость, как Нейурт, и у нас нет лишних людей. Шотландцев столько, что, если я ослаблю хоть на йоту оборону замка, он падет, вздумай только они вернуться. Я слишком стар, чтобы начинать все сызнова.

Элизабет тогда едва сдержалась, чтобы не закричать. Вечером она не вышла к ужину и до глубокой ночи не вставала с колен, моля Бога помочь нейуртцам и их хозяину.

А потом донеслись слухи, что Нейурт выстоял, а шотландцев потеснили. Сэр Ричард Вудвиль велел без промедления откупорить бочонок доброго вина и всем пить за победу английского Льва над шотландскими Месяцем и Звездой⁷. И хотя в замке веселились, а крестьяне погнажи обратнo в селения скот и повозки с поклажей, дочь старого рыцаря была задумчива и не принимала участия в увеселениях.

⁷ Лев – одно из геральдических изображений в английском гербе; Месяц и Звезда – геральдический символ шотландского воинства.

Через несколько дней, когда Элизабет пряла у себя в опочивальне, к ней, тяжело отдуваясь, поднялась нянька Бриджит.

– Вот, леди, ежели вы желаете полюбоваться на своего дружка и спасителя, то подите гляньте. Он там, в большом зале, и честит вашего батюшку на чем свет стоит.

Элизабет мигом сбежала вниз.

Едва войдя в зал, она поняла, что страсти там накалены до предела. Ее отец и молодой Майсгрейв говорили резко, отчаянно жестикулируя, и их большие тени, отбрасываемые светом камина, причудливо двигались на стенах.

Спрятавшись за квадратной колонной, Элизабет с изумлением глядела на Филипа Майсгрейва, которого знала так давно, еще с детства. Теперь это был настоящий воин, рослый и могучий, с шапкой светлых вьющихся волос и настолько похожий на своего отца, что Элизабет в первую минуту показалось, будто она видит перед собой покойного сэра Джона. Однако, несмотря на сходство и могучее телосложение, было видно, что Филип еще очень молод, хотя его синие глаза под темными бровями светились умом и были серьезны, как у немало повидавшего в жизни человека.

Опершись на длинный дубовый стол и подавшись вперед, он с жаром говорил:

– Всегда, когда вы нуждались в помощи из Нейуорта, вы получали ее. Вам ни в чем не отказывали, ибо, видит Бог, мы, приграничные жители, должны держаться сообща, если хотим отстоять свои владения. Когда вас, сэр рыцарь, постигло горе и старый Вудвиль-холл сгорел, мы оказали вам гостеприимство. Когда на ваши земли нападали бандиты из-за Твида, мы всегда поддерживали вас. Мои родители считали вас хорошим соседом, и перед смертью матушка велела мне во всем советоваться с вами, как с надежным другом. И что же?.. Ни разу с тех пор, как мне довелось стать хозяином Гнезда Орла, вы не оказали мне ни малейшей поддержки. Я был молод, наивен, я считал, что дела ваши еще не поправились и грешно лишний раз тревожить вас. Но ведь ваши дела давно уже в порядке! Отчего же, когда я единственный раз обратился к вам за помощью, вы поступили как трус и предатель?!

– Мальчишка, наглец! Не смей!.. – рванулся вперед старый рыцарь.

Филип выпрямился.

– Сэр Ричард Вудвиль, я объявляю вам, что вы негодяй и трус! Если бы не ваши седины, я бросил бы вам перчатку в лицо, хотя уверен, что будь вы моложе годами, то и тогда уклонились бы от поединка, как презренный трус!

– Вон! Вон из моего дома! Щенок, дикарь, ты не пережил того, что пришлось пережить мне. Перед всей округой ты щеголяешь своим оружием, хвастаешь своими разбойничьими набегами, но ты ни разу не познал горечи бессилия и утраты. А я сполна изведаль, что это такое. Теперь я стар, у меня дочь на выданье, малые сыновья и беременная жена. Как я мог riskовать?

Филип Майсгрейв усмехнулся:

– Да, я никогда не бывал побежден, но еще несколько дней назад был близок к тому. И если бы не помощь благородных друзей, я тоже вкусил бы горечь поражения и, пожалуй, лишился бы жизни. Вы же, сэр, трусили, причем трусили подло, ибо я отослал гонца к вам, когда шотландцы уже отступили от стен Уорнклифа!

Элизабет стояла, спрятав лицо в ладони. Ей было ужасно стыдно, ее щеки, уши, даже шея горели огнем. И, самое главное, она знала, что Филип Майсгрейв прав. Но вместе с тем ей было до боли жаль отца.

Сэр Ричард задыхался от гнева.

– Я велел тебе немедленно покинуть мой дом. Наглец! Я прикажу слугам отделать тебя, как паршивого щенка!

– Болтовня, – спокойно сказал Филип. – Вы на это не пойдете, ибо побоитесь мести с моей стороны. Итак, прощайте, малодушный сэр. И да убережет Господь ваших детей стать похожими на вас!

Он повернулся и двинулся прочь. Его шаги гулко отдавались в высоких пустых переходах. Сталь кольчуги позвякивала при каждом движении.

Сэр Ричард Вудвиль какое-то время глядел ему вслед, а затем со стоном рухнул в кресло.

Элизабет не выдержала и бросилась к нему:

– Отец! Отец!..

Она ничего не могла прибавить, ее душили слезы. Рыцарь отшатнулся от дочери:

– Боже правый! Лиз, ты подслушивала?

Элизабет молчала. Внезапно сэр Ричард оттолкнул ее от себя:

– Прочь! Уходи! Не смей показываться мне на глаза, низкая шпионка!

Девушка, рыдая, взбежала наверх.

После этого случая их отношения стали ровными и холодными. А потом нагрязнул жених – нарядный шумливый Джон Грэй, и сэр Ричард увивался вокруг будущего зятя. Он явно торопил его со свадьбой, но Элизабет уже гораздо меньше нравился этот крепкий, пышущий здоровьем человек с громовым голосом и роскошной волнистой бородой. Не отдавая себе в том отчета, она непрестанно думала о Филипе Майсгрейве.

В один из серых туманных дней в начале зимы лорд Грэй с Элизабет и ее отцом отправились в местную церковь к обедне. Сэр Джон весьма гордился красотой юной невесты и старался как можно чаще появляться с ней в людных местах.

Элизабет помнила, что ехала на крупном буланом жеребце, в высоком дамском седле со спинкой и подлокотниками. На ней был плащ из бледно-лилового сукна, подбитый дорогим мехом, а ее светлые мягкие волосы были перевиты жемчужными нитями. Элизабет знала, как она хороша, и гордилась собой. В церкви она величественно прошла сквозь толпу и опустилась на колени между отцом и женихом, чувствуя на себе множество взглядов. Ей было трудно сосредоточиться на молитве, и она повернула голову. Неподалеку, опершись плечом о колонну, стоял Филип Майсгрейв и пристально рассматривал ее.

Элизабет побледнела, но не могла отвести от него глаз. На хорах затянули новый псалом, и девушка попыталась погрузиться в молитву, но не смогла. Взгляд Филипа преследовал и жег ее.

Позже, когда по окончании службы лорд Грэй собрался было подать невесте святую воду, молодой Майсгрейв опередил его и, зачерпнув из чаши, с вежливым поклоном поднес воду Элизабет. Страшась поднять глаза, девушка лишь слегка коснулась его крупной красивой руки с длинными пальцами.

На выходе из церкви она услышала, как жених спросил у ее отца, кто сей невежда, предложивший святую воду его невесте.

– Это и в самом деле невежда и дикарь, – ответил Вудвиль. – Но лучше держаться от него подальше.

Лорд Грэй принялся возбужденно шуметь, что проучит любого, кто станет увиваться вокруг его невесты, однако на том дело и кончилось.

Между тем приготовления к свадьбе шли полным ходом. Был назначен день, для невесты шилось роскошное подвенечное платье из нежно-розовой парчи, отделанное жемчугом и беличьими животиками. Мастерицы изводили немало воска, ночами унижая крохотными жемчужинами длинный шлейф. А Элизабет сидела рядом и, глядя на все это великолепие, думала совсем о другом.

И все-таки ей суждено было встретиться с Филипом. Когда это случилось? Да, за два дня до свадьбы, во время охоты, которую устроил ее отец, чтобы развлечь зятя и его друзей.

Элизабет отбилась от кавалькады и не спеша ехала по лесной тропинке. Конь бесшумно ступал по мокрой, усыпанной листьями земле. За оголенные ветви деревьев клочьями цеплялся плотный серый туман. Шум охоты стих где-то вдали. Внезапно она услышала:

– Элизабет!

Девушка вздрогнула и оглянулась. Между могучими, черными от сырости стволами старых дубов она увидела всадника на белом коне.

– Я напугал тебя?

Она не отрываясь глядела на него. Воздух был пропитан сыростью, от влаги волосы Филипа завились колечками, а меховое оплечье плаща блестело от росы. Видимо, немало времени провел он в этом мокром лесу. Майсгрейв приблизился.

– Я давно хотел встретиться с тобой. Ты стала красавицей, Элизабет.

Она улыбнулась и протянула ему руку:

– Я рада тебе, Фил.

Они встретились так, словно не было долгих лет разлуки. Они ехали рядом, мирно беседуя, им было легко и хорошо вместе, и только приближающийся шум охоты заставил их очнуться. Элизабет почувствовала, что готова расплакаться, но сдержала себя.

– Боже мой, Фил, тебе надо ехать. Отец зол на тебя. К тому же я ведь невеста...

Филип, глядя в сторону, откуда доносился лай гончих, сказал внезапно охрипшим голосом:

– Матушка хотела, чтобы хозяйкой в Нейуорте стала ты. Что ж, она была права, а я увлекся, играя в героя. Я не спешил к тебе и теперь наказан.

Он взглянул на нее.

– Мы с твоим отцом стали врагами, а ты будешь женой другого. Мне же надо уходить. Прощай, Элизабет. И да хранят тебя Бог и все святые!..

Он резко повернул коня и ускакал. А она глядела ему вслед, пока силуэт всадника не растворился в тумане, и такая тоска сжала ее сердце, что она не смогла удержать слез.

Так, заплаканная, она и предстала перед женихом и охотниками. А через два дня Элизабет стояла перед алтарем, бледная и печальная. Она послушно произнесла «да» и позволила надеть себе на палец обручальное кольцо. Отныне она стала леди Грэй.

После свадьбы супруги недолго пробыли в Уорнклифе. Приданое невесты оказалось не так велико, как ожидалось, и это послужило причиной раздора между лордом и старым рыцарем. Забрав молодую красавицу жену, Джон Грэй увез ее к себе в далекий Уэльс, заявив, что нога его больше не ступит во владения тестя. И действительно, Элизабет так и не дождалась никогда больше увидеть темных стен старого Уорнклифа.

Зато она стала хозяйкой обширного поместья, богатого, но невероятно запущенного. Элизабет с головой окунулась в новые обязанности. Ей пришлось провести осмотр всех кладовых, проследить, чтобы привели в порядок изрядно чадающие каминные, заняться припасами и одеждой, заказать в Лондоне гобелены и непрерывно следить за вороватыми и нерадивыми слугами, которые давно отвыкли от хозяйской руки и были совершенно развращены бездельем.

Слава Богу, дел у нее хватало! К тому же у сэра Джона Грэя вечно гостили толпы захудалой родни, разорившихся друзей и просто прихлебателей, непонятно кем приходившихся хозяину. Поэтому в замке стоял нескончаемый шум, каждая трапеза превращалась в пир, любая верховая прогулка перерастала в травлю зверя или скачки, а перед закопченным камином главного зала вечно заключались пари, велись споры до хрипоты, и нередко дело доходило до того, что спорщики хватались за оружие. Все это было по душе Джону Грэю и страшно утомляло Элизабет, заставляя все реже вспоминать свое девичество и всадника на белом коне, возникшего из тумана.

К тому же она неожиданно для себя нашла удовольствие в плотской любви, и грубые, безыскусные ласки мужа стали доставлять ей упоительное наслаждение. Она смирилась с судьбой, привязалась к лорду Грэю, а когда поняла, что беременна, то и вовсе забыла о Филипе Майсгрейве.

Война Алой и Белой Розы не миновала и шумного замка сэра Грэя. В один из дней он явился в покои супруги в полном боевом облачении и объявил, что покидает ее, дабы сражаться за своего законного короля Генриха Ланкастера.

Элизабет в изумлении всплеснула руками:

– Друг мой, что вы говорите? Я ожидаю родов со дня на день, а вы покидаете меня в столь трудное время.

– Долг прежде всего, – произнес супруг. – Мое присутствие в замке в то время, когда вы разрешитесь от бремени, вовсе не обязательно. Замок хорошо укреплен, за его стенами вам нечего опасаться. К тому же здесь остаются мои троюродные братья – сэр Хью, сэр Джон и сэр Роб, а также мой шурин. Они позаботятся о вас. Я же отправляюсь на войну.

Фиалковые глаза леди Грэй, казавшиеся еще ярче на ее осунувшемся и подурневшем лице, наполнились слезами.

– Джон, о чем ты говоришь?! Я боюсь, мне страшно! Ведь я могу умереть. Молю тебя – ради всех святых, не покидай меня в эту минуту!

В ответ лорд Грэй разразился патетической речью, из которой следовало, что беременность – не болезнь, а естественное состояние женщины и что долг истинного рыцаря не цепляться за юбку, а обнажить меч за своего сюзерена, когда тот в беде. И он никогда не простит себе, если не примкнет к войскам Алой Розы, а станет отсиживаться за крепостными стенами. С этим он и отбыл.

А через несколько дней леди Элизабет разрешилась от бремени мальчиком. Роды прошли на удивление легко. Ее крепкое, здоровое тело с широкими бедрами и упругим животом было создано для материнства. Быстро оправившись, эта шестнадцатилетняя мать с некоторым удивлением разглядывала красный пищащий комочек, который назывался ее сыном. Она обнаружила в нем сходство с Джоном Грэем, и это ее несколько огорчило. Ибо она разочаровалась в супруге.

Два месяца прошли спокойно. Леди Элизабет не получала от сэра Джона никаких известий, но это ее не особенно волновало. Она полностью погрузилась в хлопоты материнства. Но однажды ночью замок окружили отряды вооруженных людей. Поднявшись на башню, Элизабет со страхом всматривалась в вереницы горящих внизу факелов.

Из темноты неслись хриплые звуки рога, какие-то голоса от имени герцога Йоркского требовали опустить мост и открыть ворота. Испуганная Элизабет бросилась к родственникам и приятелям мужа, но те лишь разводили руками и говорили, что Белая Роза ныне владала над Алой и лучше всего не оказывать никакого сопротивления.

В конце концов мост был опущен, и толпы вооруженных до зубов воинов ворвались в замок. Они вели себя как победители. Еще бы, ведь владелец замка сражался за Ланкастера! Воины требовали вина, мяса, по-хозяйски шарили в кладовых замка, хватали все, что им нравилось, срывали со стен гобелены, заворачивая в них серебряные подсвечники и посуду.

Элизабет с ребенком на руках и несколько служанок забились в дальний угол за камином и с ужасом следили, как хозяйничают в доме непрошенные гости. Но в самый разгар бесчинств, когда захмелевшие воины начали уже приставать к женщинам, в освещенный колеблющимся светом факелов зал вступила группа людей. Шедший впереди высокий, законный в сталь рыцарь, оглядевшись по сторонам, громко приказал прекратить грабеж.

Заслышав его голос, Элизабет встрепенулась. А рыцарь, сняв и передав оруженосцу шлем, резким движением сорвал стальную кольчужную сетку, покрывающую его голову и плечи.

– Доблестные рыцари Белой Розы! – воскликнул он, и его твердый низкий голос достиг всех углов обширного зала. – Разве герцогу по сердцу, когда вы грабите тех феодалов, которые по доброй воле впускают его людей в свои владения? Разве не запрещает он творить беззакония в стенах тех, кто признает его власть?

– Но, Филип! – воскликнул один из прибывших ранее воинов. – Этот замок принадлежит Джону Грэю, который отчаянно сражался на стороне Маргариты. Пожалуй, не будет ничего худого, если мы поживимся добром врага.

– Прекрасно сказано, сэр Мэтью, – надвигаясь на говорящего, произнес Филип. – Но слова ваши приличествуют скорее грязному мародеру, чем рыцарю, носящему цепь и шпоры. Вторгнуться среди ночи в жилище женщины и, пользуясь ее беззащитностью, учинить разбой – вполне достойно вашей доблести. Со слабыми воюют только трусливые псы.

Сэр Мэтью с рычанием отшвырнул тюк гобеленов в сторону и обнажил меч.

– Ты ответишь за эти слова, Майсгрейв!

Филип также взялся за оружие.

– Отвечу всем, кто рискнет не подчиниться приказу Ричарда Йоркского и немедленно не покинет замок!

Сверкнули мечи, и воины, прибывшие с Майсгрейвом, встали рядом с рыцарем. Запахло схваткой.

Элизабет не глядя передала сына служанке и сделала несколько шагов вперед. Она не отрываясь глядела на Филипа. С разметавшимися по плечам кудрями, закованный в вороненую сталь, с мечом в руке, он казался ей прекрасным, как архангел Гавриил.

Но кровь не пролилась. То ли сыграло роль напоминание о приказе Йорка, то ли никто не захотел тягаться с таким искусным воином и его людьми. Мэтью, а потом и остальные воины, побросав награбленное, покинули зал.

Тогда Филип вложил меч в ножны и шагнул к Элизабет.

– Можешь быть спокойна. Больше этого не повторится. Я прослышал, что на твой замок собираются напасть, и, кажется, успел вовремя. Теперь все будет хорошо. Герцог благоволит ко мне, и я берусь добыть для тебя охранную грамоту.

Он снова говорил так, будто они расстались только вчера. В сердце Элизабет все перевернулось. Подойдя вплотную к Филипу, она жалобно попросила:

– Не покидай меня, мой Филип. Мне плохо без тебя...

Он несколько мгновений пристально глядел на нее.

– Сейчас я должен уехать. Но я вернусь. Если... Если ты будешь ждать меня.

– Тебя, тебя одного! Всегда. Пока не прервется дыхание...

Тогда он наклонился и осторожно поцеловал ее. И как же она была счастлива! Сейчас, когда минуло так много времени и свершилось столько перемен, у нее все еще сладко замирало сердце, когда она вспоминала те их встречи в течение нескольких долгих месяцев.

Это была греховная любовь, но, растворяясь в ослепительном упоении ласк Филипа, Элизабет забывала обо всем. Она раньше даже не подозревала, что ее тело способно испытывать подобное наслаждение. Супружеские объятия лорда Грэя казались ей теперь примитивными ласками мужлана, грубой плебейской дерюгой, в то время как нежная страсть Филипа Майсгрейва окутывала ее подобно нежному шелку. Сдержанная по своей природе, с Филипом Элизабет будто рождалась заново, и в ее теле расцветала новая, не осознаваемая ранее естественная природа женщины. Это и притягивало, и страшило. Элизабет таила от всех свою любовь и тайком бегала в церковь, стремясь замолить свой столь отрадный грех.

Но вскоре все изменилось. Удача вернулась к Ланкастерам, и Филип Майсгрейв вынужден был удалиться в свои северные владения. В замок возвратился сэр Джон, и все пошло по-старому. А у нее родился второй сын.

Война Роз все продолжалась. В это беспокойное время люди утешали себя, приговаривая: «Все переменится», и все действительно необратимо менялось. Лорд Джон Грэй Гроуби вновь отправился воевать, но на этот раз ненадолго. Ибо фортуна с пренебрежением отвернулась от партии Алой Розы, к власти пришел Эдуард Йорк, и началось то жуткое время, когда на дом Грэев посыпались всяческие невзгоды.

Лорд, жестоко изрубленный в одной из стычек, был доставлен в замок на носилках и теперь медленно умирал от ран, а леди Элизабет с двумя малышами на руках встречала у ворот все новых и новых посланцев короля, которые каждый раз конфисковывали что-нибудь из имущества или земель ее мужа в пользу казны либо подручных Эдуарда.

В это время, словно добрый гений, вновь появился Филип. Теперь он ничем не мог помочь семье Элизабет, ибо сам не получил никаких привилегий за службу Йоркам, но само его присутствие, сияющий любовью взгляд, его бережное отношение к ней ограждали Элизабет от бездны отчаяния.

После двухмесячных мучений лорд Джон скончался. Элизабет уронила несколько слез над его могилой и скоро успокоилась. И, хотя она чувствовала себя чудовищной грешницей, ощущение освобождения, испытанное ею после похорон мужа, было неопишимо. Теперь ничто не могло разлучить ее с Филипом Майстреивом, и они решили, что, как только минет срок ее траура, они соединят свои судьбы.

Элизабет казалось, что она ничем не заслужила подобного счастья и достаточно дуновения, чтобы все это развеялось, словно чарующий сон. Только когда рядом оказывался Филип, ее страхи исчезали сами собой. Но Филип часто и подолгу отсутствовал: на границе с Шотландией все еще шла война.

Оставаясь в одиночестве, она вновь томилась предчувствием беды. Подступала, хватала за горло нищета: владения лорда Грэя были почти полностью опустошены. И тогда Элизабет решила, что ей следует обратиться с мольбой о прощении к королю...

...Когда жизнь снова свела их с Филипом, они были уже чужими. Гордая, хмелеющая от сознания собственного величия королева – и ее молчаливый вассал с потухшими глазами и печальной улыбкой.

О, как она была жестока с ним! Господи, да она просто не сознавала меры своей жестокости! Ее надменный кивок при встрече или небрежно брошенное слово...

Когда Филип бывал во дворце, она особенно стремилась показать свою привязанность к Эдуарду, была подчеркнуто ласкова. Но ведь она знала, что их чувство еще не угасло и Филип молчаливо сносит все. Почему же его страдания доставляли ей странное удовольствие? Почему, когда он испросил позволения отбыть в свой родовой замок, она сделала все, чтобы Эдуард удержал его при дворе? А что за дикая мысль просватать за него Меган Перси? Господь Всемогуший!..

Тогда она считала, что поступает благородно. И только сейчас поняла, что его безучастное спокойствие приводило ее в неистовство. Она ждала бури, ведь Филип, казалось, должен был презирать ее. Где же тот прославленный Бурый Орел, которого она видела когда-то в замке своего отца, а позднее в поместье лорда Грэя? Но Филип оставался неизменно покорен и нелюдим... Ее любовь... Ее навсегда утерянная любовь...

Королева поднялась. Поленья в камине прогорели, стало прохладно. Кутаясь в меховую накидку, Элизабет прошла по залу и, кликнув слуг, велела подбросить дров, затем подошла к высокому стрельчатому окну и долго вглядывалась в затянутый мглой вечерний город. Шпили башен и ряды крутых крыш Йорка выглядели размытыми и зыбкими сквозь пелену дождя. Одинокий колокол звал к вечерне.

Ей показалось, что Королевский совет сегодня чрезмерно затянулся. Словно отвечая ее мыслям, с улицы донесся шум, о плиты двора зацокали подковы. Королева немедленно распорядилась о вечерней трапезе, подумав, впрочем, что вряд ли Эдуард расположен ужи-

нать. Если совет так затянулся, значит, снова какая-нибудь напасть, а в таких случаях король неизменно терял аппетит.

Эдуард капризен и избалован, а вокруг полным-полно недругов и злопыхателей. Едва ли не с первого дня их брака Элизабет решила стать королю идеальной супругой, дабы не упустить того, чего достигла. Всегда ровная, нежная, терпеливая, она должна любой ценой поддерживать в ветреном Эдуарде уверенность, что он не ошибся в выборе. Что ж, королева есть королева, и кому какое дело до того, что спрятано у нее в глубине сердца...

3. Братья

Эдуард вошел стремительно. За ним спешили слуги, но он отослал их грубым окриком. Молча обогнув кресло, где сидела королева, он остановился перед камином, замер, глядя на огонь.

Элизабет видела, что король измотан и раздражен, и ждала, пока он успокоится. Воцарилась тишина, прерываемая лишь гудением огня да завыванием ветра в трубе.

– Все идет хуже некуда, Элизабет, – сдавленным голосом сказал наконец король и устало потер лицо ладонями.

– На все воля Божья, – тихо ответила королева.

– Воистину. Но если еще полгода назад я считал, что трон наш прочен как никогда, то сегодня судьба отвернулась от меня и мы можем потерять и власть, и королевство, и саму жизнь.

Он выглядел изможденным. Элизабет подошла и ласково коснулась отливающих медью волос мужа.

– Не преувеличиваешь ли ты, мой дражайший?

– Нет, Элизабет, нет! Клянусь обедней, я в отчаянии. Подумать только! Казна пуста, люди ропщут, в стране голод, грабежи... Мои подданные сомневаются во мне, считая, что я своей мягкостью довел королевство до подобного положения. Некоторые области, почти целые графства выходят из повиновения, и там только и разговоров, что я узурпатор, а не законный король. Кент, Уорвикшир, Пемброк, Оксфордшир!.. По сути это лены Ланкастеров, и я ничего не могу поделать с ними. Святые угодники! А ведь еще не так давно я чувствовал себя хозяином своего королевства! Кое-кто из лордов и мой брат Глостер настаивают на военных экспедициях внутрь страны, чтобы покарать ослушников, но как я могу развязать войну сейчас, когда распря Роз наконец приутихла? Как я могу пойти на это, когда опасность ежеминутно грозит извне? Пришли вести, что Уорвик при посредничестве короля Луи собрал во Франции крупные силы сторонников Ланкастеров, вербует наемников. А тут еще наш сосед, коварная Шотландия, только и ждет, когда Ланкастер и Йорк вновь схлестнутся, чтобы обрушиться на нас с севера. О Господи, помяни царя Давида и всю его кротость!

Элизабет, дошло до того, что я не могу верить даже ближним. Лорд Стэнли, например, отмалчивается и сторонится меня. Ричард сообщил, что в его замке побывал посланец Уорвика, и чем закончился их разговор – знает один Бог. А брат Уорвика маркиз Монтегю, который так клялся в верности мне, так осуждал своеволие Делателя Королей, теперь, по сути, вышел из повиновения, укрылся в Уорвикшире и правит там самолично, объявив графство на военном положении. Второй брат Уорвика, архиепископ Йоркский, хоть и стал крестным отцом нашей дочери, но его молчаливое пренебрежение дает основания сомневаться в его лояльности. Лорд Экзетер открыто дерзит, добряк де Ла Поль постоянно угрюм и в явной растерянности. А Джаспер Тюдор, этот преданный пес Маргариты, который попросту игнорирует нас и совершает военные вылазки из своей крепости Харлех! Есть и другие, все эти Монтомери, Стаффорды, Бофоры! Пошатнись мой трон хоть на мгновение, и они мигом переметнутся к проклятому Делателю Королей! О Уорвик! Когда я был мальчишкой, он многому научил меня, я звал его отцом, а теперь денно и ночью молю Господа, чтобы он покарал этого изменника и честолюбца. Ибо в Англии не будет покоя, пока один из нас не сойдет в могилу. Так будь же он трижды проклят, проклят, проклят!..

– Государь! – резко одернула его Элизабет.

Король говорил словно в забытии, взвинчивая себя и срываясь на крик. Ей пришлось напрячь голос. Эдуард вздрогнул и опустил голову.

– И что же вы решили в совете? – спросила Элизабет.

– Они требуют, чтобы я отправился усмирять непокорные графства. Но я не хочу. Сердце говорит мне, что сейчас не время.

– А что Глостер?

– Он с остальными.

Элизабет усмехнулась:

– *Remedium miserabile*⁸. И если ты согласишься, ничего хорошего из этого не выйдет. Ты прав: стоит сейчас начать войну внутри страны, наши внешние враги, не колеблясь, как волки накинута со всех сторон.

– А что же делать? Бетти, что посоветуешь ты?

Королева вздохнула и, отойдя, вновь опустилась в кресло.

– Попробуем по порядку, – негромко начала она. – *In principio*⁹ следует подумать о пополнении казны.

Эдуард криво усмехнулся:

– Верно. Но из-за неурожая бароны отказались платить сеньориальную ренту. Простолюдины выжаты до предела, и мои шерифы выколачивают из них лишь малую часть налогов. Я не могу убедить парламент хотя бы уменьшить вес монеты, чтобы пополнить казну, ибо она и без того обесценена и это может привести к взрыву недовольства.

– Надо повысить пошлину на вывоз шерсти.

– Сделано дважды. В итоге мы только заморозили торговлю и вызвали раздражение у герцога Бургундского¹⁰. Купцы же припрятали товар и ждут не дождутся возвращения Уорвика.

– Возьми заем у ломбардцев¹¹.

– А-а, эти... С них и так уже три шкуры содрали в счет празднеств в честь рождения принцессы.

– Что ж, остриженную овцу дважды не стригут, – задумчиво проговорила королева известную поговорку. – Но послушай, что, если позволить евреям торговать в Англии? Со времен Эдуарда I этих христородавцев не допускали к нашей торговле, однако сейчас можно сделать кое-какие послабления. По крайней мере, их предприятия принесли немалую выгоду государям на континенте.

– Но что скажут на это английские предприниматели? – с сомнением в голосе произнес король.

– Они ничего не посмеют сказать. Пусть помалкивают, ежели их не устраивают нынешние торговые пошлины.

Эдуард мгновение колебался, а затем взглянул на супругу с улыбкой:

– Вы отчаянная женщина, моя королева. Но, пожалуй, стоит рискнуть.

– А что вы скажете насчет продажи титулов разбогатевшим купцам и землевладельцам?

– О Боже, Бетт! Ты пугаешь меня. Как можно смешивать простолюдинов с благородным английским дворянством!

– Ну, эта река изрядно обмелела за время войны Роз. Половина старейших родов Англии истреблена в междоусобных войнах; ты сам, по примеру графа Уорвика, велел щадить лишь простой люд, но вырезать баронов. Так что, если за хорошую плату пополнить благородное сословие, тебя никто не посмеет осудить. Казна, казна!.. Помни о казне!..

⁸ Ничтожное средство (*лат.*).

⁹ Прежде всего (*лат.*).

¹⁰ Бургундские Нидерланды в то время были основными партнерами Англии по торговле шерстью.

¹¹ Иммигрантские торгово-ростовщические сообщества, выходцы из итальянской области Ломбардия – отсюда их прозвище.

Эдуард был поражен неожиданным ходом мыслей жены. Элизабет же коснулась всего: и налогов с дорог, и доходов от конфискованных владений, и рыночных цен, и займов от городов. Эдуард не верил своим ушам, ибо не среди первых лордов королевства, а здесь, в огромном пустом зале, состоялся подлинно королевский совет, и единственным его советником была королева.

– Бетт, я боготворю тебя!

Она лишь слегка улыбнулась и продолжала – не слабая женщина, томящаяся по ушедшей любви, но венценосная особа, европейская властительница, холодная и расчетливая, такая, какой она сама не знала себя, пока не оказалась на вершине власти.

Теперь речь шла о ближайших к королю вельможах.

– Ты говоришь, Монтегю бунтует, недовольный тем, что не поощрили его преданность? Что ж, он сердится на то, что ты отдал обещанный ему титул графа Нортумберленда лорду Перси. И конечно, Монтегю только и ждет момента, чтобы переметнуться на сторону своего старшего брата Уорвика, с возвращением которого рассчитывает вернуть утраченные позиции. Однако у тебя есть способ вновь расположить его к себе, да так, что он забудет о титуле лорда всего Севера.

– Что ты имеешь в виду?

Элизабет с улыбкой потеряла висок.

– У Монтегю есть сын, прелестный семилетний малыш. У тебя – дочь. Обручи их.

– Святые угодники! Отдать первую невесту Англии за Невиля?..

– Зато после этого Монтегю будет предан тебе, как пес. Подумай, его сын станет претендентом на престол! А затем... О, я думаю, дальше этого дело не пойдет, потому что я нарожаю тебе кучу настоящих наследников – истинных Плантагенетов Йоркской ветви.

Эдуард вдруг просиял, а потом схватил тонкие кисти рук жены и стал осыпать их поцелуями.

Выждав, пока уляжется этот порыв, Элизабет продолжала. И чем дальше она шла в своих рассуждениях, тем легче становилось на душе у короля. Казалось, она продумала и учла все, что могло случиться.

– И почему, собственно, тебя так смущает нерешительность Ла Поля? Необходимо укрепить его веру, скорее всего, тоже через родство. Возьмем, например, твою сестру Бетти... Опять же Экзетер. Его крошке Мэри не исполнилось и трех лет. Вполне подходящая партия для моего старшего, Томаса.

По лицу короля промелькнула тень, ибо Элизабет уж слишком рьяно сочетала браком своих родственников со старой знатью, однако королева, казалось, не заметила его неудовольствия и горделиво произнесла:

– Полагаю, Экзетер не станет упорствовать в том, чтобы породниться со своей королевой.

Они возобновили разговор, вновь обсуждая, как упрочить свое положение среди знати, где и как изыскать деньги. Их совет затянулся допоздна. В стекла, схваченные свинцовыми переплетами, неистово хлестал дождь. Внезапно в тишине гулко прозвучали одинокие рукоплескания.

Оба вздрогнули, невольно оглянувшись. Припадая на одну ногу, к ним приближался горбун Глостер.

– Я в восторге, брат мой, я в неистовом восторге! Небо даровало вам лучшую супругу, какую только может пожелать смертный, а нам – добрую и мудрую королеву. Я поневоле услышал часть вашей беседы и просто не могу прийти в себя. Ваше величество, вы созданы, чтобы повелевать народами.

Ричард склонился в поклоне, ловя руку Элизабет. Эдуард с улыбкой взглянул на супругу, но королева была бледна.

– С каких это пор вы, Ричард, позволяете себе шпионить за своими государями?

– О, вы несправедливы, моя королева. Клянусь крестом, в который верю, у меня не было дурных намерений. Просто ваши величества отсутствовали за ужином, и за это время мне пришла в голову одна мысль. Вот я и отправился искать короля. Но здесь, у камина, я обнаружил вас в уединении, застал сцену семейного согласия и счастья, которого я, несчастный калека, лишен. И сердце мое затрепетало, я позволил себе несколько минут любоваться вами. Разве это грех? Однако, вняв смыслу ваших речей, о моя королева, я не удержался и заплодировал.

Склоненный в поклоне, Ричард выглядел еще более горбатым. Тон его голоса казался самым что ни на есть простодушным, но Элизабет не верила ни единому слову и не могла скрыть гримасу презрения и гадливости. Ричард заметил это и вздохнул:

– Эдуард, любезный брат мой, твоя супруга слишком прекрасна, чтобы терпеть подле себя такого калеку, как я. А ведь я искренне ее люблю.

– В самом деле, Бетти, ты чересчур строга к Ричарду. Он наш брат, и ты должна любить его любовью сестры.

Королева молчала. Ричард воздел руки.

– Отвергнутым рыцарям всегда приходится страдать из-за холодности прекрасных дам. Особенно если у них за плечами вместо великих подвигов – горб. Однако сердцу не прикажешь. На холодность отвечают верностью и любовью. Поэтому, чтобы хоть немного расположить вас, сударыня, к несчастному горбуну, я рискну просить вас принять...

– Заранее благодарна, но я ничего не...

Слова застыли у нее на устах, когда Глостер, достав из-под камзола тисненый сафьяновый футляр, стремительным движением раскрыл его. На голубом атласе мерцало лунным отсветом ожерелье из жемчуга необычного кремового оттенка.

Элизабет замерла.

– О!..

Глостер протянул футляр.

– Я рад, что угодил моей королеве.

Элизабет взяла ожерелье. Она любовалась им, взвешивая на ладони, перебирая отборные жемчужины, и, наконец приложив к груди, взглянула на супруга.

– Вам нравится, ваше величество?

– Этот блеск гармонирует с тоном вашей кожи, дорогая. Вы прекрасны.

Он рассмеялся, тепло взглянув на брата.

– Вот видите, Бетт, как расположен к вам Дикон¹². Даже я не смог бы так изысканно преподнести сей дар. А ведь бьюсь об заклад, что знаю этот жемчуг.

Ричард удержал на лице улыбку, лишь уголки губ слегка дрогнули. Он предпочел бы, чтобы Эдуард сохранил свое открытие при себе. Но король уже взял из рук супруги ожерелье и внимательно разглядывал.

– Клянусь Распятием, это, должно быть, тот удивительный жемчуг, который герцогиня Джоана¹³ преподнесла нашей матери в день ее свадьбы. Но я слышал, что мать некогда заложила его ломбардцам. Хорошо, что ты его разыскал и выкупил, Дик. Такая роскошная вещь должна оставаться в семье.

Королева вздрогнула. Очарование ожерелья мгновенно развеялось, ибо королева разгадала коварный план Ричарда. Ее отношения со свекровью и так были на грани скандала,

¹² Дикон, Дик – сокращенное от Ричард.

¹³ Джоана Бофор (ум. 1440) – бабка по матери Эдуарда Йорка, представительница предшествующей династии Плантагенетов.

и нетрудно представить, как разъярится надменная Сесилия Йоркская, узнав, что ее жемчуг достался невестке не королевской крови.

Королева вздохнула, опуская жемчуг в футляр.

– Возьмите его, Ричард. Я благодарна за вашу любезность, однако прошу передать это ожерелье моей дражайшей свекрови.

– О государыня, – склонился Ричард, – наша мать – женщина в годах, она живет вне двора и не имеет причин украшать свой вдовый наряд подобным великолепием. Тогда как вы, женщина молодая и прекрасная...

– Вы меня избалуете, милорд. Ваша щедрость не знает границ. Сначала прекрасный иноходец, который, как оказалось, перекуплен вами у торговца, уже обещавшего его лорду Перси. Затем, перед самым праздником Троицы, – дивный персидский ковер, который незадолго до этого исчез из покоев епископа Линкольнского. Помнится, тогда вышел досадный инцидент, когда его преосвященство увидел ковер у меня. Поэтому, дорогой Ричард, я больше не рискую пользоваться вашим великодушием.

Но Глостер, хотя и понял, что его интрига раскрыта, продолжал настаивать, пока не вмешался король:

– Пустое, Бетт. Этот жемчуг словно создан для тебя. Доставь радость обоим Йоркам.

Элизабет со вздохом закрыла футляр. Королю она не могла перечить.

– Как скажете, ваше величество.

Про себя же решила, что ни при каких обстоятельствах не наденет это ожерелье.

Ричард был удовлетворен. Отпустив несколько любезностей, он повернулся к брату и стал серьезен.

– Мне необходимо поговорить с вами, государь.

Элизабет поднялась. Когда верный Глостер желал беседовать с братом, ей полагалось удалиться.

Какое-то время Ричард прислушивался к ее шагам, затем пересек зал и плотно прикрыл за королевой дверь, что разгневало Эдуарда.

– Это излишне, Дик. К тому же у меня от Элизабет нет тайн.

Ричард, зябко потирая руки, направился к камину. Пламя отражалось в золотом шитье его камзола, украшавшие платье драгоценности позвякивали при каждом движении. Король, облаченный в стеганный камзол из темного сукна, выглядел одетым гораздо проще, чем его брат.

– Видишь ли, Нэд, – начал Ричард, – я бесконечно ценю королеву. Я слышал, что она говорила, и отдаю должное ее уму. Однако принять подобные решения куда легче, чем выполнить их.

– Я добивался трона не для того, чтобы бояться трудностей!

– Однако до последнего времени ты их довольно ловко избегал. Вернее, не замечал. Но ты не мог не знать, что двор тревожат, а страну возмущают твои бесчисленные любовные связи и расточительные кутежи. Да и сама власть казалась тебе легкой забавой, пряной приправой к твоим утехам. Я не говорю уже о твоей скоропалительной женитьбе и том, что она повлекла за собой... погоди гневаться! Мы братья, и я порой могу сказать тебе горькую правду. Кровь, пролитая мною ради утверждения Йоркской династии, и те усилия, которые я совершаю, чтобы облегчить твое правление, позволяют мне так поступать. Корона Йорков для меня священна, и я денно и ночью стремлюсь укрепить ее.

Эдуард задумчиво крутил перстень на безымянном пальце.

– Сегодня ты, Ричард, советовал мне начать военные действия против моих же вассалов. Но королева открыла мне глаза на гибельность этого предложения. Что ты скажешь об этом?

– Я объясню это тем, что в сложившейся ситуации такой выход представляется мне не лучшим, но приемлемым. Бездействовать нельзя. Явись сейчас из-за моря Уорвик с Маргаритой, нам не удержать корону.

Эдуард холодно глядел на брата.

– Что же ты посоветуешь мне, Ричард?

– *Primo*¹⁴, в самом деле последовать советам Элизабет. А *secundo*¹⁵... Постараться осуществить один план. Рискованный, но в случае удачи нас ждет блестящий успех.

Ричард не спешил раскрыть карты. Стоя у камина, он как бы поглаживал ладонью высокие языки пламени.

– Так что же? – не выдержал король.

Не отрывая глаз от огня, Ричард заговорил:

– Я ушел с Королевского совета неудовлетворенным. Необходимо было найти выход, и я беспрестанно ломал себе голову над этим даже за ужином. Но, когда подали рагу из угрей – любимое блюдо дражайшего изменника Ричарда Невилья, – мои мысли приняли иной оборот. Я начал размышлять об Уорвике, о его уязвимых местах. И тут меня осенило: Анна Невиль, его младшая дочь и любимица! – Король восторженно вскрикнул, но Ричард даже не поднял взгляд. – Я вспомнил, – продолжал он, – что Уорвик всегда мечтал о сыне, но небо отказывало ему в этом. Его супруга родила двух дочерей – Изабеллу и Анну. Старшая, красавица Изабелла, все время жила с матерью и почти не видела находившегося в постоянных разъездах отца, а затем вышла замуж. Дурнушка же Анна всегда была с отцом, он терпел все ее выходки, говорят, они ему даже импонировали... Короче, что и говорить о его чувствах, когда он так желал видеть ее королевой и твоей женой!

– К чему ты клонишь, Дик? – не выдержал король.

– Анна Невиль, – спокойно проговорил Ричард, – любимица Делателя Королей. И она по-прежнему уединенно живет в аббатстве Киркхейм. Как ты полагаешь, Уорвик сильно тоскует по ней?

– Что?

– Я говорю о единственной возможности влиять на Уорвика. Это должно быть понятно. Эдуард выпрямился. Глаза его сверкнули.

– Я не желаю слушать тебя, Ричард! Ты предлагаешь противные Богу средства, бесчестящие мое рыцарское достоинство и корону. И это я слышу от родного брата!

– Успокойтесь, ваше величество. Я еще ничего не сказал.

Король беспокойно заерзал в кресле.

– Ну так говори!

Ричард неспешно подтолкнул узким носком башмака выпавшее из камина полено.

– Анна Невиль в наших руках, вернее – в ваших, государь, и она несовершеннолетняя, а в отсутствие отца вы являетесь ее опекуном, как сюзерен. Я не ошибаюсь? – Король едва заметно кивнул. – Уорвик любит дочь и в свое время надеялся выдать ее за первого из Йорков, – продолжал Ричард. – Но Господь судил иначе. Чем же его можно привлечь?

Эдуард задумчиво крутил перстень.

– Наш Уорвик жаден и честолюбив. Что, если мы пообещаем ему золото – много золота – и поманим титулом герцога?

– Неплохо. Но я сомневаюсь в успехе. Ричард Невиль сейчас невероятно силен. Он уверен в своей победе, и любой титул сможет преподнести себе сам, когда займет главенствующее место в парламенте.

От этих слов король поморщился, словно у него заныл зуб.

¹⁴ Во-первых (лат.).

¹⁵ Во-вторых (лат.).

– А ведь прежде он любил меня. Это он научил меня метать копье и ездить верхом.

– До того, как ты оскорбил его, отвергнув его дочь. Эдуард, ты ранил его честь! В его непомерной гордыне пробита брешь, и эту брешь необходимо заделать. Одним словом, я предлагаю просватать дочь Уорвика если не за первого из Йорков, то за второго, то есть за меня.

Несколько мгновений Ричард наслаждался ошеломленным выражением лица брата.

– Ты шутишь? – наконец выдавил тот.

– Нисколько.

– Но ведь вы враги с Уорвиком, он ненавидит тебя больше, чем меня!

– Когда его дочь обретет титул герцогини Глостер и разделит со мной ложе, ненависть сменится если не любовью, то по крайней мере терпимостью.

– Нет, Ричард, нет! Ты отлично знаешь его. Он воспротивится такому союзу.

– Что ж, тогда мы предъявим оборотную сторону медали. Ежели леди Анна не станет герцогиней, то с ней вполне может случиться какая-нибудь беда.

Король рывком поднялся.

– Анна Невиль была моей невестой, она находится на моем попечении, а ты предлагаешь поступить с ней таким образом?

– Послушай, Эдуард! – вдруг порывисто шагнул к брату Глостер. Глаза его зловеще сузились. – Я предлагаю тебе единственный разумный выход. Уорвик слишком любит дочь. Он смирится, а ты останешься королем. В противном случае его войска преодолеют Ламанш, поднимут страну и восстановят на престоле Генриха Ланкастера – ведь недаром графа зовут Делателем Королей. Наш чуткий брат Кларенс вовремя успел перебежать на его сторону. А что станет с нами? В лучшем случае мы превратимся в изгоев, в худшем – нас ожидают Тауэр и плаха. Королеву и твою дочь упрячут в подземелье одной из крепостей, а *tom sagum sarut*¹⁶ короля дадут подержать за волосы палачу. Видимо, тебе это больше по душе, нежели почести, власть, толпы людей, бегущих за твоим конем с криками: «Слава, слава королю Эдуарду!», склоненные головы первых лордов королевства и сияющие глаза прекраснейших дам Англии. Пришла пора выбирать.

Эдуард стоял опустив голову.

– Дик, – умоляюще проговорил он, – но я не могу...

Ричард крепко сжал плечо короля.

– Я твой союзник, я на твоей стороне. Случись что, меня не пощадят так же, как и тебя. И если я предлагаю это, то отнюдь не потому, что жажду заполучить в жены Анну Невиль. Просто *in praesenti*¹⁷ иного выхода нет. Мы должны заставить проклятого Уорвика смириться.

Король устало опустился в кресло. Лицо его посерело.

– Ну же, решайся! – не выдержал Глостер.

Эдуард поднял тяжелые веки.

– Хорошо. Чего ты хочешь?

Ричард торопливо направился к двери зала и, распахнув ее, крикнул:

– Эй, кто там! Письменные принадлежности королю!

Когда перед Эдуардом появились складной столик, перья и бумага, а слуги удалились, Ричард принялся диктовать:

– «Высокочитимый граф наш Уорвик! Мы, Божьей милостью король Англии, Уэльса и Ирландии Эдуард IV... – Пока текли обычные слова благосклонного приветствия, Ричард, ковыляя, расхаживал взад-вперед и его согбенная фигура то приближалась к камину, озаря-

¹⁶ Столь драгоценную голову (*лат.*).

¹⁷ В настоящее время (*лат.*).

ясь пламенем, то сливалась с полумраком зала. – ...Дочь ваша Анна пребывает в добром здравии. Однако мы неусыпно помышляем о ее судьбе, ибо она, достигнув того возраста, когда девице пора подыскивать супруга, продолжает оставаться в монастыре бенедиктинок аббатства Киркхейм. Зная, что в ваши планы не входило оставить леди Анну невестой Христовой, мы приняли решение и надеемся, что вы одобрите сей выбор. Брат наш, Ричард Глостер, воспылал к леди Анне столь сильной любовью, что пожелал сочетаться с ней узами брака, чему мы не намерены чинить препятствий. Сожалея о наших с вами разногласиях, которые вынуждают вас оставаться при дворе короля Людовика, мы ставим вас в известность, что если с вашей стороны не последует согласия на сей брак, то дочь ваша лишится королевской опеки и защиты. Дабы избежать этого, мы советуем вам до наступления лета оставить все начатые вами во Франции дела и прибыть к нашему двору, с тем чтобы присутствовать на церемонии бракосочетания брата нашего Ричарда Глостера с девицей Анной Невиль. Зная ваш нрав, мы предупреждаем, чтобы вы не противились нашей воле, а письмо это держали в тайне, ибо, клянусь Господом нашим Иисусом Христом и Пречистой Девой, если содержание его станет известно, судьба леди Анны может склониться к худшему. Если же вы, невзирая на наши увещевания, не поторопитесь вернуться ко двору, то с малюткой Анной могут произойти всякие беды...» Пиши, пиши!

Эдуард вскочил. Лицо его пылало.

– Ты дьявол во плоти, Дик! Я не стану этого писать!

Он отшвырнул перо.

Ричард, неуклюже горбясь, поднял его и подал брату.

– Дело почти сделано, ваше величество. Последняя часть письма окажется куда более приятной. Уорвик будет поставлен в известность о том, какие награды и привилегии ждут его по возвращении в Англию.

– Да он не станет этого читать! Или ты забыл, как он нетерпелив и вспыльчив? Он ославит меня на всю Европу как человека, растоптавшего рыцарскую честь. Наша знать отвернется от меня, а в его войска вольются толпы желающих расправиться с королем-негодяем.

Он уже хотел было разорвать бумагу, но Ричард с удивительной ловкостью успел выхватить ее.

– Скажи, Эдуард, ты успел полюбить свою дочь-принцессу?

– Recto quidem¹⁸... И получи я такое письмо...

– Ты пребывал бы какое-то время в ярости, но захотел бы ты подвергать опасности ее жизнь?

Король промолчал. Тогда Ричард вновь положил перед ним перо и бумагу.

– Я не стану писать, – упрямо произнес Эдуард. – Я слишком рискую, отправляя послание через всю Англию.

Глостер возвел глаза к небу, а затем, склонившись к брату, негромко сказал:

– Понимаешь, Нэд, важнейшее условие удачи в этом деле – чтобы послание попало к Ричарду Невиллю тайно и доставил бы его не королевский гонец, а *tanquam privatus*¹⁹. А уж Уорвик не так глуп, поверь мне, чтобы предать письмо огласке. Разве что сорвет зло на посланце.

– Значит, гонец обречен?

Глостер кивнул. Однако король все еще нервничал.

– Но подумай, Дик, пересечь всю Англию с таким письмом!.. Господи помилуй, что, если гонец исчезнет, а послание попадет в чужие руки?

¹⁸ Поистине так (*лат.*).

¹⁹ Частное лицо (*лат.*).

Глостер снова подошел к камину. Его горбатая тень на стене, казалось, выросла до самых сводов. Эдуард, всегда снисходительно относившийся к брату из-за его увечья, теперь глядел на него с ужасом.

– Человек, который доставит письмо, – негромко проговорил горбун, – должен быть надежен как скала. *Iustus et propositi*²⁰. Вручая ему послание, ты должен быть уверен, что он скорее умрет, чем расстанется с ним, пробьется через любые препятствия и в срок предстанет перед Уорвиком. И таким человеком тебе придется рискнуть, ибо вся ярость Делателя Королей полной мерой обрушится на него.

Эдуард смотрел в пол.

– Мне трудно решить. Но я вижу, Ричард, что у тебя кто-то есть на примете.

Глостер, не оборачиваясь, кивнул. Кивнула и его огромная тень.

– Да. Это Филип Майсгрейв.

– Майсгрейв?!

Теперь герцог повернулся.

– Я давно заметил, что тебе, Эдуард, не по вкусу этот *homo novus*²¹, этот Бурый Орел, и что ты едва выносишь его подле себя. К тому же, заранее прости, я нахожу, что и для королевы будет лучше, если он окажется подальше. Но так как ты не можешь услатить первого рыцаря, не оскорбляя... Разве выполнить особую миссию не повод спровадить его?

Эдуард задумчиво повторил, растягивая слова:

– Гонец к Уорвику заранее обречен...

– Это так. Но не твоя вина, если медведь Невиль, взбесившись, разделается с ним. Избавиться от Майсгрейва во всех отношениях полезно. С другой стороны, для роли гонца нет лучшего человека. Он предан дому Йорков и доказал это, сражаясь с самого начала за Белую Розу. Он чтит короля и свято верен вассальной присяге. Он связан клятвой, а главное, мало кто может тягаться с ним в воинском искусстве. Говорят, что и люди его под стать ему. В его отряде самые отъявленные головорезы, причем каждого он проверил лично. Более того, его мать родом из-за моря и он неплохо изъясняется по-французски.

– Довольно. Я согласен.

Глостер чуть подтолкнул руку брата.

– Да, но сначала – письмо.

Лицо короля омрачилось, однако он послушно вернулся к бумаге.

Наконец послание было готово. Король в последний раз обмакнул перо, но тут его рука замерла.

– Я хочу посоветоваться с королевой.

Ричард едва сдержался.

– Брат, – мягко сказал он, – чем меньше людей будут знать об этом письме, тем лучше. Королева умна, однако она женщина и не поймет всех выгод нашего плана. Потом Майсгрейв... Лучше ей не знать.

Ричард красноречиво развел руками. И этот аргумент перевесил. Король поставил подпись и поднес письмо к огню, подсушивая чернила, а затем скрепил его печатью. Если бы в этот миг он взглянул на брата, то увидел бы на его лице выражение брезгливого презрения.

Когда все было готово, Ричард принял послание из рук Эдуарда.

– *Finis coronat opus*²²... И будет надежнее, если письмо пока останется у меня. До того, как вручить его рыцарю Майсгрейву.

Король не возражал. Ричард склонился в низком поклоне.

²⁰ Справедливый и твердый в испытании (*лат.*).

²¹ Выскочка (*лат.*).

²² Конец венчает дело (*лат.*).

– Мне пора. Время позднее, я утомил вас, ваше величество. Да и королева, наверное, заждалась...

Выйдя от короля, Ричард едва не пустился в пляс. И ему было отчего торжествовать. Ибо теперь все нити интриги были у него в руках.

Эдуард глупец, законченный глупец! Он собственными руками создал великолепную возможность погубить себя. Такое письмо само по себе способно уничтожить его, лишить чести, короны и, наконец, самой жизни. Король, который не гнушается шантажом, который сыплет низкими угрозами в адрес одной из первых леди Англии, не сможет усидеть на троне, особенно когда власть его так непрочна. Ричард же, не навлекая на себя подозрений, предпримет все, чтобы содержание этого письма достигло ушей английской знати. Остается сделать еще один ход. Жениться на Анне Невиль – и тогда судьба трона вскоре окажется в его руках. Для этого все готово, и у него немало сторонников.

Подданные Эдуарда отвернутся от короля. Кларенс, изменчивый и подлый, не пользуется популярностью, и окажется, что путь к власти свободен. Ну а поскольку женой Ричарда станет Анна Невиль, сам Делатель Королей, несмотря на их обоюдную неприязнь, встанет на его сторону, желая сохранить корону для своей любимицы. Да, разумеется, по закону трон должен наследовать второй Йорк, то есть Кларенс. Но есть Уорвик и есть Анна, а значит, корона уготована Ричарду.

Стать королем, безраздельно править этой страной... Ричард остановился и на миг прикрыл глаза... Да, именно в этом заключалась его тайная жгучая мечта, с которой он ложился спать и вставал, с которой не расставался ни на минуту. На что он рассчитывал, этот калека, пытаясь обойти своих крепких, здоровых, полных жизни братьев? На удачу, на фантастический случай, на дьявольскую хитрость? Наиболее одаренный умом из братьев Йорков, он от рождения был ущербен, и из всего, к чему он стремился в жизни, самым желанным была корона. Он был младшим, но сознавал, что создан, чтобы стать первым. Он презирал нерешительного и развратного Эдуарда, ненавидел лицемерного, бросающегося из одной крайности в другую Джорджа Кларенса. Он был последним в семье, и поэтому свой путь к власти прокладывал в тишине и тайне. И теперь старший Йорк попался. Ловушка захлопнулась. Ричард сделает все, чтобы отвести от себя подозрения: письмо уйдет по назначению, но следом поскачут его, Ричарда, люди, с тем чтобы тайно перехватить послание.

Эдуарду конец. Англия не потерпит королем человека, которого презирают. Достаточно вспомнить судьбу последнего Плантагенета Ричарда или горький удел Эдуарда II²³. Когда же неугодного монарха обесславят и лишат трона, сам Уорвик приложит все усилия, чтобы корона досталась его дочери Анне. А с ней и Ричарду. Приручить же этого медведя следовало. Конечно, какое-то время он будет рвать и метать, но потом поневоле смирится.

Теперь – дурнушка Анна... Жаль, конечно, что она не так хороша, как ее сестра Изабелла, однако то, что она носит имя Невилей и сердце графа Уорвика принадлежит ей, возместит недостающее.

Ричард отправился в свои покои. Здесь все было устроено на широкую ногу, как он и любил: стены затянуты расшитым золотыми цветами бархатом, пол устлан пушистыми коврами, а великолепная мебель черного дерева с тонкой резьбой украшена инкрустациями из перламутра и слоновой кости.

В первый миг казалось, что покои пусты, но вот одна из ковровых портьер приподнялась и низкий, хриплый голос осведомился:

– Что-нибудь угодно, милорд?

²³ Последний Плантагенет, король Ричард II (1366–1399), так неудачно правил Англией, что был смещен своим кузеном Генрихом Ланкастером (от которого и пошли короли рода Ланкастеров). Позже был заточен в замок и умерщвлен. Эдуард II, король Англии (1307–1327), был свергнут с престола в результате восстания, во главе которого стояли его жена Изабелла и лорд Мортимер, заключен в замок Беркли, а затем убит.

Перед Глостером стоял крепко сбитый мужчина лет тридцати пяти с обветренным грубым лицом и подрезанной аккуратным квадратом бородой. Это был Джон Дайтон, поверенный и правая рука Ричарда Глостера. Он повсюду сопровождал своего господина, однако редко где показывался, и о нем почти ничего не знали. Тем не менее этот плебейского вида человек за какие-то особые заслуги был в особой милости у брата короля, и тот даже добился для своего верного слуги рыцарского пояса, а также выгодно женил на наследнице Тонвилей.

Сейчас Дайтон стоял перед герцогом, заложив большие пальцы рук за пояс. В его повадке не было и тени угодливости, однако Ричард знал, что никто не предан ему так безоглядно, как этот возвысившийся до рыцаря простолюдin.

– Пока ничего не нужно, Джон, – сказал Ричард. – Однако уже совсем скоро мне не обойтись без тебя.

Господин и слуга обменялись понимающими улыбками. Глостер, не таясь, спрятал письмо в потайное хранилище, а затем распорядился:

– А сейчас принеси бумаги.

У Ричарда вошло в привычку не ложиться спать, пока дела не приведены в порядок. И ему еще предстояло просмотреть последнюю корреспонденцию, которую ему поставляли осведомители, разбросанные по всей Англии.

Едва ли не половину кабинета герцога занимал стол красного дерева, на который Дайтон вывалил целую кипу бумаг, пергаментных свитков и табличек. В нем еще жил крестьянин, и бумаги, заключавшие в себе судьбы целого королевства, вызывали у сэра Джона священный трепет, он с почтением наблюдал, как легко управлялся с ними его молодой господин.

Сейчас, склонившись над очередным пергаментом, Глостер был действительно хорош. Лицо его дышало умом и азартом. Он вчитывался в бумаги, сравнивал, сопоставлял, что-то отмечая на полях, либо, склонившись над столом, стремительно писал. В тишине слышались лишь скрип пера да потрескивание дров в камине. Джон Дайтон бесшумно двигался по комнате, то подкладывая поленья в камин, то снимая нагар со свечей. Глостер ничего не замечал. Он работал с донесениями. Изучив одни, откладывал их в сторону, другие, пробежав глазами, небрежно отправлял в огонь.

Из тьмы раздался одинокий удар колокола. Ричард поднял глаза от бумаг и вздохнул.

– Завтра разбудишь меня рано, – буркнул он, не глядя на Дайтона.

Затем поднялся и, приволакивая ногу, направился в опочивальню.

4. Сватовство

Как было велено, Джон Дайтон разбудил герцога чуть свет. Его светлость поднялся моментально. В отличие от медлительного и ленивого старшего брата Ричард не любил терять ни минуты. Он тут же принялся сыпать распоряжениями: какого коня оседлать, кто с ним поедет, какой подать камзол, что нужно сделать в его отсутствие.

В возникшей вокруг герцога суматохе один Джон Дайтон не спешил: сидя на низком табурете возле камина, он ворошил кочергой остывшие за ночь угли. Лишь когда Ричард похлопал его по плечу, весело возвестив, что едет свататься, на лице приближенного появилось некое подобие интереса. Вопрос уже был готов сорваться с его уст, но тут влетел брадобрей с серебряным тазиком, теплой водой и нагретыми полотенцами, и Дайтон промолчал.

Пока брадобрей брил и завивал Ричарда, тот велел принести ларец розового дерева с тончайшей инкрустацией. В нем лежали ожерелье и серьги из огненно-красных рубинов в оправе чеканного золота. Брадобрей с немым восхищением уставился через плечо герцога на это великолепие. Ричард придирчиво оглядел драгоценности и неожиданно рассмеялся:

– Что, сэр Джон, недурны побрякушки?

Дайтон равнодушно пожал плечами.

– По мне, все побрякушки одинаковы.

– Это потому, что ты мужлан и ничего не смыслишь в драгоценностях. Однако смею заверить, что при взгляде на подобную роскошь ни одна девица не останется равнодушной. Особенно девчонка, которая несколько лет провела в монастыре.

Герцог явно торопился: едва брадобрей окончил подкручивать вниз длинные черные волосы милорда, как тот с удивительной для его искривленного тела проворностью стал собираться. Но не удержался от того, чтобы еще раз взглянуть на драгоценности.

– Жаль только, что мне не удалось приобрести изумруды, – пробормотал он. – Блеклые, как болото. Припоминаю, именно этого мерзкого цвета были глаза у дурнушки Анны Невиль.

Дайтон, как раз подававший герцогу высокие сапоги для верховой езды, даже выронил один из них.

– Что вы сказали, милорд? Анна Невиль?

Ричард расхохотался.

– Ага, даже тебя, мой невозмутимый Джон, проняло это известие? Видел бы ты, как отвисла челюсть у моего венценосного братца, когда я сообщил, что собираюсь просить ее руки. Но, крест честной, что вас так поразило? Ей пятнадцать, она богата, знатна. Ведь никто не разевал рот от удивления, когда Кларенс женился на Изабелле Невиль.

– Да, но в ту пору Уорвик не был врагом короля Эдуарда, – хмуро буркнул Дайтон.

– А уж это, милейший, не твоего куцега ума дело.

Когда все было готово, герцог оглядел себя с ног до головы.

– Ну как, гожусь я на роль жениха? – Он негромко зло рассмеялся.

Во всем, даже в одежде, Глостер продумывал до мелочей каждую деталь. Его длинный камзол из пурпурного, расшитого золотом атласа был скроен так, чтобы хоть отчасти скрыть недостатки фигуры. Пышные буфы рукавов скрадывали кривую линию плеч, узорчатая золотая цепь на груди отвлекала внимание от горба. Каблуки сапог были различной высоты, чтобы несколько скрыть хромоту. Голову герцога венчала небольшая, усыпанная самоцветами шляпа, а на плечи ему Дайтон накинул черный бархатный плащ с пышным меховым воротником.

– Теперь пора, – бросил Глостер, на ходу натягивая перчатки.

Во дворе, в сыром предрассветном тумане, позевывая и кутаясь в плащи, толпилась немногочисленная свита герцога. Ричард стремительным рывком вскочил на белоснежного красавца скакуна в золоченой наборной сбруе и с места пустил его в карьер.

Аббатство Киркхейм, в стенах которого пребывала младшая дочь графа Уорвика, располагалось в пятнадцати милях севернее Йорка, и герцог, щадя коня, перешел на мерную рысь.

В последний раз он видел Анну Невиль семь лет назад. Это была худенькая нескладная дурнушка, веснушчатая, большеротая, с узкими невыразительными глазами и жесткими, вечно растрепанными волосами. Она была на редкость неловкой, вечно что-то задевала, роняла, однако при этом вовсе не стеснялась, а, наоборот, веселилась и постоянно хихикала, не смущаясь своего щербатого рта.

В редкие ее приезды ко двору она успела настроить против себя всех. У дочери Уорвика были на редкость дурные манеры. Сидя за столом, она чавкала, несла жуткую чушь, причем, выросшая среди солдат отца, не стеснялась пускать в ход любое крепкое словцо. Насколько Ричард помнил, она не ходила, а носилась вприпрыжку, по-мальчишески насвистывая, и, если начинала болтать, никто не мог вставить ни слова. Когда одна знатная дама попыталась уговорить ее, Анна по-площадному обложила ее, посулив вдобавок, что, как только станет королевой, первым делом велит четвертовать ее. Придворных шокировало поведение девочки, но все молчали, так как за ней стояла тень ее грозного отца. Однако сам Уорвик словно не замечал взбалмошных выходок Анны. Он с обожанием поглядывал на нее, и удивительно, сколько нежности выражало тогда его обычно недоброе лицо.

Любопытно, смирила ли святая обитель хоть отчасти эту дикарку? Впрочем, Глостер был уверен, что в любых обстоятельствах сумеет справиться с дюжиной таких, как взбалмошная Анна Невиль.

Оторвавшись от своих мыслей, Ричард вдруг обнаружил, что впервые за все эти дни тучи разошлись и день занимается по-весеннему свежий и ясный. Доброе предзнаменование, решил он и дал коню шпоры.

Кавалькада вынеслась на холм, и герцог и его свита увидели расположенное в долине над рекой аббатство Киркхейм. Обитель находилась среди округлых йоркширских холмов, поросших прекрасным буковым лесом. К древним стенам вел старый арочный мост, помнивший еще времена тамплиеров. Послеполуденное солнце мягко озаряло шпили и колоколенки, обширные внутренние дворы, окруженные крытыми галереями, высокие выбеленные стены с бойницами. Воздух в долине гудел и колебался от колокольного перезвона. У ворот аббатства толпились нищие и калеки.

Наконец копыта коней загрохотали по деревянному настилу моста. Монастырский двор был вымощен плоскими плитами и чисто выметен. Облаченные в темные рясы монахи склонились в поклоне перед герцогом, а по широкой деревянной лестнице уже спускался сам настоятель – отец Ингильрам.

– Ваше высочество! Ваше высочество! *Benedico, benedico!*²⁴

Герцог легко соскочил с седла. Великолепный наездник, на земле из-за хромоты он казался неуклюжим. Приземистый тучный аббат и горбатый герцог были почти одного роста.

– Пойдемте к вам, святой отец! – воскликнул Глостер, по-приятельски подхватывая аббата под руку. – И распорядитесь подать обед. Не люблю поститься, а ваша кухня, если мне не изменяет память, пользуется доброй славой.

Пока аббат отдавал распоряжения, Глостер ожидал его в жарко натопленной комнате.

²⁴ Благословляю вас, благословляю вас! (*лат.*)

Опустившись в широкое, обитое штофом кресло, он огляделся и присвистнул. Эта комната скорее напоминала покои хорошенькой женщины, нежели духовного лица. Повсюду ковры, бахрома, легкая резная мебель. Глостер усмехнулся. Нет, его преподобие Ингильрам не в состоянии отказаться от своих мирских привычек. А ведь несколько лет назад это стоило ему епископского посоха.

Тогда речь шла о том, кому возглавить Йоркскую епархию. Ингильрам, принадлежавший к одному из знатных семейств Северной Англии, был в числе основных претендентов, однако многие священнослужители высказывались против него, обличая аббата в сластолюбии, чревоугодии и в иных грехах, которые несовместимы со столь высоким саном. Тогда Ингильрам поклялся всеми святыми, что одолеет дьявольские искушения, однако это не помогло. В дело вмешался Уорвик, и епископом Йоркским был избран его родной брат Джордж Невиль, имевший духовное звание.

Глостер знал: отец Ингильрам люто ненавидит нынешнего епископа и, поскольку между Уорвиком и королем Эдуардом вспыхнула вражда, лелеет надежду на смещение противника. Между тем Эдуард ничего не имел против Джорджа Невилля, хотя после измены Уорвика и забрал у него большую государственную печать, лишив также и должности канцлера. Тогда Ингильрам почти торжествовал, однако, когда Эдуард позволил Джорджу Невиллю совершить обряд крещения своей дочери, вновь потерял надежду. С отчаяния он вернулся к своим мирским привычкам, но, и греша, продолжал мечтать, что рано или поздно брат изменника Уорвика будет лишен своего поста, а он, настоятель одной из крупнейших северных обителей, получит долгожданный сан.

Сейчас аббат Ингильрам стоял подле герцога Йоркского, улыбался и всем своим видом излучал готовность услужить. Был он человеком крайне изнеженным. Его объемистый живот скрывала шелковая сутана, отороченная пышным мехом и вышитая мелкими жемчужинами, а волосатые, беспрерывно шевелящиеся пальцы были унизаны перстнями, стоимость которых могла составить половину графства. Монашеский капюшон аббата был откинут, открывая круглую, как шар, голову с венчиком черных, зачесанных на лоб волос и свежесбритой тонзурой. Лицо на первый взгляд могло показаться простоватым и добродушным, но, приглядевшись повнимательнее, можно было заметить, что заплывшие жиром глазки Ингильрама глядят пронизательно и лукаво. Сейчас они напряженно пытались прочесть на лице могущественного брата короля, с чем тот пожаловал в аббатство, ибо сей молодой горбатый герцог никогда ничего не предпринимал без дальней цели.

Тем временем подали обед. Ингильрам постарался угодить гостю, и теперь перед проголодавшимся Ричардом возвышался румяный пирог с олениной, компанию которому составили тушеные фазаны, рябчики в миндальном молоке, всевозможные паштеты и мягкие белые сыры с тмином. В высоких графинах плескалось превосходное вино.

Герцог пригласил аббата разделить трапезу и, энергично жуя, повел разговор издалека. Заговорил об установившейся наконец-то погоде, о здоровье короля Эдуарда, о делах аббатства, о голоде, угрожавшем провинции.

Настоятель сначала ел понемногу и помалкивал, следя за важным гостем. Однако отец Ингильрам был слаб, еда и питье кружили ему голову, и в конце концов он распустил пояс и принялся уплетать за обе щеки, вытирая руки о скатерть и болтая с герцогом о делах:

– Вы говорили о голоде? Увы, толпы оборванцев отираются вокруг монастыря, клянча подавание. Из благочестивых побуждений я творю милостыню, но вовсе не обязан кормить и поить всех бездельников, которые не сумели позаботиться о себе с осени. А вот наши амбары полны. Мои монахи не бездельничают: солонина, вино, мука – всего в изобилии. Обновлена церковь, починены крыши, построен новый подъемный мост. Ах, ваша милость! При таком опыте под моей рукой мог бы процветать не только монастырь, но и целая епархия. – Глостер деликатно ушел от обсуждения этой темы, однако аббат снова и снова гнул свое. – Как

могло случиться, что родной брат злейшего врага короля значится его духовным наставником и епископом Йорка?! Поистине люди порой не ведают, что творят. За что ни возьмется Невиль, все идет прахом. А расходы, Господи, какие расходы! *Exempti gratia*²⁵, куда девались средства, предназначенные для сиротских приютов? Я скажу вам. Они пошли на пополнение епископской библиотеки. А пожертвования на больницы для бедных?

– Ваше преподобие, – мягко перебил Глостер. – Но ведь и вы доброхотные даяния прихожан не всегда расходуете по назначению.

И Ричард обвел рукой покои аббата. Тот отложил крылышко фазана и с оскорбленным видом выпрямился в кресле.

– Клянусь крестом, в который верю, эти траты необходимы для поддержания престижа аббатства. *Parvo contonus*²⁶ – вот мой девиз. Церкви же нужна роскошь, дабы чернь, чувствуя свое ничтожество, склонялась перед нею.

– Не думаю, что черни случалось толпиться в этих покоях, – с сомнением заметил Глостер. – Однако, святой отец, я привез с собой бумагу, в которой записаны мои пожертвования в пользу монастыря. Взгляните на нее и скажите, заслужил ли я этими ничтожными подношениями милость нашей святой матери-Церкви и вправе ли именоваться ее смиренным сыном?

Ингильрам пробежал глазами перечень пожертвований, и лицо его расплылось.

– И я, и мои монахи готовы до скончания века поминать вас в своих молитвах, сын мой.

– Аминь, – жуя, кивнул герцог.

Однако аббат ожидал, чего пожелает брат короля за свое благодеяние.

Наконец Ричард отбросил салфетку и спросил, не сводя с настоятеля своих жгучих черных глаз:

– Вам ведь любопытно, отче, что привело меня в Киркхейм?

Настоятель пожал плечами.

– Человек несовершенен. Как узнать, что творится в душе другого, пока тот не разомкнет свои уста?

– Великолепно сказано, преподобный. Но от вас у меня секретов нет. Я прибыл сюда ради малютки Невиль.

Он обернулся. Аббат какое-то время растерянно смотрел на него, затем судорожно сглотнул.

– Я мог бы догадаться.

Ричард усмехнулся:

– Так как она поживает? Все так же *varium et mutabile*²⁷?

Ингильрам замаялся, крутя перстни на пальцах.

– Признаюсь... Мой грех. Но пока леди Анна была невестой короля Эдуарда, я уделял ей немало внимания. Но потом... Видите ли, у племянницы епископа Невилья ужасающий характер. Так что, когда государь – да благословит Господь священную особу его величества – на свое счастье обвенчался с леди Элизабет, я прекратил посещения женской обители и более не виделся с леди Анной. Но она по-прежнему живет в аббатстве и, судя по всему, вполне готова принять постриг. По крайней мере, мать Бриджит предлагала ей отрешиться от мира и посвятить себя небесам.

– Что? Эта дикарка и... монахиня? Слабо верится. Однако, думаю, вам, отче, стоит проводить меня к самой леди Невиль. Монахиня... Гм.

²⁵ Для примера (*лат.*).

²⁶ Довольствуюсь малым (*лат.*).

²⁷ Строптивая и непостоянна (*лат.*).

Они вышли на широкий монастырский двор. Мимо сновали монахи в капюшонах, пощелкивая четками и бормоча молитвы. Солнце светило по-весеннему, в глубоких лужах отражалось небо. Под навесами темнели аккуратно сложенные поленицы. Двое монахов-трудников в подоткнутых до колен подрясниках возились у свинарника, и ноздри Ричарда зашевелились от крепкого навозного духа.

Миновав основные постройки Киркхеймского аббатства, герцог и его сопровождающий спустились к реке, где в стороне от мужской обители за высокой беленой стеной располагался женский монастырь сестер-бенедиктинок. За стеной виднелись крытые черепицей скаты крыш, деревья фруктового сада, высокий шпиль с ангелом на шесте. Темные дубовые ворота были наглухо закрыты, но рядом с ними находилась калитка, к которой и направился аббат Ингильрам со своим высокородным спутником.

Однако внутрь их впустили не сразу. Лишь когда сама мать-аббатиса вышла им навстречу и настоятель объяснил, кто его спутник, она, не вымолвив ни слова, жестом пригласила их войти.

Едва взглянув на нее, Ричард, несмотря на молодость кое-что понимавший в людях, ощутил, сколь велика разница между настоятелями мужской и женской обителей. Если отец Ингильрам был сластолюбив и сговорчив, то мать Бриджит выглядела подлинной фанатичкой, суровой и непримиримой. К отцу Ингильраму она относилась с явным пренебрежением, была немногословна и крайне нелюбезна.

В женском монастыре царил тишина. Продвигаясь за настоятельницей по узким и мрачным, но идеально чистым коридорам, Ричард поразились, насколько здешняя обстановка отличалась от веселого гомона мужской обители. Лишь одна монахиня с опущенной головой повстречалась им на пути, скользнув тихо, как тень, и едва ответив на благословение отца Ингильрама. На Глостера она даже не посмотрела. Герцог оглянулся, желая узнать, не проявит ли она обычное для монахини любопытство, но нет – та даже не повернула головы. Что ж, Уорвик знал, что делал, оставляя здесь дочь. Только в такой обители могли укротить строптивый характер Анны.

Между тем они вошли в небольшую полутемную приемную, и мать Бриджит предложила им присесть. Только тут она сухо осведомилась, чему обязана столь высокой чести. Так же, как ранее аббату Ингильраму, Глостер передал ей список пожертвований и даров, желая расположить к себе аббатису, а уж затем разузнать у нее то, чего не смог выяснить у аббата. Но настоятельница, пробежав глазами пергамент, лишь легким кивком выразила свою благодарность.

Все в ней раздражало Ричарда, и он решил перейти прямо к сути дела.

– Насколько мне известно, в вашей обители уже несколько лет пребывает дочь графа Уорвика.

Лицо аббатисы казалось бесстрастным, однако при упоминании о леди Анне по нему мелькнула легкая тень. Лишь на мгновение, но Ричард заметил и был поражен. Словно застывший лик изваяния озарился светом нежности. Потеплели глаза, дрогнула складка тонких губ.

Он продолжил:

– Отец сей девицы долгое время находится на континенте, но я, его родственник и кузен, считаю своим долгом поинтересоваться, как поживает моя двоюродная племянница.

Аббатиса ничего не ответила, продолжая молча перебирать четки.

– Вы не поняли вопроса, матушка? – несколько раздраженно осведомился герцог.

Тут она взглянула ему прямо в глаза.

– Мы, посвятившие себя Христу и его матери Деве Марии, живем уединенно и не интересуемся мирскими делами. Однако и до нас дошли вести, что отец Анны ныне непопулярен в глазах короля Эдуарда. И это принуждает меня ответить высокому гостю, что отчет

о вверенной мне девице я могу дать только самому графу или человеку, который явится с полномочиями от него.

Ричард покачал головой.

– Я не совсем понял вас, преподобная мать. Однако хочу заметить, что прибыл я изда- лека не ради праздного любопытства, а по велению короля. И если он пожелал узнать о леди Анне, узнать, как она жила, изменился ли ее нрав, как она отреагировала на расторжение помолвки, – то вы должны дать мне об этом полный отчет.

– А я повторяю, – сухо ответила настоятельница, – что ответ за леди Анну я буду дер- жать только перед ее отцом.

Ричард чуть закусил губу. Его холеные пальцы нервно затеребили рукоять дорогого кинжала.

– Суший вздор, матушка. И то, что вы проявляете неповиновение, опасно для вас. Вы рассчитываете на защиту Церкви? Не надейтесь. Никто не пожелает поддержать стропти- вую монахиню, неприязненно относящуюся к дому Белой Розы. И уж раз я прибыл сюда, то смею вас заверить: если бы Анна находилась не просто в монастыре, а в самой неприступ- ной твердыне Севера Англии, я встретился бы с ней. Что бы мне ни пришлось для этого предпринять.

Последние слова он произнес таким странным тоном, что настоятельница перестала перебирать четки и взглянула на сидевшего перед ней юношу с заметным волнением.

– Это женская обитель, – только и сказала она.

– Однако, насколько мне ведомо, ваш устав не возбраняет воспитанницам монастыря свиданий с близкими. Мне же необходимо увидеться с дочерью Делателя Королей!

С этими словами он подошел к взволнованной аббатисе и властным жестом протянул ей футляр с украшениями для Анны.

– Передайте это юной леди и подготовьте ее к свиданию со мной. И ради всех святых, матушка, не заставляйте меня терять терпение.

Мать Бриджит нехотя повиновалась, но, словно в отместку, заставила их долго ждать. Ингильрам начал было извиняться за аббатису, потом стал открыто осуждать ее, причем явно злился, а настоятельницы все не было. Наконец, когда терпение герцога истощилось и он уже был готов сам пойти на поиски Анны, мать Бриджит вернулась в приемную. Лицо ее стало еще суше, и она спокойно вернула Ричарду драгоценности.

– Моя подопечная благодарит, но не желает принимать подношения от врагов ее отца.

Герцог опустил голову, желая скрыть досаду и злость.

– Матушка Бриджит, – вкрадчиво начал он. – Я еще добр. Поэтому прошу вас *sine more*²⁸ устроить нам встречу, независимо от воли самой Анны. Иначе я попросту велю своим людям обыскать обитель и притащить ко мне милейшую кухню на веревке. Вы ведь не желаете ей подобного унижения?

– О Пречистая Дева! – широко перекрестилась настоятельница. Поразмыслила минуту и как-то утомленно добавила: – Видит Бог, я стремилась до конца исполнить свой долг.

– Это так, ибо ваш первейший долг – повиноваться законному государю.

– Я уступаю, милорд, потому что не имею возможности вам противостоять. Следуйте за мной.

Она повела Ричарда по шедшей вокруг всей обители галерее. Отсюда сквозь проемы окон Ричард видел хозяйственные дворы и огороды, на которых трудились монахини. Среди их черных одеяний кое-где виднелись серые облачения воспитанниц и послушниц.

²⁸ Без промедления (*лат.*).

Неожиданно совсем рядом раздались звонкие голоса и смех. Между колоннами мелькнули какие-то фигуры, а под ноги аббатисе бросился пушистый рыжий котенок. За ним устремились три послушницы. С разбегу они едва не сбили с ног настоятельницу.

Смущенные девушки замерли. Затем две из них попятились, а третья, склонившись, подхватила на руки котенка. Когда она выпрямилась, Ричард понял, что перед ним дочь Уорвика. Сходство с Делателем Королей было разительным. Ричард втянул ноздрями воздух: бутон распустился, и дурнушка превратилась в красавицу.

Аббатиса, сделав знак другим воспитанницам удалиться, подошла к Анне.

– Прости меня, дитя, – мягко сказала она, – но этот господин настаивает на встрече с тобой.

Она испытывала неловкость, и голос выдавал ее. Анна в упор взглянула на Глостера.

– С каких это пор кто ни попадя может врывать в женский монастырь и требовать выполнения своих условий? – Голос ее звенел. – Я вижу, мир перевернулся, если творится подобное.

По всей видимости, характер строптивой Анны не изменился. Но герцог внезапно заметил, что не слишком рассержен, потому что будущая герцогиня Глостерская пришла к нему по вкусу.

Аббатиса положила руку на локоть девушки.

– Я вынуждена повиноваться, Анна. Его светлость прибыл по велению короля Эдуарда – да продлит Господь его дни.

Голос ее был полон печали и слегка дрожал. Ей было стыдно за свою слабость.

Анна поглядела на нее с сочувствием.

– Матушка, я ни в чем вас не упрекаю. Что бы вы ни решили, я подчиняюсь.

Аббатиса вздохнула.

– Следуйте за мной.

Анна, все еще не отпуская котенка и не глядя на Ричарда, двинулась за ней. Герцог замыкал шествие.

Подняв щеколду, аббатиса отворила низкую тяжелую дверь, и они очутились в небольшом помещении, скорее в часовне, так как на стене висело распятие, перед которым горели четыре лампы. Скучный дневной свет слабо проникал сюда через забранное решеткой узкое окно.

Взяв небольшие песочные часы, аббатиса перевернула их.

– Полчаса более чем достаточно для беседы с воспитанницей монастыря.

Она вышла. Ричард и Анна остались под каменным сводом часовни, и герцог бесцеремонно стал разглядывать девушку.

Она не была красива той правильной красотой, какой славилась ее сестра, и не обладала столь яркой внешностью, как Элизабет Грэй. Однако лицо ее светилось тем внутренним светом, который отличает живую, сильную душу. К тому же она была и прехорошенькая.

Пятнадцать лет... Анна Невиль была высокой, пожалуй, излишне высокой для своего возраста. Под платьем из тонкой шерсти проступала худенькая фигура – свидетельство юности и подвижности, а отнюдь не слабого здоровья. У девушки были длинные ноги, узкие бедра, округлая маленькая грудь. Худышка – если бы глаз не очаровывала плавная соразмерность всех линий. Круглое, как у подростка, лицо, чуть вздернутый капризный носик, рот несколько великоватый, но пухлый и свежий, как у ребенка. Очарованию девушки не вредили даже легкие веснушки. А глаза... Когда-то они казались Ричарду блеклыми. Однако сейчас он видел удивительно красивые, редкостного ярко-зеленого цвета очи, сияющие, как орошенные чистой утренней росой листья, в оправе удлиненного миндалевидного разреза...

Анна была похожа на Уорвика. Ее изогнутые, подобно крыльям сокола, брови и высокий чистый лоб подчеркивали это сходство. Капюшон глухого платья девушки был откинут, и Ричард мог любоваться ее пышными волосами густого темно-каштанового отлива.

Хотя он разглядывал ее довольно бесцеремонно, Анна не смутилась и, продолжая гладить котенка, вопреки этикету заговорила первой:

– Его светлость герцог Глостер не нуждается в рекомендациях. Его горб и кривые плечи выразительнее всяких эмблем и девизов выдают в нем Йорка-младшего.

Ричард развел руками:

– Увы, достойная девица. Природа не столь благосклонна ко мне, как к вам. Я таков со дня рождения, и бремя, которое Господь возложил мне на спину, всегда со мной. Однако вы, клянусь вечным спасением, изменились *ut flos in septis secretus nositur hortis*²⁹.

Он склонился в поклоне. Губы Анны чуть дрогнули. «Она, пожалуй, тщеславна и падка на лесть», – решил Ричард и тут же рассыпался в цветистых комплиментах. Но вскоре умолк, заметив, что Анна не слушает его. Опустившись на каменную скамью, она играла с котенком.

Какое-то время девушка будто не замечала его, но затем откинула упавшую на лоб прядь волос и обернула лицо к герцогу.

– Что же вы замолчали?

– Вы ведь не слушаете. Это животное занимает вас больше, чем злополучный калека.

Анна встала.

– Я согласилась выслушать вас, милорд, не для того, чтобы убедиться, что вы достойны занять кафедру риторики в Оксфорде. К чему столь пышное красноречие? Вы ведь преодолели столько миль вовсе не за тем, чтобы обольстить меня.

– Вы так полагаете? – усмехнулся Глостер.

– Да. Не будь я дочерью Делателя Королей, я бы ни за что не удостоилась внимания герцога Глостерского. Вы хотите говорить со мной об отце?

«Она неглупа», – с досадой подумал Ричард, вслух же сказал:

– Прекрасная леди, вы заблуждаетесь. Я прибыл сюда отнюдь не ради Ричарда Невилля, и я действительно намерен очаровать вас.

Анна расхохоталась:

– Боюсь, милорд, ваше красноречие будет истрачено впустую.

– Очень жаль. Я не хотел бы проявлять принуждение в отношении дочери человека, которого высоко ценю.

– А еще и боитесь. Не будь этого, вы не явились бы сюда.

Ричард с улыбкой глядел на нее.

– В Англии не так много людей рискнули бы назвать Ричарда Йорка трусом.

– Значит, у меня есть для этого основания!

Ричард продолжал улыбаться, однако глаза его сухо заблестели. «Неужели ей что-то известно? Нет! Не может быть, чтобы Уорвик, столько лет молчавший, открылся перед малолетней девчонкой».

– Миледи, – холодно заметил он, – своей дерзостью и упрямством вы очень походите на графа. Однако сейчас вы напоминаете мне лисенка, вздумавшего тягаться с волкодавом. Да будет вам известно, что я прибыл сюда, чтобы увезти вас, ибо наш государь и брат, а ваш сеньор и опекун, изъявил желание отдать вас мне в супруги.

– Что?!

Анна сначала побледнела, а потом расхохоталась:

²⁹ Подобно тому, как цветок расцветает в саду за оградой (лат.).

– Боюсь, Эдуард Йорк не все обдумал, отдавая подобное распоряжение. Мой отец скорее даст руку на отсечение, нежели согласится, чтобы его дочь вышла за Ричарда-горбуна. И пусть король вспомнит, кто добыл ему корону и кто может лишить его не только престола, но и головы, ежели так обойдутся с Анной Невиль!

– Увы, миледи, вы переоцениваете возможности своего отца. Он далеко за морем и не в силах повлиять на короля. К тому времени, когда он соберет войско и прибудет в страну, все уже свершится.

– Этого не будет! – Девушка гордо вскинула голову. – Никакими силами вы не сможете заставить меня сделать это. Да я скорее выброшусь из окна, нежели отдам себя подлецу, отличившемуся на Сендельском мосту!

Выкрикнув это, она тут же запнулась. Давным-давно отец строжайше запретил ей касаться этой темы. Но сейчас...

Она взглянула на Глостера и невольно отшатнулась. Перед ней стояло чудовище. Исчезли куртуазные манеры, лукавая улыбка, осмысленный взгляд. Бледный до синевы, с пылающими, как адские угли, глазами, раздувающимися ноздрями, искаженным ртом, он шагнул вперед, пошатываясь, и его скрюченные пальцы потянулись к ней. Из груди Ричарда вырвался глухой рык.

Анна, отступив к стене, с ужасом глядела на него.

– Я убью тебя! – захрипел Ричард. – Здесь и сейчас!

Он сделал еще шаг, и рука его легла на рукоять кинжала. Тихо, но твердо Анна сказала:

– Убей меня, пес, но если тебе удалось скрыть свою вину за гибель брата, а значит, и за своего отца, то смерть дочери Уорвика ты не сможешь утаить.

Поразительно, но ее слова достигли слуха Ричарда. Он судорожно втянул воздух и опустил голову. Когда же он поднял ее, лицо его было почти спокойно и лишь в глазах тлела ярость.

– Тем хуже для тебя, девчонка. Теперь тебе не уйти от меня. Ты нужна мне и как свидетельница, и как заложница. Невиль смирится, а ты станешь моей. И сейчас же. Чтобы у тебя не было пути назад.

Он хищно усмехнулся и, с неожиданным проворством оказавшись у дверей часовни, закрыл ее на засов. Затем повернулся и, неспешно расстегивая пояс, направился к Анне.

Прижимая к себе котенка, девушка во все глаза смотрела на Ричарда. Шаг, еще шаг, отскочила и покатилась золоченая пуговица...

И в это мгновение Анна швырнула котенка в лицо Глостеру. Котенок отчаянно мяукнул и выпустил когти. Ричард отшатнулся, хватаясь за глаза. В следующую секунду Анна резко и точно, движением заядлой драчуни, изо всех сил ударила насильника ногой в пах. Герцог охнул. Он не был готов к такому обороту дел.

Хватаясь за ушибленное место, Ричард согнулся, подался вперед и, втянув в легкие воздух, уперся лбом в стену. На какой-то миг ему стало не до дочери Уорвика. Когда же, скрежеща зубами, он выпрямился, то позади громко хлопнула дверь. Лязгнул засов, и послышались торопливо удаляющиеся шаги. Герцог оглянулся. В часовне он остался один.

Глостер замер. Ярость буквально захлестнула его. Он был побежден и унижен. В бешенстве он бросился к двери, но та не поддавалась.

– Проклятье! – прорычал он.

Не зная, как быть, он мерил ногами часовню, пока на глаза ему не попался забившийся в угол котенок. Желая хоть на ком-то сорвать злость, Ричард метнулся к нему. Злосчастный зверек бросился прочь, и горбун несколько минут носился по часовне, пока не настиг его. Котенок шипел и царапался, но герцог несколько раз с размаху ударил его о стену, а затем с силой отшвырнул бездыханное тельце.

Все это хотя бы отчасти успокоило его. Однако положение было глупейшее.

В это время раздались легкие шаги, затихшие у двери. Ричард догадался, что явилась аббатиса и остановилась в раздумье, увидев запертую снаружи дверь. Пришлось окликнуть настоятельницу.

Мать Бриджит подняла засов и отшатнулась от стремительно вылетевшего из часовни Ричарда. Лицо герцога было исцарапано, и аббатиса невольно заглянула ему за спину, но, не увидев Анны, перевела изумленный взор на Глостера.

– Я намерен, – сухо объявил Глостер, – увезти Анну Невиль из обители. Два часа на сборы. Молчать! – рявкнул он, едва аббатиса собралась было возразить, и торопливыми шагами направился прочь.

В богатых покоях настоятеля аббатства он продолжал это непрерывное бешеное движение. Пожалуй, никого так не ненавидел Ричард в своей жизни, как эту соплячку. Дело не в том, что она взяла над ним верх, оставив в дураках. Ей была известна его тайна. Теперь Анна должна либо принадлежать ему душой и телом, либо умереть. В любом случае – исчезнуть, как исчезли почти все, кто стал свидетелем его трусости и предательства.

Чтобы хоть немного унять себя, Глостер прижался лбом к холодной каменной стене и прикрыл глаза. В его памяти вставали события тех дней...

...Хлестал дождь. Его отец, великий Ричард Йорк, глава партии Белой Розы, восседая на коне, наблюдал с холма за ходом битвы с воинством ланкастерцев. Рядом с ним находились Ричард, тогда еще подросток, Уорвик и еще три рыцаря.

Внезапно на взмыленном коне примчался лазутчик Уорвика с вестью, что Маргарита Анжуйская отправила в замок Сендель своих людей, чтобы захватить любимца Йорка – его раненого сына Эдмунда. Забрало на шлеме отца было поднято, и Ричард видел, как тот смертельно побледнел. Первым порывом Йорка было без промедления скакать в сторону Сенделя. Но он сдержал себя усилием воли. Он не мог сейчас покинуть армию, ибо его исчезновение сочли бы бегством. Тогда его взгляд обратился к тем, кто находился рядом.

– Уорвик, Ричард и вы, друзья! Не жалейте коней, во весь опор скачите в замок Сендель. Спасите Эдмунда. Господом всемогущим заклинаю вас, сделайте все, что только возможно!

Ему не пришлось повторять дважды. Все пятеро пустили коней во весь опор. Они неслись галопом по лужам и рытвинам, полным сырой грязи. Дождь хлестал им в лицо. Под Ричардом был прекрасный конь, и, опередив остальных, он первым подъехал к замку.

Копыта прогрохотали по мосту, и, подняв голову, Ричард заметил в одном из окон кудрявую голову Эдмунда. Слава Богу, они успели! Ричард спрыгнул прямо в грязь и понесся вверх. Эдмунд спешил ему навстречу. Они обнялись. Ричард знал, что если его братья Эдуард и Джордж холодны с ним, то Эдмунд всегда искренне любил брата-горбуна. И он был горд, что сейчас спасает старшего брата.

Вместе они выбежали во двор, где Уорвик уже держал за поводья коней. Сломя голову они бросились прочь из замка, но было уже поздно. Десятка полтора воинов, с головы до пят закованных в сталь, преграждали им дорогу.

Силы были явно неравны. Гарнизон замка, состоящий всего из нескольких человек, не мог оказать им существенной помощи, хотя и поспешил к воротам.

Уорвик выхватил меч, слабо мерцавший в бледном свете дождливого дня.

– Англия и Йорк! – вскричал он и ринулся в самую гущу врагов.

Он был прирожденным бойцом. Его меч обрушивался на латы противников с сокрушительной силой, и двое из них, не выдержав натиска, почти сразу рухнули на землю. Эдмунд, несмотря на ранение, кинулся к нему на подмогу. Ричард с тремя рыцарями также выхватили мечи. Забрала их шлемов заливали струи дождя, но они наседали и вскоре оказались в глубокой арке ворот у моста. Ричард видел, как пали двое рыцарей Йорка. Но и противники несли потери. Теперь их оставалось семеро против троих.

Уорвик одной рукой правил конем, другой отражал и наносил удары. Наконец, свалив еще одного ланкастерца, он вырвался на мост, увлекая за собой почти висевшего в седле Эдмунда. Ричард и последний из рыцарей оказались в окружении. Неожиданно рыцарь, отшвырнув меч, навалился разом на двух противников. Между воинами королевы образовался просвет.

– Скачите, ваша светлость! – отчаянно крикнул он Ричарду и захрипел, ибо сразу несколько копий пронзило его.

Ричард дал шпоры коню. Но поздно – кто-то успел на ходу подрезать сухожилия его лошади, и он рухнул вместе с конем на землю.

Не передать всего ужаса, который он испытал тогда. Позор, плен, гибель!..

Однако, заметив, что младший брат упал, Эдмунд вырвал повод своей лошади из руки Уорвика и с криком понесся назад, сшибаясь с воинами Алой Розы. Поступок был таким нелепым, что те растерялись и на миг оцепенели.

– Ричард! – звал Эдмунд, свешиваясь с седла и протягивая брату руки.

Ричард уцепился за него. Но раненый брат был слаб, а Ричард в свои четырнадцать достаточно силен. Он вцепился в истекающего кровью брата, повис на нем и рывком выдернул из седла. Эдмунд упал. Ричард тотчас переступил через него и, прыгнув на коня, галопом понесся прочь. Эдмунд остался у врагов.

Дождь все неистовствовал. Ричард мчался по мокрому полю, еще не понимая, что с ним происходит, и, лишь завидев впереди шатры лагеря Белой Розы, немного успокоился.

Остановив коня, он снял шлем. Холодная вода остудила голову, но его тут же вновь обдало жаром. Да, у него не было выбора. Вернее, был: либо он, либо Эдмунд. Однако то, что он сделал... Тогда, на Сендельском мосту, он не думал о чести. Ему только хотелось спастись. Но теперь у Ричарда внезапно пересохли губы.

– Господь всемогущий, ради милосердия! – простонал он. Позор, несмываемый позор! Если станет известно, что произошло, он обречен влачить жизнь изгоя... В лучшем случае в него будут тыкать пальцами и зубоскалить, в худшем – забросают камнями. Герб Йорков навеки опозорен, а его имя станет нарицательным для труса и подлеца.

Ричард поднял глаза на шатер отца. Гнев великого Йорка будет страшен. Ричард в оцепенении не трогался с места. Его конь нетерпеливо переступал с ноги на ногу и мотал мокрой гривой, отфыркиваясь. Наконец что-то заставило Ричарда оглянуться.

Через поле шагом ехал Уорвик. Его белый конь был до седла забрызган грязью. Ричард с ужасом глядел на графа. Но если Уорвик будет молчать?.. Кто может узнать? О солдатах Маргариты он сейчас не думал. Кто станет их слушать? Но Уорвик! Одно его слово – и все кончено.

Ричард машинально провел рукой по луке седла, нащупывая арбалет. Если сейчас он убьет Уорвика, никто не узнает о его позоре. Однако ни стрел, ни арбалета при нем не было. Это же конь Эдмунда! Тогда, вконец отчаявшись, Ричард соскочил с коня и пешком двинулся навстречу Уорвику.

– Сэр Ричард Невиль! – окликнул он графа.

Уорвик даже не глянул в его сторону. Он попытался объехать Ричарда, но тот перехватил его лошадь под уздцы.

Сейчас, по прошествии многих лет, Ричарда по-прежнему жег стыд при одном воспоминании о том, как он тогда унижался перед Уорвиком, как молил, как ползал на коленях в грязи, обнимая ноги графа в стремени. Но тогда он думал только об одном – любой ценой заставить графа молчать.

Уорвик, поначалу не желавший даже слушать его, наконец промолвил:

– Встань, Ричард! Тошно смотреть, как ты, словно червь, извиваешься по земле. Я не стану говорить о твоём бесчестии, даю слово. Но не думай, что твои стенания тронули

меня. Нет. В моих глазах отныне ты полное ничтожество, трусливый раб, лживо назвавшийся рыцарем. Но я буду молчать, потому что служу дому Йорков и не желаю, чтобы на солнце их герба³⁰ лежало такое пятно... К тому же твой отец и братья достойные воины, они не должны пострадать из-за тебя.

Потом он пришпорил коня и проскакал мимо Ричарда, обдав его грязью.

С тех пор они не обменялись ни словом. Уорвик сдержал клятву, и о событиях на Сендельском мосту никто не узнал. Правда, доносились какие-то слухи из городских низов, но Ричард, разведав, что их распускает один из уцелевших в той схватке воинов Маргариты, послал разыскать его и уничтожить.

После этого водворилась тишина. Однако стоило появиться при дворе Уорвику, как всегда уверенный в себе Ричард сникал. Когда же Невиль превратился во врага Йорков, Ричард впервые вздохнул с облегчением, а вскоре мысль о том, что с помощью Анны он сможет подчинить себе Уорвика, начала кружить ему голову. Но оказалось, что Анна знает все, а значит, держит его в руках...

Ричард встрепенулся, когда в дверь постучали. На пороге стоял Джон Дайтон.

– Милорд, я только что из женского монастыря. Настоятельница сообщила, что Анну Невиль никто не может найти.

– Что?!

Ричард вцепился Дайтону в воротник и наклонил его к себе.

– Иди, Джон, иди и поставь весь монастырь с ног на голову! Возьми людей, если понадобится. Но учти – Анна должна быть здесь. Найди ее, даже если она прячется под юбкой аббатисы.

Вскоре прибежал и запыхавшийся Ингильрам.

– Ваша светлость! Милорд!.. Взгляните, что творят ваши люди! Они ворвались в женскую обитель и до смерти напугали монахинь. Мать Бриджит в ярости и грозит пожаловаться королю на бесцеремонное вторжение.

Ричард только скривил рот.

– Аббатиса Бриджит сама вынудила меня к этому, не подчинившись приказу. Я намерен увезти девицу Невиль, и никто не помешает мне в этом!

– Но, ваша светлость, она и в самом деле не может найти леди Анну!

Ричард с усмешкой взглянул на аббата:

– Бог мой, неужели вы считаете, что воспитанница могла улетучиться из обители *in fimo*³¹?

Ингильрам горестно хлопнул себя по бедрам и вышел. Ричард спокойно велел готовиться к отъезду. Однако время шло, но поиски не дали результатов. Герцогу пришлось отужинать в аббатстве, отстоять вечернюю мессу. Несколько раз прибегал Дайтон, прося указаний, появлялись отец Ингильрам и аббатиса.

Стемнело. Ричард приказал принести свечи и грустно усмехнулся. С отчетливой ясностью он понял, что проиграл. Анна Невиль действительно исчезла.

³⁰ В гербе Йорков было изображено солнце в зените.

³¹ Как дым (*лат.*).

5. Досточтимый Ингильрам

В первый понедельник после Дня святого Патрика³² на город Йорк средь бела дня опустился густой белый туман. В десяти шагах уже ничего нельзя было разглядеть, а сырость так и пронизывала насквозь. Редкие прохожие, поплотнее кутаясь в плащи, спешили укрыться у разогретых камельков, и улицы опустели.

В обширном дворе епископского дворца, облокотясь на метлу, стоял худой монах. Вглядываясь в сгустившийся туман, он раздумывал: стоит ли мести двор, если все равно не разглядеть, чист он или грязен. Приближающийся перезвон бубенцов заставил его прервать размышления. Прямо на него из тумана выплыл паланкин с золоченым передком, запряженный парой мулов. Несколько мгновений монах, разинув рот, созерцал, как из него, опираясь на плечи слуг, неуклюже выбирался аббат Ингильрам. Монах оставил метлу и со всех ног бросился сообщать о прибытии гостя.

Ступив на твердую землю, Ингильрам тщательнее задернул кожаные занавески паланкина, видимо, затем, чтобы сырость не проникла внутрь, и украдкой оглянулся. К нему уже спешил управляющий епископа. Ингильрам шагнул ему навстречу.

– Доложите епископу Йоркскому о моем прибытии, – надменно потребовал он. – Передайте, что дело не терпит отлагательства.

– Будет исполнено. Прошу вас, святой отец, следуйте за мной.

Поднявшись по высоким каменным ступеням, они оказались под сводчатым порталом епископского дворца.

«Все это могло бы быть моим», – с горечью подумал аббат, вдыхая всей грудью устойчивый запах ладана, стоявший в этих покоях.

Дворец епископа представлял собой огромное здание, выстроенное в готическом стиле – со сводчатыми галереями, каменными розетками, ажурными башенками, стрельчатыми окнами. На всем лежала печать величия и великолепия. Тяжеловесный и громоздкий старый дворец Йорков, пожалуй, заметно уступал в роскоши владениям епископа.

Аббат Ингильрам ожидал приема в просторном зале. Его подбитая мехом сутана скользила по отполированным плитам пола.

– Да, все это могло бы стать моим, – бормотал он, разглядывая стенную роспись, позолоту под потолком, цветные витражи. – И вопреки всему станет моим! Profuto!³³

Он усмехнулся. Его маленькие глазки недобро вспыхнули.

Опять появился управляющий.

– Его преосвященство работает в библиотеке. Он приказал проводить вас прямо туда.

Библиотека епископа Невилля располагалась на самом верху высокой квадратной башни. Здесь его преосвященство имел возможность трудиться над своими трактатами, изучать старинные рукописи. В библиотеку вела узкая винтовая лестница, проложенная в толще стены. Ингильрам, непривычный к таким восхождениям, проклял все на свете. Несколько раз он останавливался, прислонившись к стене, и хватал ртом воздух. Перед глазами у него плыли круги, подбитая мехом сутана липла к спине, по щекам струился пот.

«Неужели проклятый Невиль каждый день карабкается в этакую высь? Крест честной! Когда я стану здесь хозяином, немедленно прикажу замуровать эту крысиную нору».

Подобрав полы сутаны и отдуваясь, аббат продолжал восхождение. Наконец-то площадка и тяжелая кованая дверь. Толкнув ее, он очутился в длинной сводчатой галерее, где размещалось епископское книгохранилище.

³² 18 марта.

³³ Непременно! (лат.)

Здесь царил тишина. Вдоль стен тянулись дубовые полки, сплошь уставленные невероятным количеством рукописей, глиняных табличек и фолиантов в кожаных переплетах. Самые ценные книги были прикованы к своим местам, чтобы их не могли украсть. Отцы Церкви, философы, поэты, землеописатели... Первые переводы Библии на саксонский и французский, толстые латинские словари чередовались с произведениями античных авторов; исторические хроники мирно соседствовали со светскими романами; здесь же технические наставления, чертежи, таблицы... Сотни, сотни книг.

Аббат Ингильрам огляделся. Несколько монахов за столами-пюпитрами усердно скрипели перьями, склонившись над огромными фолиантами. Свет падал на них сквозь узкие окна с прозрачными стеклами. Немного в стороне, у облицованного темным мрамором камина, в старом кресле под балдахином восседал сам епископ Невиль. Перед ним располагался складной столик, на котором лежала книга в белом переплете.

Когда аббат вошел, епископ словно нехотя поднял глаза от книги.

– *Salve in nomine sancto*³⁴, – сказал он.

– *Salve et vos*³⁵, – ответил Ингильрам.

Епископ указал аббату на стоящий перед ним табурет:

– Прошу, преподобный отец. Что привело ко мне столь редкого гостя?

Ингильрам сел, но еще несколько минут тяжело дышал, не в силах начать разговор. Подперев рукой щеку, епископ терпеливо ожидал.

Его преосвященство Джордж Невиль был высоким и сухощавым, с тонким умным лицом. Венчик каштановых волос обрамлял его чисто выбритую макушку. Вопреки моде он носил длинную окладистую бороду. Брови, будто очерченные сажеей, сходились на переносице, а под их глубоким сводом сверкали ярко-зеленые кошачьи глаза Невилей. Как и прочие монахи, епископ был облачен в сутану, но поверх нее была надета лиловая бархатная пелерина, опущенная горностаем, а на груди покоился усыпанный драгоценными камнями крест на золотой цепи.

Аббат Ингильрам, отдышавшись, выразительно покосился на сидящих в стороне монахов.

– Ваше преосвященство, дело, которое привело меня к вам, следует держать в глубокой тайне. Я рискую поплатиться головой и поэтому хотел бы побеседовать с вами *remotis*³⁶.

По тонким губам епископа скользнула усмешка. Он знал, что Ингильрам страстно мечтает занять его место, не гнушаясь при этом клеветой и интригами, и посему пропустил мимо ушей его замечание.

– Говорите, святой отец, свободно. Я полностью доверяю этим людям.

Аббат Ингильрам сердито засопел и придвинул табурет поближе к епископу.

– Видите ли, я прибыл сюда, рискуя жизнью. И хотя мои намерения чисты и благородны, я могу за это пострадать.

От него исходил едкий запах пота. Епископ невольно отклонился, но Ингильрам придвинулся еще ближе.

– Речь идет о вашей племяннице, леди Анне.

Епископ перестал улыбаться.

– Насколько мне известно, она пребывает в женской обители вашего аббатства?

– Она бежала, – негромко и внушительно сказал аббат.

Епископ повернул лицо к камину, машинально теребя наперсный крест.

– Вы намерены еще что-то сообщить мне? – осведомился он.

³⁴ Приветствую во имя Божье (*лат.*).

³⁵ Приветствую и вас (*лат.*).

³⁶ Без свидетелей (*лат.*).

– О, разумеется, – шепнул Ингильрам, снова покосившись на монахов.

– Все свободны, – хлопнул в ладоши епископ и, выждав, когда за последним монахом захлопнется дверь, повернулся к гостю. – Я слушаю вас, святой отец.

Ингильрам поведал, как несколько дней назад в аббатство прибыл Ричард Глостер, стал выпрашивать об Анне Невиль и пожелал встретиться с ней.

– О чем они говорили и что там произошло, никому не известно. Но с этой встречи Глостер вернулся сам не свой. Видели бы вы его! Крест честной! Этот уравновешенный и всегда любезный юноша больше походил на разъяренного пса.

Далее аббат сообщил о том, что горбун повелел выдать ему дочь Уорвика, которая между тем таинственно исчезла из монастыря. Услышав об обыске, учиненном в женской обители, епископ нахмурился.

– Я непременно доложу об этом королю!

– Ваше преосвященство забывает, что герцог действовал по приказу его величества.

– Не верю! – резко возразил епископ. – Эдуард Йорк – достойный сын Церкви. Я никогда не поверю, чтобы с его ведома творились подобные бесчинства.

Внезапно он круто повернулся к аббату.

– Святой отец, насколько мне известно, вы ярый приверженец герцога Глостерского. Отчего же теперь вы рисуете его в столь мрачном свете?

– Я всегда утверждал, – начал Ингильрам, – что его светлость герцог на редкость умудренный для своих лет вельможа. К тому же меня восхищало, что он, обделенный физически, сумел победить свою немощь и стать блестящим рыцарем и кавалером. Не скрою, что и многочисленные пожертвования в пользу аббатства также расположили меня к нему. Но... – тяжело вздохнул аббат, – когда я доведу свой рассказ до конца, вы поймете, что заставило меня изменить мнение о нем.

Епископ жестом попросил его говорить.

– Когда леди Анну так и не удалось разыскать, Глостер впал в полное отчаяние. Три дня он не покидал стен аббатства, а его люди рыскали кругом, словно ищейки. В конце концов он призвал меня к себе и повелел, чтобы, как только мне что-либо станет известно о вашей племяннице, я тотчас же сообщил ему. После этого он отбыл, оставив несколько человек, которые и по сей день вынюхивают везде, где только мыслимо, следы леди Анны. – Аббат умолк, чтобы перевести дух, и продолжил: – В нескольких милях от аббатства в отдаленной долине стоит уединенная часовня. Там, в лесной тиши, ведет отшельническую жизнь причетник нашего монастыря отец Бенедикт. Творя неусыпно посты и молитвы, он приумножает славу аббатства, но в стенах обители бывает крайне редко. И вот недавно он явился ко мне и сообщил, что Анна Невиль находится у него. Да, именно так, ваше преосвященство! Оказывается, ваша племянница уже давно узнала дорогу за пределы монастыря. При женской обители есть большой сад, окруженный высокой неприступной стеной. В нескольких местах она заросла плющом и диким виноградом столь густо, что под ними почти не видно каменной кладки. Так вот, леди Анна научилась взбираться по гибким лозам на стену, а оттуда спускалась вниз и гуляла в соседнем лесу.

– Боже правый! – воскликнул епископ. – Что я слышу, святой отец? Быть не может, чтобы девица из благородного рода Невилей, подобно дикому животному, лазала по стенам...

– Увы, это так, – ответил Ингильрам. – Леди Анна – удивительное создание. Она не останавливается там, где оробела бы любая другая девица. Я беседовал с послушницами, и они сознались, что знали о том, что Анна время от времени убегает в лес. Она приносила им ягоды или орехи, а один раз даже подобрала где-то зайчонка. Вот во время одной из таких прогулок леди Анна и набрела на келью отца Бенедикта. Он накормил ее и был так добр, что с тех пор леди Анна стала частенько посещать отшельника, а он, многогрешный,

догадываясь, кто она и откуда, не только не порицал ее, но даже готовил к ее приходу какое-нибудь бесхитрое лакомство или подарок.

И вот недавно отец Бенедикт явился ко мне и, убедившись, что нас никто не слышит, сообщил, что леди Анна находится у него. Она прибежала к нему очень взволнованная и умоляла приютить ее. На его расспросы отвечала, что в монастырь прибыл *frater Regis*³⁷ Ричард-горбун, который собирается увезти ее, дабы насильно сделать своей женой. Когда же девушка заупрямилась, герцог попытался ее обесчестить. Лишь присутствие духа и воля Господня позволили леди Анне избежать насилия и скрыться. Но она уверена, что, если вернется в аббатство, ее тут же выдадут Глостеру и он, прикрываясь именем короля, сотворит все, что ему заблагорассудится.

Несколько дней леди Анна прожила в лесу, но отец Бенедикт, рассудив, что долго так продолжаться не может, вчера на рассвете прибыл ко мне испросить совета, как ему быть. Признаюсь честно, я был в великой растерянности. Вроде бы *ex officio*³⁸ мне следовало верить Анну герцогу Глостеру. Однако после того, что поведал отец Бенедикт, я не знал, на что решиться. Отослав ее к королю, я бы тем самым передал девушку Ричарду. В том, что, пользуясь отсутствием ее могущественного отца, с девушкой собираются поступить бесчестно, я не сомневался. Оставить ее у себя было не менее опасно, ибо я мог накликать на аббатство гнев Ричарда, Анну же все равно не спас бы. Тогда я решил, что следует укрыть девушку у ее дядьев – у лорда Монтегю либо у вас. Но маркиз Монтегю в последнее время находится на подозрении, да и живет в замке Уорвика – далеко отсюда. Тут я подумал о вас. Вы живете уединенно, король доверяет вам, у вас обширные владения. Вы сможете надежно спрятать племянницу, и поэтому я доставил ее к вам.

Ингильрам опустил голову, давая понять, что его рассказ окончен. Епископ встал. Несколько минут он в раздумье расхаживал по библиотеке. Аббат из-под опущенных век наблюдал за ним. Внезапно епископ вышел из задумчивости:

– Господи Иисусе! Вы, кажется, сказали, что привезли ее сюда? Но это немыслимо! Ее узнают!

– Успокойтесь, ваше преосвященство. Ваша племянница – неглупая девушка. Она сделала все, чтобы ее не узнали. Хотите повидаться с ней?

У епископа побледнели губы.

– Где она?

– Ожидает в моем паланкине.

– Творец всемогущий! Приведите ее! Нет, постойте... Это безумие. Анна здесь... Неужели вы думаете, что Ричард, с его пронизательностью, не приставил соглядатаев и к моему дому? Ему немедленно доложат.

– Ваше преосвященство, велите ее позвать, а затем мы все обсудим.

В голосе аббата звучала уверенность. Джордж Невиль какое-то время смотрел на него, а затем хлопнул в ладоши. Когда явился слуга, аббат о чем-то негромко переговорил с ним, и тот поспешно вышел.

В зале библиотеки повисла тишина. Епископ продолжал расхаживать, нервно перебирая янтарные четки. Ингильрам, придвинув табурет поближе к камину, шурился на огонь.

Скрипнула дверь. Невиль резко оглянулся: через порог легко переступил худощавый паренек. Пальцы его рук были небрежно засунуты за пояс, он негромко насвистывал, но, увидев епископа, смутился и поспешил отдать поклон.

Епископ недоуменно взглянул на аббата. Ингильрам удовлетворенно улыбался.

– Дядюшка! – негромко сказал паренек. – Дядюшка, разве вы меня не признали?

³⁷ Брат короля (*лат.*).

³⁸ По долгу (*лат.*).

Джордж Невиль онемел. Перед ним стояла Анна. Дочь великого Уорвика в одежде мальчишки! Узкие черные штаны обтягивали ее ноги, на девушке был простой кафтан из серого сукна и зубчатое оплечье с капюшоном, длинный конец которого спускался сзади почти до пояса.

– Дядюшка, это же я, Анна!

Епископ долго вглядывался в эти слегка оттянутые к вискам зеленые глаза. Такие же глаза были и у его брата, Делателя Королей. Да и у него самого. Зеленые кошачьи глаза Невилей...

Анна приблизилась.

– *Deus faciat salvam benignitatem*³⁹, – промолвила она на прекрасной латыни.

– *In saecula saeculorum*⁴⁰, – как замороженный, ответил Джордж Невиль.

– Amen.

Анна коснулась губами перстня епископа. Затем выпрямилась и безудержно расхохоталась.

– Ну же, дядюшка, опомнитесь! Это я, та девочка, которую вы когда-то учили грамоте и бранили за отсутствие христианского смирения.

– Я и сейчас побранил бы вас за это, Анна! Разве не известно вам, девице, что для женщины великий грех – носить штаны и шапку? Бог создал вас женщиной, а вы, вопреки Его воле, стремитесь принять мужской облик. Это сушая ересь и противно церковным законам.

– Увы, дядюшка, *confiteor*⁴¹. Но, видит Бог, иного выхода не было. Отец Бенедикт раздобыл для меня этот наряд, и в нем я беспрепятственно проникла к аббату Ингильраму. Более того, я даже повздорила с одним из слуг Глостера, пообещавшим отрезать уши мне, то есть той самой Анне Невиль, которую разыскивают по всей округе и которую Ричард-горбун избрал себе в супруги.

Тут глаза девушки потемнели.

– Простите, ваше преосвященство, но мне не обойтись без вашей помощи.

– Я слушаю тебя, дитя мое.

Анна опустила на стул у камина и отбросила капюшон. Епископ перекрестился, ибо волосы девушки были коротко обрезаны, едва прикрывая уши и длинной челкой ложась до бровей.

Перехватив взгляд епископа, Анна улыбнулась.

– Не гневайтесь, дядюшка. Если бы у меня был иной выход... Но я обязана была стать мальчишкой.

Анна сейчас действительно очень походила на мальчика-подростка – худенькая, с веснушчатым, задорно приподнятым носиком, ямочками на щеках. И все же епископ отметил, что его племянница очень похорошела с тех пор, как он видел ее в последний раз.

Тут его внимание отвлек аббат Ингильрам. Поднявшись, он заявил, что его миссия завершена и теперь ему пора возвращаться в аббатство, дабы никто из оставленных там Глостером людей ничего не заподозрил. Епископ также встал.

– Благодарю, святой отец, что вы сберегли Анну Невиль.

– Надеюсь, это зачтется мне в чистилище? – лукаво осведомился Ингильрам.

– Я буду поминать вас в своих молитвах, досточтимый отец. Да пошлет вам Господь всяческих благ.

Анна выпрямилась:

³⁹ Да ниспошлет Господь благословения вашей милости (*лат.*).

⁴⁰ Во веки веков (*лат.*).

⁴¹ Каюсь (*лат.*).

– Прощайте, святой отец. Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня. И помните: в доме Невилей вы всегда найдете добрых друзей.

Так, напутствуемый и благословляемый, аббат Ингильрам покинул епископскую библиотеку. Однако он еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Все сошло, как он и предполагал. Проклятый Невиль оказался в западне! Что ж, пусть леди Анна немного поживет у благочестивого дядюшки, а затем он, Ингильрам, с чистой совестью отпишет герцогу Глостеру, что разыскиваемая им девица скрывается у епископа Невиля, из чего следует, что духовный отец Йоркской епархии состоит в сговоре со своим мятежным братом. Посмотрим, долго ли после этого удержит Джордж Невиль епископскую митру. Ну а тогда... Тогда никто и ничто не помешает ему, достойнейшему Ингильраму из рода Дакров, стать могущественным епископом города Йорка!

6. Епископ принимает решение

В эту ночь Джордж Невиль долго не покидал свой кабинет. Он отпустил всех секретарей, оставив лишь пажа для мелких услуг, и мальчик, сидя в прихожей, слышал, как его преосвященство мерит шагами кабинет, вздыхает и бормочет молитвы.

«И чего ему не спится? – размышлял паж, сидя у узкого окошка на сундуке. – Почитай, часа два минуло, как с башен подали сигнал гасить огонь, а его преподобию хоть бы хны. А я тут сиди, как сын. То вина подогретого подай, то свечей принеси. Спать пора, святой отец!»

Неожиданно скрипнула дверь. Паж тут же вскочил и вытянулся.

– Тони, дружок, – позвал Невиль. – Ступай, подкинь дров в огонь, а то что-то зябко.

Когда паж выполнил просьбу и удалился, епископ подошел к камину и протянул ладони к огню. Ныла поясница, и, подождав, пока пальцы согреются, он принялся усиленно растирать ее.

– Что же делать, что же делать?.. – непрерывно бормотал он, ибо куда больше, чем поясница, его беспокоил вопрос, как поступить с племянницей.

После того как аббат Ингильрам ушел, епископ еще долго беседовал с Анной в библиотеке. Девушка сообщила, что решила не только облачиться в мужскую одежду, но и принять новое имя.

– У моего отца, – говорила она, – есть вассал, некий Хьюго Деббич. Сейчас он, скорее всего, находится с отцом во Франции, но у него есть сын Алан. Он старше меня и уже несколько лет как постригся в монахи в каком-то отдаленном монастыре. Об этом мало кто знает, вот я и решила взять его имя.

Епископ находил Анну достаточно разумной и предусмотрительной. Но в то же время его тревожили бьющая через край энергия и непоседливость племянницы.

В библиотеке она первым делом принялась ходить вдоль полок, изучая их содержимое, пока не протянула руку к одной из книг.

– Это сочинение синьора Марко Поло. Я давно хотела ознакомиться с ним. Вы не будете возражать, дядюшка?

Но епископ сурово одернул ее:

– Нет. И учти, дитя, в моем доме, дабы не вызвать подозрений, ты будешь на положении служки или пажа. А никому из них не дозволяется и пальцем касаться книг. Если я стану разрешать тебе больше, чем другим, это вызовет пересуды, что в теперешнем нашем положении крайне опасно.

Он вызвал слугу.

– Отведи этого отрока в келью в угловой башне. Пусть ожидает там моих распоряжений.

Но уже через час, отправляясь в собор к вечерне, епископ обнаружил Анну беззаботно разгуливающей по двору.

– Мастер⁴² Алан! – строго окликнул ее епископ. – Кажется, я приказал вам ожидать распоряжений в отведенной вам келье.

Сердитый тон дядюшки подействовал на Анну. Она попятилась.

– Простите, ваше преосвященство. Но я нестерпимо скучал один, и...

– Отправляйтесь без промедления к себе! – прервал Анну дядя.

Но через некоторое время он все же велел отнести к ней в келью сочинения Марко Поло. Может, хоть они удержат Анну в четырех стенах.

⁴² Титулование мальчика из благородной семьи.

Пробило полночь. Снова заморосил мелкий дождь. Где-то вдали одиноко лаяла собака. Епископ опустил в глубокое кресло у камина, поставив ноги в вышитых туфлях на массивную скамеечку из литого серебра.

– Оставлять ее здесь никак нельзя, – пробормотал он.

Он помнил, что в последнее время у него появилось несколько новых слуг, и нельзя поручиться, что кто-либо из них не является шпионом герцога Глостера.

Епископ подумал, что мог бы отправить Анну в один из отдаленных приходов или монастырей. Но если Глостер так заинтересован в том, чтобы найти ее, то наверняка установит тайное наблюдение за всеми епископскими владениями. Обращаться к Монтегю или к сестре Элеоноре⁴³ также небезопасно: первый под подозрением, вторая слишком на виду. Есть, правда, и дальние Невилы, но все они из-за Уорвика панически боятся опалы и могут ответить отказом.

Разумеется, можно тайно снять для племянницы скромный домик, где она могла бы жить в тишине, и, пожалуй, к этому решению Джордж Невиль склонялся более всего. Но и здесь крылись ловушки. Во-первых, епископ опасался неумного нрава Анны, того, что, не усидев взаперти, она начнет выходить и ее кто-нибудь опознает. А во-вторых, и это главное, епископа смущало, что нельзя сказать определенно, насколько долго придется скрывать племянницу от посторонних глаз. Если власть Йорков укрепитя, то и этому плану грош цена.

Можно, конечно, постричь Анну в монахини и таким образом избежать притязаний Ричарда Глостера. Посвященная Богу девица уже не сможет стать чьей-либо женой. Однако епископ опасался, что дело тут вовсе не в желании Глостера обвенчаться с ней, а в стремлении Йорков влиять на Уорвика. К тому же, глядя на племянницу, ему не очень-то верилось, что она по доброй воле примет монашеский постриг. Девица, которая лазает по монастырским стенам, как кошка, чтобы хоть на часок оказаться в миру, – отнюдь не ценное приобретение для скромной обители. Но вместе с тем это наиболее безопасный выход, и следовало потолковать об этом с племянницей.

Однако на следующий день судьба уготовила ему неожиданное событие.

Едва епископ успел покончить с утренней трапезой, как ему сообщили, что во дворец прибыла королева.

Спустившись в сводчатый зал для аудиенций, Невиль застал там ее величество. Закутанная в широкий белый плащ, Элизабет понуро стояла у окна. Как только епископ вошел, она поспешила ему навстречу.

– Хвала Иисусу! – воскликнула королева, склоняясь и целуя перстень епископа. – Простите, святой отец, что потревожила вас столь рано. Но тяжкий грех мучает меня, и я пришла исповедоваться, дабы облегчить душу.

Епископ жестом пригласил ее в исповедальную, размышляя, отчего ее величество предпочла обратиться к нему, а не к своему духовнику.

Королева Элизабет опустилась на колени. Ее лицо слабо белело за решеткой исповедальни.

– Я грешна, святой отец, ибо неверна супругу своему... Нет, я не совершила плотской измены, но я на краю падения. Стоит мне остаться одной, как все мои помыслы устремляются к другому, тоска и томление овладевают мной. А сейчас этому человеку грозит опасность. Его отправляют с тайным поручением к вашему брату, и, насколько я поняла, с этим связана большая опасность. Это ясно из слов его величества, и я трепещу.

– Назовите имя этого человека, дочь моя, – неожиданно попросил епископ.

– Сэр Филип Майсгрейв.

– Продолжайте, ваше величество.

⁴³ Элеонора Невиль – жена лорда Стэнли, придворная дама королевы Элизабет.

С этого момента Джордж Невиль весь обратился в слух, а королева, увлеченная исповедью, пропустила странный для священнослужителя вопрос.

Тем временем Анна Невиль переминалась с ноги на ногу у одного из больших готических окон, выходящих из зала во двор. Дознавшись со слов слуг, что во дворец епископа прибыла Элизабет Грэй, Анна, подталкиваемая любопытством, прибежала сюда. Ей не терпелось хоть одним глазком взглянуть на прославленную красавицу, лишившую ее короны.

Неожиданно ее окликнули. Анна оглянулась. В другом конце зала толпилась группа пажей, и один из них делал ей знаки приблизиться. Девушка, с неохотой отойдя от окна, направилась к ним.

– Ты кто такой? – спросил ее один из пажей.

Дочь Уорвика не была приучена к подобному обращению.

– А кто ты такой, чтобы так бесцеремонно обращаться к незнакомцу, не зная его рода и титула?

Пажи захохотали.

– Милорд, видать, королевской крови! – давясь смехом, сказал другой паж. – Слушай, ты теперь служишь у епископа, а часть денег, что мы получаем за услуги, мы отдаем вот ему.

И он указал на могучего детину в ливрее пажа, которому, впрочем, давно пора было расстаться с этим званием и подумать о другой, более соответствующей его комплекции должности.

– Будешь его слушаться во всем.

Анна с головы до ног оглядела своего будущего начальника.

– А если я не соглашусь?

Смешливый паж искоса взглянул на предводителя. Тот усмехнулся, и, прежде чем Анна успела опомниться, звонкая затрепцина свалила ее на пол.

Девушку затопила слепящая волна гнева. Она, дочь великого Уорвика, в жилах которой течет кровь одного из благороднейших родов Англии, получила оплеуху от какого-то пажа-переростка!.. Не сознавая, что делает, Анна вскочила и, схватив с ближнего поставца глиняную статуэтку какой-то святой, запустила ею в обидчика. Тот еле успел увернуться. Ударившись о стену, статуэтка разбилась вдребезги. В тот же миг пажей словно ветром сдуло.

Где-то рядом хлопнула дверь. Вбежал брат-ключарь.

– Святые угодники! Не успел этот щенок появиться тут, как уже набедокурил. А ну-ка иди сюда!

Схватив Анну за ухо, он грубо поволок ее. Девушка визжала и пыталась вывернуться, но ключарь крепким пинком водворил ее в отведенную ей келью.

– Посиди-ка тут, мошенник. Разбить статую святой Моники! Я доложу обо всем его преосвященству, пусть он решает, как поступить с тобой.

Когда гнев Анны утих, она не на шутку заволновалась. Она прибыла сюда тайно, просить защиты и покровительства, но только и делает, что обращает на себя внимание, вызывая неудовольствие дяди. Что, если и в самом деле ему станет известно о сегодняшнем происшествии?

Через час, когда ее пришли звать к епископу, Анна стояла на коленях перед распятием. Лицо девушки было мокрым от слез.

Поднимаясь в кабинет его преосвященства, она полагала, что ее ждет взбучка. Однако епископ молча поставил племянницу против света и принялся пристально разглядывать.

«Бедра у нее узкие, и под кафтаном грудь незаметна. Но все же я велю купить ей одежду из кожи или войлока, которые лучше скроют очертания тела. Движения Анны порывисты, как у мальчишки-подростка, да и в штанах она чувствует себя так, словно всю жизнь их носила. Голос у нее низкий, с легкой хрипотцой. Так обычно говорят мальчишки лет четыр-

надцати. Рот великоват, а этот веснушчатый легкомысленный нос никак не выдаст ее пола. Вот только глаза и эти длинные загнутые ресницы...»

– Дитя мое, если тебе придется немного подстричь ресницы, ты ведь не будешь от этого сильно страдать?

Анна, ожидавшая выговора за свой проступок, растерянно уставилась на дядюшку.

– Как прикажете, ваша милость...

Епископ встал и удовлетворенно потер руки. Затем, что-то вспомнив, повернулся к девушке.

– Кстати, что это мне говорили...

– О дядюшка!

И, прежде чем епископ задал свой вопрос, Анна со слезами на глазах во всем повинилась. К ее великому изумлению, угрюмый и чопорный Джордж Невиль рассмеялся.

– Все же хорошо, – вытирая выступившие от смеха слезы, проговорил он, – что они приняли тебя за паренька. Однако впредь помни, что ты не принцесса из благородного дома Невилей, а несчастный бесприютный мальчонка, которому еще не раз придется сносить затрешины и оплеухи.

Анна не отрываясь смотрела на епископа.

– Дядюшка, ради Пречистой Девы Марии, не мучайте меня! Я ведь вижу, что вы уже решили, как со мной поступить.

Епископу пришлось по душе пронизательность племянницы. Положив руку ей на плечо, он спросил:

– Что, Анна, если бы я предложил тебе отправиться к отцу?

Словно солнечный луч глянул в окно – так осветилось лицо девушки. Но уже в следующий миг в ее глазах мелькнуло недоверие.

– Силы небесные! Возможно ли это? Ведь он во Франции, за морем. Он враг Йорков!

– Ну-ка, садись рядом, – пригласил епископ.

И он посвятил девушку в план, который возник у него во время исповеди королевы Элизабет.

Целый час провели за беседой дядя и племянница. К тому времени, когда все детали были обговорены, раздался благовест, сзывающий к мессе.

– Мне пора отправляться в собор, – сказал епископ. – А ты... Скажи, Анна, тебе случалось ездить верхом?

Девушка улыбнулась:

– Меня учил этому отец.

– Просто великолепно!

Епископ вздохнул и осенил себя крестным знаменем.

– Ну а теперь с Божьей помощью я постараюсь поговорить с этим Филипом Майсгрейвом.

7. Рыцарь у камина

Епископ Невиль служил литургию в великолепном соборе Йорка Минстере. Со своего возвышения он видел внизу море плеч и голов прихожан. Среди пылающих свечей и курений ладана мерцала расшитая золотом и драгоценностями одежда знати. Прихожане из простонародья толпились за их спинами. Взгляд епископа скользил по лицам, пока он не приметил рослого молодого мужчину слева от алтаря, и все оставшееся время службы епископ старался не потерять его из виду. Это был Майсгрейв. Он стоял в свите королевской четы, но, как отметил про себя епископ, заметно выделялся среди остальных придворных. И хотя рыцарь держался невозмутимо, все же Невиль решил, что жизнь при дворе еще не наложила на него тот особый отпечаток высокомерия и цинизма, столь характерный для окружения Эдуарда IV. Складывалось впечатление, что Майсгрейв томится и скучает при дворе, вдали от вересковых пустошей, где на скале высится его Нейуорт-холл, а лучники с башен замка окидывают взглядами лесистые гряды Чевиотских гор.

После службы, когда прихожане стали расходиться, его преподобие отправил монаха, чтобы тот передал рыцарю приглашение к ужину.

Филип Майсгрейв прибыл вовремя. Он казался спокойным, хотя его преподобие и знал, что в глубине души тот недоумевает, чему обязан неожиданным вниманием епископа Йоркского.

Была пятница, постный день, и к столу подавали лишь рыбные блюда. Великолепный осетр, норвежская треска, свежий тунец и нежнейшая паровая форель – все было приготовлено мастерски и приправлено тонкими соусами. В кубках искрилось гасконское вино, густое и золотистое.

Епископ Невиль, всегда воздержанный в еде, лишь слегка прикасался к пище, в то время как его сотрапезник отдавал должное изысканному ужину, порой выжидающе поглядывая на его преподобие. Тогда епископ слегка кивал, словно подбадривая и благословляя сэра Филипа продолжать ужин.

«Какой аппетит! – невольно думал его преосвященство. – Какие зубы, какой желудок! Вот кто не страдает, подобно мне, от болей в печени и скверного пищеварения».

Вошел слуга, чтобы поправить свечи и подбросить дров в камин. Пахло воском, ладаном, корицей и лекарственными травами.

Закончив, сэр Филип омыл по придворному обычаю кончики пальцев розовой водой и, вытирая их льняным полотенцем, заметил:

– Ваш посыльный сообщил, что преподобный отец желает побеседовать со мной, вы же пока довольствовались тем, что предоставили мне возможность убедиться в превосходстве епископской кухни перед королевской.

– Да, сын мой, мне необходимо кое о чем вас попросить.

– Попросить? Разве у могущественного епископа Йоркского могут быть основания о чем-то просить бедного рыцаря с окраины королевства?

– Это некоторое преувеличение. Ваша женитьба оказалась небезвыгодной, к тому же, я слышал, вы в чести при дворе.

– Первая милость, какую оказал мне Эдуард Йорк, – отнял у меня возлюбленную.

– Но он дал вам взамен леди Меган Перси, богатую наследницу славного и могущественного рода.

На это сэр Филип ответил саркастической усмешкой.

В камине обрушились поленья, взметнулся столб искр, осветив открытое, горделивое лицо рыцаря. Епископ, прищурясь, взглянул в него.

«А ведь я, пожалуй, склонен поверить, что король ревнует к нему Элизабет и отправляет сэра Филипа от двора только по этой причине».

У рыцаря было смуглое лицо с крепким подбородком, чуть впалыми щеками и резко очерченными скулами. Длинные светло-русые волосы мягко вились от сырого вечернего воздуха и, обрамляя лицо, ниспадали на лоб и плечи. Черты лица его были соразмерны и приятны, а взгляд глубоких темно-синих глаз, казалось, проникал в самую душу. Между густыми прямыми бровями рыцаря пролегла глубокая борозда – след тревожных раздумий. Это был тот тип северного воина, в жилах которого смешалась кровь норманнов, саксов и шотландских племен. Лишь смуглость кожи Филипа свидетельствовала о примеси более южной крови его матери-француженки.

– Я слышал, вас отправляют к графу Уорвику?

Подняв бровь, Филип вопросительно взглянул на епископа.

– Это так.

– Когда вы едете?

Минуту помолчав, воин ответил:

– Через три дня.

«Правдив. Скверный придворный».

– Я уверен, – начал епископ, – что король сделал верный выбор. Я слышал, вы свободно изъясняетесь на языке своей матери.

– Вполне.

– Кроме того, вы искусный воин, чрезвычайно преданный королю, а о вашем отряде ходят легенды. Послание короля в надежных руках.

Филип немного подался вперед, не сводя пристального взгляда с епископа.

– Но ведь о моей поездке за Ла-Манш известно считаному числу лиц. Откуда же вы, родной брат врага короля, можете знать о ней?

– О, сын мой, нет таких событий, происходящих при дворе, которые не становились бы известны Церкви, – с улыбкой парировал епископ.

– Это не ответ.

– Уж не намекаете ли вы, чтобы я, глава епархии, исповедовался перед вами, сэр рыцарь?

Филип откинулся в кресле и какое-то время размышлял.

– Должен ли я сообщить королю, что вам известно о моей поездке? – спросил он наконец.

Епископ встал и прошелся по комнате. Углы ее тонули во мраке, лишь стол у камина и выпрямившийся в кресле рыцарь оставались освещенными. Унизанной перстнями холеной рукой Джордж Невиль провел по своей душистой бороде и неспешно заговорил:

– До меня не раз доходили слухи об удивительной отваге, с какой вы, сэр рыцарь, ведете войну на границе с Шотландией, и, еще не зная вас, я проникся к вам уважением. Порасспросив, я выяснил, что в юности вы остались сиротой, но смогли в это тяжелое время отстоять свои родовые владения и честь. Теперь по милости королевы Элизабет вы стали придворным лордом, приближенным короля, а это значит, что время рыцарской доблести для вас миновало. Тот круг, где вы сейчас вращаетесь, обязывает к лести, поклонению и хитрости, и, как муха становится жертвой хитроумной паутины, так и вы невольно оказались в сети интриг коронованных особ. Увы, сын мой, такова жизнь у трона, и тот, кто не принимает этих законов, неизбежно гибнет. Подобная участь может ожидать и вас, и здесь вам не помогут ни редкостное искусство владения оружием, ни отчаянная храбрость. Вот, скажем, вы, сэр Филип, с горечью заявили, что в награду за верную службу Эдуард лишил вас дамы сердца. Королям, как известно, не перечат, в ваших же словах звучал упрек. Достаточно прознать об этом его величеству – и бывшему сопернику не миновать опалы. Далее. Вы, если не оши-

баюсь, решили известить короля, что его тайные планы стали ведомы брату его заклятого врага. Господь всемогущий! Я верой и правдой служу Церкви и надеюсь, что на этой ниве изволением Всевышнего смогу сделать еще много доброго. Однако, если вы начнете наговаривать Эдуарду на меня, мне грозит заточение, паства моя лишится пастыря, а сам я в конце концов – головы. Впрочем, есть средство обезопасить себя... – Он повернулся к сэру Филипу. – Вам, я думаю, нравится епископский дворец, сэры? Не правда ли, если не считать Минстера и городской ратуши⁴⁴, это красивейшее здание в Йорке? Прекрасная архитектура! Святые отцы, хозяйничавшие здесь до меня, строили прекрасно, я же только кое-что усовершенствовал. Между прочим, стоит мне слегка нажать на эту пружину под распятием, и плита, на которой стоит ваше кресло, опустится и вы окажетесь в месте, о котором лучше не упоминать без нужды. Мне показалось, вы вздрогнули? – Епископ легко взмахнул рукой. – Не волнуйтесь, сын мой. Я не стану этого делать. Я просто даю вам понять, что не всегда стоит так открыто говорить о том, что думаешь. Ибо это, видит Бог, может сослужить вам худую службу.

Филип какое-то время молчал, не сводя взгляда с епископа.

– Должен ли я считать, что вы говорили как доброжелатель?

Епископ поднял глаза и перекрестился.

– Эти слова шли от души.

– В таком случае либо вы во мне нуждаетесь, либо по каким-то неясным для меня причинам вы, ваше преподобие, испытываете ко мне расположение.

Епископ опять провел рукой по бороде. По его тонким губам скользнула усмешка.

– И то и другое, сын мой, и то и другое...

Рыцарь встал и шагнул к камину. Его широкая спина почти скрыла пламя.

«Какая мощь! – невольно подумал епископ. – Хорошо иметь такого воина на своей стороне».

– Ваше преосвященство, – не оборачиваясь, сказал Филип. – Я отправляюсь во Францию, где ваш брат экипирует войско, чтобы обрушиться на Эдуарда Йорка. Мне надлежит доставить ему послание. Вы же... – Он кивнул своим мыслям. – По всей видимости, вы хотите, чтобы я передал Урвику какое-то известие. Но не будет ли это изменой моему королю, которому я присягнул на верность?

– Эдуард Йорк оказал мне великую честь, не лишив своих милостей после того, как мой брат Ричард перешел на сторону Ланкастеров, – с достоинством парировал епископ. – Я не намереваюсь выступать против короля Эдуарда. Это дело военных, духовные особы обязаны блюсти мир, ибо в Писании сказано: «*Beati pacifici...*»⁴⁵ И я всем сердцем молю Господа о том часе, когда пресекутся кровавые распри и покой осенит детей Божьих в этой стране.

– Чего же вы хотите от меня?

– Весьма небольшой услуги, сын мой.

Джордж Невиль не спеша опустился в кресло и, отпив глоток из высокого чеканного кубка, проговорил:

– Во Франции, сэры Филип, в стане моего брата находится некий сквайр Хьюго Деббич. В Англии земли этого ланкастерца конфискованы в пользу короны, а его сын, четырнадцатилетний мальчик, остался без крова и пропитания. Из простого милосердия я решил отправить отрока к отцу, ибо юноша пребывает в бедственном положении. Хьюго Деббич в свое время оказал мне немало услуг, и было бы справедливо отплатить ему добром.

⁴⁴ Ратуша – здание, где помещался городской совет.

⁴⁵ Блаженны миротворцы (*лат.*).

– Преподобный отец, – возразил Филип, – известно ли вам, что путь наш лежит через бунтующую страну, через бурное море и в пути нас подстерегает немало опасностей? Не лучше ли определить отпрыска почтенного сэра Хьюго в одну из вверенных вам обителей и таким – куда более надежным – способом оказать услугу его родителю?

– Мне известно, что путь ваш нелегок, – со вздохом сказал епископ. – Но, я думаю, грешно разлучать сына с отцом. Мальчик всей душой рвется к нему. Оставить при одной из обителей?.. Видели бы вы этого сорвиголову! Он и неделю не выдержит строгого монастырского устава, а делать ему поблажки я не намерен, дабы не вводить в искушение других монахов. К тому же... пути Господни неисповедимы, и кто поручится, что Хьюго Деббич сможет вернуться в эти края и обнять сына?

Рыцарь молчал. Лицо его казалось изваянным из бронзы.

«Он что-то заподозрил!» – Чтобы прервать размышления Филипа, епископ хлопнул в ладоши, вызывая слугу.

– Приведите сюда Алана, – приказал он. – Вы, сэр Филип, сами сейчас убедитесь, какое это неглупое и живое существо. К тому же он неприхотлив и не станет вам большой обузой. Отлично держится в седле, я дам ему доброго коня, а вы получите известную сумму на дорожные расходы. Ну вот, я уже слышу его голос.

И в самом деле, из-за дубовой двери донеслись звонкий голос и безудержный смех, странно прозвучавший среди торжественной тишины епископских покоев.

Филип невольно обернулся. Дверь распахнулась, и появился тот, кого называли Аланом. Не входя, подросток привалился к косяку двери, заливаясь смехом. За ним маячила фигура испуганного монаха-прислужника, в руках которого дымилась погасшая свеча. Переступив порог, Алан пересек покой и просто рухнул в кресло, в котором перед тем сидел Филип Майсгрейв.

Епископ резко поднялся.

– *Quid de symbolo?*⁴⁶ – сурово осведомился он, невольно покосившись на Филипа, с интересом глядевшего на подростка.

– Там... Свеча...

Больше мальчик не мог вымолвить ни слова, заходясь от хохота.

Вошедший следом монах торопливо начал пояснять:

– Ваше преосвященство, сквозняк задул свечу, я оступился впотьмах, упал...

Мальчишка все покатывался со смеху.

– ...И скатился по лестнице, – закончил монах.

– Я едва успел отскочить! – выдохнул Алан. – Святой отец запутался в сутане, не удержался на повороте и кувыркался по ступеням до тех пор, пока его не изловили стражники внизу. – Мальчик даже всхлипнул от смеха.

Такое поведение в присутствии духовного лица было вопиющим. Епископ нахмурил брови и, подойдя к племяннице, с силой встряхнул ее за плечи:

– Опомнитесь, сын мой! Ведите себя пристойно, ибо что может подумать о вас этот рыцарь?

Смех застыл на устах Анны. Только сейчас она заметила этого высокого синеглазого человека, строго глядевшего на нее. Она растерялась под этим взглядом и, словно ища поддержки, обернулась к дяде. Лицо епископа оставалось сумрачным. Он подошел к Филипу Майсгрейву.

– Сын мой, позднее я передам для содержания юноши достаточную сумму, пока же возьмите вот это.

⁴⁶ Что означает сие? (лат.)

И он вложил в руку рыцаря увесистый кошель. Филип подбросил его на ладони, монеты соблазнительно звякнули. И все же что-то во всем этом было не так.

Неожиданно в сумраке раздался голос мальчика:

– Ради всего святого, сэ, возьмите меня с собой! Именем Христа и его Пречистой Матери умоляю вас. Я не буду помехой в пути и стану вести себя тихо, как мышка. Ем я мало, могу долго не спать и выдержу любую скачку. Мой отец научил меня многому. Если понадобится, смогу приготовить ужин, вычистить оружие или разбить палатку. А еще я неплохо стреляю из арбалета. – Не зная, что еще добавить, мальчик развел руками и внезапно упал перед рыцарем на колени. – Увезите меня во Францию, сэ, рыцарь! Мне нестерпимо оставаться здесь слабым и незащищенным, и я очень хочу к отцу. Разве это худое дело – соединить отца и сына? А если я окажусь совсем плох, лучше бросьте меня на дороге. – В его глазах стояли слезы.

Сэр Филип, взяв мальчика за плечи, одним движением поднял его с колен.

– Для начала твоему отцу следовало научить тебя не плюхаться перед первым встречным на колени.

Это прозвучало как пощечина. Анна выпрямилась.

– Может, отец и воспитывал меня не как должно, но лишь ему я дам отчет о своем поведении и не намерен выслушивать упреки от первого встречного.

Филип склонился, разглядывая это гневно вспыхнувшее лицо. Глаза мальчика, по-женски красивые, смотрели прямо и твердо.

– А ты мне нравишься, паренек, – вдруг сказал рыцарь и потрепал Анну по щеке. – Из тебя в свое время получится настоящий рыцарь, если перестанешь лить слезы. Ты поедешь со мной!

Сэр Филип улыбнулся. Странно было видеть такую нежную и светлую улыбку на этом обветренном суровом лице.

Потом он заговорил с епископом. Анна же опустила на подставку у камина и подбрасывала в него дрова, а когда огонь разгорелся, не отрываясь глядела на рыцаря, на его мягкие кудри, сильную статью, вспоминая его прикосновение – прикосновение огрубевшей от меча и конских поводьев руки, которая только что так ласково коснулась ее щеки.

Потом Филип Майсгрейв собрался уходить, сообщив, когда ей следует прибыть к нему. Неожиданно для епископа и для себя самой Анна вызвалась посветить ему факелом и сопроводила рыцаря до тех пор, пока он не вскочил в седло во дворе и не скрылся под аркой ворот.

Она даже не расслышала, как к ней тихо подошел епископ, лишь чуть вздрогнула, когда он положил ей на плечо руку.

– Вы готовы отпустить меня с этим рыцарем, дядюшка?

Епископ взял из ее рук факел.

– Он честный человек, а в наше полное лжи и коварства время это много значит. К тому же у меня нет иного выхода. Как бы ловко я ни прятал тебя, вокруг полно предателей, готовых в любую секунду отдать тебя Йоркам. Оставить тебя здесь нет никакой возможности.

Анна зябко поежилась. Считанные дни оставалось ей провести возле родного человека, чтобы затем вверить себя незнакомому рыцарю Майсгрейву.

– Ora pro nobis⁴⁷, дядюшка, – тихо сказала она.

⁴⁷ Молитесь за нас (лат.).

8. Поздним вечером

Филип Майсгрейв неторопливо ехал по ночному городу, перебирая поводья. Конь ступал шагом. Было тихо, лишь слышались щелчки падающих с крыш капель да хлюпала уличная грязь под копытами. В воздухе висела сырая сумрачная мгла. Только кое-где свет масляного фонаря выхватывал вывеску лавчонки или ступени дома богатого горожанина.

Откуда-то со стороны донеслось бряцание оружия. Освещая туманную мглу копящими факелами, прошла городская стража, нараспев повторяя одно и то же:

– Стража идет! Все спокойно. Почивайте с миром!

Филип попридержал лошадь, пропуская стражу, а затем, свернув за угол, оказался у своего дома. Это было высокое, гладко оштукатуренное строение, украшенное резьбой на дубовых рамах, с покатою тростниковой крышей. Массивные ворота вели во внутренний двор. Створки их были слегка приоткрыты, рядом с воротами стоял пожилой коренастый слуга, поджидая хозяина. Чтобы скоротать время, он что-то наигрывал на пастушьей свирели.

Спрыгнув с седла, Филип бросил ему поводья.

– Надеюсь, леди Меган уже уснула, Бен?

– Нет. Служанки уговаривали ее лечь, но она заявила, что не отойдет ко сну, пока не дожидется вас, сэр Филип.

При свете небольшого фонаря Бен видел, что господин хмурится. Он даже по-приятельски похлопал рыцаря по плечу.

– Хорошо, что мы вскоре едем, сэр. Весь этот женский визг!.. Сил нет.

– Ты не должен так говорить о моей супруге, дружище, – заметил рыцарь.

– Как прикажете. Но я знал вас еще мальчонкой, и никогда вы не выглядели таким мрачным, как в последний год.

– Это уж мое дело, – сухо бросил рыцарь, проходя мимо.

Его городской дом был богат и уютен. Дубовые полы чисто выметены, на беленых стенах висели в ряд оружие и начищенные миски. Лестница из мореного дуба вела наверх, а у каждой двери горел небольшой медный светильник.

Приподняв тяжелую портьеру, Филип ступил в просторную комнату, стены которой были завешены гобеленами, а пол устлан тростником. Здесь было тепло. Филип сбросил плащ и подошел к высокому креслу, где, откинувшись на спинку, уснула леди Меган Майсгрейв, не дождавшись супруга. Рыцарь немного постоял, глядя на нее. Губы Меган были приоткрыты, на лбу и переносице блестели бисеринки пота. Дышала она ровно и глубоко.

Филип негромко вздохнул. Он никогда не любил эту женщину. Он получил ее как ценный дар, из тех, какими награждают вассала за преданную службу. Если взглянуть иначе – Элизабет уплатила выкуп за свою измену. И это было бесконечно унижительно. Возможно, поэтому он с первого дня испытывал глухую неприязнь к Меган, хотя та, вероятно, и заслуживала лучшего отношения. Если поначалу Меган стремилась почаще напоминать мужу, что она из Перси, могучих властителей Пограничья, была надменна и капризна, то позднее ее чувство к мужу переросло в любовь столь страстную, что иногда Филип даже с сожалением вспоминал их прежние, натянутые отношения.

Он не мог полюбить Меган, она раздражала его своим слепым обожанием. Филип старался быть мягким с женой, но при первом удобном случае торопился покинуть дом, скрыться от Меган. Даже узнав, что она ждет ребенка, он остался холоден. Филип видел, что жена мучается, испытывал к ней жалость и сострадание, но не более того. Его изводили ее слезы, ее ласки, ее неотвязное внимание, а в довершение всего – ее ревность. Дошло до того, что она стала посылать служанок шпионить за ним.

Вздыхнув, Филип оглядел комнату. С тех пор как Меган стала его женой, он был окружен непривычной для себя роскошью. Как родственник Перси, он вынужден был купить этот дом и обставить его с ужасающей расточительностью. Затем, заложив часть земель, полученных в приданое, он смог привести в порядок свой замок Нейуорт, сильно пострадавший от набегов северян. Перестройка замка дала ему возможность надолго отлучаться из дома. Филип с удовольствием жил бы по-прежнему в своем пограничном замке, охотился на холмах, осушал болота и разводил скот, вершил бы суд среди своих вилланов.

Но то время миновало. Его светлая звезда, Элизабет, поднялась на столь недостижимую высоту, что не осталось никакой надежды вернуть старое...

Филип наклонился и коснулся плеча жены.

– Ты бы шла к себе, Меган.

Она моментально проснулась. Жадно схватив его руку, осыпала ее поцелуями.

– Ну что ты, Меган, – сказал он, осторожно отнимая руку. – Успокойся. Уже поздно. Иди спать.

– Я так ждала тебя, – сказала она, обнимая Филипа.

Ростом она была гораздо ниже мужа, и, чтобы поцеловать его, ей пришлось встать на носки и притянуть к себе его голову.

– Я прикажу подать ужин.

– Благодарю, не стоит. Я был у его преосвященства епископа Йоркского, и он меня отменно попотчевал.

– Но я велела приготовить блюдо из оленьих языков во французском вине на меду. Их разогреют и мигом подадут.

Филип пожал плечами.

– Ради бога, Меган. Я вовсе не хочу есть.

– Но, Филип, мне так хочется. Прошу тебя!

– Меган, я совершенно сыт.

Услышав нетерпение в голосе мужа, леди Меган сердито прищурилась:

– Я не верю тебе. С какой стати епископу засиживаться с тобой допоздна? Здесь замешана дама!

– Оставь эти глупости.

– Я чувствую, я знаю!

– Меган, успокойся.

– О я несчастная! – Леди Меган уже рыдала. – Святая Дева и ангелы небесные! За что мне посланы такие муки, когда за любовь и преданность мне платят изменой и ложью! А ведь я ношу под сердцем твое дитя, Филип! Опомнись!

Она заламывала руки, лицо ее залилось слезами.

– Ты уже много ночей пренебрегаешь мною, ты забыл, что я твоя жена перед Богом и людьми!

– Меган, ты разбудишь слуг.

– Плевать! Пусть все знают, как поступает с женщиной из рода Перси какой-то ничтожный Майсгрейв!

Филип отвернулся, застыл у камина, скрестив руки на груди. Утешать сейчас Меган – все равно что подливать масла в огонь. И, сдержав себя, он невозмутимо глядел на язычки пламени, перебегавшие по еловым поленьям.

Меган наконец взглянула на мужа. Его точеный красивый профиль, освещенный светом камина, отчетливо выступал на фоне темной комнаты. Роскошные кудри мягко ложились на виски и плечи.

Меган перестала плакать.

– Господи, Филип, я так тебя люблю!

Он поморщился, словно от зубной боли, и, резко повернувшись на каблуках, покинул комнату. Леди Меган зарыдала с новой силой.

Филип вышел во двор, глубоко вдохнул сырой ночной воздух. Перейдя двор наискосок, он направился к служебным постройкам, где заметил свет. Там, под навесом у конюшни, при свете небольшой глиняной лампы трое его людей резались в карты – эта игра совсем недавно вошла в моду и пользовалась огромной популярностью. В азарте игроки забыли обо всем на свете и даже не заметили, как рыцарь оказался рядом с ними.

– Что, не спится?

Все трое разом встрепенулись. Ответил Бен, тот самый, что принимал у сэра Филипа коня. Сейчас, при свете пламени, было видно, что это грузный пожилой мужчина, коренастый и крепкий. У него был крохотный курносый нос и широкая, с проседью, борода, волосы ровно пострижены.

– Должен же я, сэр, отыгратья у Гарри!

Он кивнул в сторону живого кудрявого паренька с некрасивым, но необыкновенно лукавым лицом. Тот ухмылялся, показывая все тридцать два зуба.

– Старый Бен азартен, как французский петушок, – съязвил он, тасуя карты.

Гарри Баттс был сыном старого слуги из Нейуорта. Шутник, балагур и остролов, он часами мог потешать челядь и не терял чувства юмора даже в самой сложной ситуации. Невзирая на то, что Гарри не был хорош собой, женщины его обожали, да и сам он не пропускал ни одной юбки. У него были большие карие глаза и мясистый, сильно вздернутый нос с крупными ноздрями. Он улыбался задорно и весело, обнажая свои неровные желтоватые зубы.

Рядом с Гарри, ссутулясь, сидел его старший брат Фрэнк Баттс. И хотя братья были очень похожи, однако, в отличие от неугомонного Гарри, Фрэнк был на диво спокоен и рассудителен. Он был чрезвычайно силен и часто подрабатывал тем, что за деньги дрался на кулаках, гнул голыми руками подковы, валил за рога быков. У Фрэнка были холодные серые глаза и такие же, как у брата, крупные зубы. Обычно он выполнял при Филипе Майсгрейве роль оруженосца и ухаживал за его конем.

Фрэнк поднялся.

– Если вас, сэр, беспокоит гнедой, то сегодня был лекарь и сказал, что ничего страшного нет. Но я на всякий случай поставил его в отдельное стойло. А Кумир в порядке. Я расседлал его и задал корма.

– Спасибо, Фрэнк. Я схожу к нему, а ты оставайся.

В темной конюшне стоял теплый дух навоза и сухой соломы. Пройдя вдоль ряда стойл, в которых сонно переминались лошади, Филип направился в угол, где стоял Кумир, любимец рыцаря. Слишком легкий и изящный для турниров, он был хорош в бою, когда требуются ловкость и послушание, годился для быстрых набегов и долгих переходов, то есть как раз для той жизни, которую вел Филип у себя дома, на границе.

Этого скакуна он добыл в стычке с предводителем клана из Среднего Пограничья – болотистого труднодоступного края в низинах у подножия Чевитских гор. Тогда это был горячий, плохо объезженный конь, молодой и злобный. Филип поначалу хотел от него избавиться, но потом ради забавы взялся объездить и, когда конь покорился и привязался к нему, решил оставить его для себя.

Кумир был серой в яблоках масти, с длинной черной гривой и пышным хвостом. Сразу бросались в глаза удлинённый корпус, крутая шея, стройные мускулистые ноги. Сдержанные, но полные скрытой мощи движения благородного животного указывали, что эта лошадь может без усилия выдержать любую скачку.

Филип потрепал коня по холке, и тот, шумно вздохнув, положил на плечо хозяина голову. Он был предан как собака, никого, кроме Филипа, к себе не подпускал, шел на свист,

замирал по мановению руки или ложился в стороне, если нужно было укрыться. Майсгрейву никогда не доводилось видеть столь разумного коня.

– Ну-ну, дружище, – бормотал он, лаская жеребца. – Скоро в дорогу, что-то ты застоялся, заскучал...

Где-то в соседнем стойле лошади начали грызться, донеслось визгливое ржание. Проснувшийся конюх сердито гаркнул:

– А вот я тебя! Это не лошади, а исчадия адавы!

Филип вернулся к дому. Там было тихо и темно. Перешагивая через спавших вповалку слуг, он пробрался в небольшую комнату, где по углам тлели жаровни с раскаленными углями. В спальню идти не хотелось, и, опустившись на ларь возле одной из жаровен, рыцарь протянул к теплу ладони. Он перебирал в памяти разговор с Джорджем Невилем.

«Епископ, похоже, лукавит. Не стал бы он так хлопотать о каком-то мальчишке. Видно, этот Алан Деббич важная птица, а может, именно он должен что-то передать Уорвику. Долг велит мне сообщить обо всем королю либо герцогу Глостеру».

Тут он вспомнил умоляющие глаза Алана.

«Кажется, мальчишке приходится туго и он действительно стремится к отцу. Но что, если он замешан в какой-то интриге? Люди Йорков не знают милосердия. А мне никогда не доводилось быть предателем... Однако клятва вассала... Я ведь служу Йоркам».

Тут он горько усмехнулся.

«Я всегда шел на жертвы ради величия дома Белой Розы. И что же? Король меня ненавидит, это так. Но он мой сюзерен, и я буду служить ему до последнего вздоха. Он волен распорядиться моей жизнью и моим мечом, но не моей совестью. Я подчиняюсь и отправляюсь во Францию, и только мне решать, стоит ли сообщать милорду Глостеру, что к моему отряду примкнул несчастный бродяжка. Да и что в том дурного? Разве лишь то, что за него хлопотал брат Уорвика. Но если епископу верит король, я тоже не вижу причин сомневаться в нем».

Он еще долго так сидел, пока угли не подернулись пеплом и не начала стыть спина. Под окном снова раздалась переключка ночной стражи.

Филип потянулся. Было далеко за полночь. Он подумал, что Меган давно спит и он может проникнуть в опочивальню без скандала.

В этот миг он ощутил легкое колебание воздуха. Жаровня зачадилась, и Филип понял, что позади него отодвинули занавесь на двери. Он оглянулся.

Придерживая одной рукой тяжелый полог, в дверном проеме возникла фигура, с головы до ног закутанная в широкий белый плащ.

– Ты не ждал меня? – мягко прозвучал знакомый голос.

Филип медленно поднялся. Сердце прыгало прямо в горле. Перед ним стояла королева.

Видя, что рыцарь в замешательстве, она переступила порог и огляделась.

– У тебя хороший дом. Леди Меган прекрасная хозяйка, и ты должен быть благодарен мне, Филип.

Рыцарь молча придвинул Элизабет кресло. Королева села и откинула капюшон. Ее прекрасные волосы были уложены в некое подобие короны и покрыты золотой сеткой. Блестящие глаза в полумраке казались огромными, а кожа при слабом свечении углей отливала перламутром.

Не спеша, по обыкновению чуть растягивая слова, королева заговорила:

– Я возвращалась из монастыря святой Елизаветы, моей покровительницы. Его величество уже примирился с тем, что оттуда я приезжаю поздно. Дорога ведет мимо твоего дома, и я заметила старого Бена у ворот. Он сказал мне, что ты еще не ложишься, и провел в эту комнату.

Она умолкла, выжидая, но Филип никак не реагировал на ее слова. Стояла удивительная тишина, лишь где-то далеко протяжно выла собака.

Не выдержав молчания, Элизабет спросила:

– Отчего ты не спросишь, что привело меня сюда?

– Государей не спрашивают. На все их воля.

Элизабет едва заметно кивнула:

– Ты прав.

И опять повисла тишина. Элизабет сжала подлокотники кресла так, что заныли пальцы. Она ожидала совсем иной встречи. Ведь она, королева Англии, презрев все на свете, ночью, тайно пришла к простому рыцарю!

Она указала на ларь, где он прежде сидел:

– Присядь. Мне нужно поговорить с тобой.

– Благодарю, но вассал не должен сидеть в присутствии своей королевы.

Он остался стоять. Элизабет вздохнула.

– Мне стало известно, что ты получил тайное поручение от короля, которое тебе передал герцог Глостер. Поручение почетное, но крайне опасное. Филип, ты ведь везешь послание графу Уорвику?

Филип молча поклонился.

– Ты должен отказаться от этого поручения, – твердо сказала королева.

Майсгрейв развел руками.

– Ваше величество лучше меня знает, что это невозможно.

– Бывают случаи, когда невозможное становится возможным. Придумай что-нибудь, Филип. Сошлись на волнения на границе, на ослабленный гарнизон Нейуорта, на близость родов у супруги, на плохое здоровье, наконец.

Он смотрел в сторону.

– Это исключено, ваше величество. Я уже дал согласие. Через три дня я уезжаю, и для этого все готово.

– Через три дня... – медленно повторила королева. Она встала и прошлась по комнате.

– Ты везешь послание, за которое отвечаешь головой. Но ты должен знать, что король неспроста не воспользовался обычным гонцом. Мне неизвестно, что в письме, но с тех пор, как оно запечатано, король сам не свой. Они писали его вместе с братом, а Ричард способен на все. – Она повернулась к Филипу. – Я должна узнать, что в этом письме!

Рыцарь чуть улыбнулся.

– Если король предложит вам прочесть...

– О нет! В том-то и дело, что Эдуард, всегда советующийся со мной, держит его в секрете. Мне ничего не удастся добиться. Единственное, что я знаю, – это то, что человеку, везущему письмо, грозит опасность. Филип! Только ты можешь мне помочь. Я должна разобраться во всем, поэтому ты должен встретиться со мной, когда письмо будет у тебя. Назови время, укажи дорогу, и я буду ждать тебя в миле от Йорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.